

ISSN 2073-5618

Translator **Переводчик**

№17 2017

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Забайкальский государственный университет»

Забайкальское региональное отделение
Союза переводчиков России

ПЕРЕВОДЧИК

Научно-художественный журнал

Выпуск 17

Чита
Забайкальский государственный университет
2017

УДК ОБ-808.03
ББК Я 52-Ш 407
П 8.3

Научно-художественный журнал «Переводчик»
(Печатный орган Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России)

Главный редактор
О. В. Стельмак канд. филол. наук, доц. каф. европейских языков и
лингводидактики ЗабГУ, председатель Забайкальского
регионального отделения Союза переводчиков России

Редакционный совет:

Л. О. Гуревич почётный президент Союза переводчиков России;
Т. В. Воронченко д-р филол. наук, проф., директор НИИ филологии
и межкультурной коммуникации ЗабГУ;
М. В. Константинов д-р ист. наук, профессор кафедры истории ЗабГУ

Редакционная коллегия: О. В. Ушникова, И. Н. Силицкая, И. А. Боброва,
И. Н. Костина, А. Н. Булдыгерова

Переводчик: научно-художественный журнал / Забайкал. гос. ун-т ;
П 8.3 гл. ред. О. В. Стельмак ; – Чита : ЗабГУ, 2017. – Вып. 17. – 259 с.
(ISSN 2073-5618).

Журнал «Переводчик» предназначен для филологов, лингвистов, а также для тех, кто интересуется вопросами перевода и переводоведения. Он знакомит читателей с информацией Союза переводчиков России и Забайкальского регионального отделения СПР, новыми переводами зарубежной поэзии и прозы. Раздел «В студенческой лаборатории» представляет студенческие работы по переводу. Разделы «В копилку переводчика» и «Лексикография» предназначены переводчикам-практикам. Раздел «Земля Даурская» адресован краеведам Забайкалья. Читатели найдут интересными и другие разделы нашего издания, в частности, «Уголок поэтов», «Конкурсы, конкурсы...!!!», «Памятные даты», «Перлы переводчиков» и др.

**УДК ОБ-808.03
ББК Я 52-Ш 407**

© Забайкальский государственный
университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ИНФОРМАЦИЯ

Летняя школа перевода 2017 (10–14 июля, г. Архангельск)..... 5

Первая Забайкальская летняя школа перевода (06–18.06.2016 года)..... 8

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Поэзия

Р. Л. Стивенсон, Л. Кэррол. Вступительная статья «Английские кумушки и шотландские пивовары» и перевод с английского Андрея Кроткова..... 11

Кшиштоф Мария Сенявский. «Эротикон». Предисловие и перевод с польского Евгении Славороссовой..... 23

Мария Стюарт. «Письма из ларца». Взгляд Стефана Цвейга. Перевод сонетов с французского Сергея Александровского..... 30

Итальянская поэзия эпохи Возрождения. Виктория Колонна. Вступительное слово и перевод лирики с итальянского Майи Квятковской... 36

Михаил Ю. Лермонтов. Поэма «Мцыри» (части 4–7). Перевод с русского на английский язык Екатерины Коржовой..... 41

Ду Фу, Ван Чанлин, Вэй Инъу. Лирика. Вступительная статья «Тема странствий в классической китайской поэзии» и перевод с китайского Галины Стручалиной..... 45

Сезариу Верде. Лирика. Предисловие и перевод с португальского Ирины Фещенко-Скворцовой..... 49

Кристина Джорджина Россетти. Лирика. Перевод с английского Валентины Брилёвой 58

Английские эпиграммы. Перевод с английского Евгения Фельдмана..... 62

Томас Трэхёрн. Духовная лирика. Предисловие и перевод с английского Олега Комкова..... 69

Уильям Шекспир. Вступительная статья «О переводах двух сонетов Шекспира» и перевод с английского Владимира Преснякова..... 79

Арне Гарборг. Отрывок из поэмы «Хаугтюсса». Вступительная статья Екатерины Шуваловой. Перевод с норвежского Екатерины Шуваловой, Алексея Сельницина, Екатерины Поляковой. Поэтическая обработка Юрия Генина... 85

Альфонс де Гимараэнс. Из книги «Семь скорбей богоматери». Перевод с португальского Сергея Александровского..... 94

Уильям Шекспир. Трагедия «Юлий Цезарь». Перевод с английского отрывка из трагедии Ашота Сагратяна..... 97

Проза

Современная американская новелла. Сюзанна Карлсон. Вступительное слово и перевод с английского Иды Замирской..... 111

Английская викторианская проза. Изабелла Крейг Нокс. Роман «Да или нет?». Глава II. Предисловие и перевод с английского Ольги Стельмак.....	125
Современная исландская проза. Стейнунн Сигурдардоттир. Оускар Ауртни Оускарссон. Перевод с исландского Натальи Демидовой.....	137
Беа Луи де Мюра. Французы и мода. Перевод с французского Николая Епишкина.....	144
Эдвард Мунк о художественном творчестве и человеческой жизни. Вступительное слово и перевод с норвежского Элеоноры Панкратовой.....	153
Современная исландская драма. Свава Якобсдоттир. Пьеса «Генеральная репетиция». Акты 1–2. Перевод с исландского Ольги Маркеловой.....	157
В СТУДЕНЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ	
Анастасия Шашина. К вопросу о переводе китайских личных имён и особенностях их функционирования в русскоязычном тексте.....	175
В КОПИЛКУ ПЕРЕВОДЧИКА	
Ашот Сагратян. Жрецы-толкователи.....	180
Николай Воропаев. Китайское имя: где имя, где фамилия.....	182
Анна Булдыгерова. О китайских знаках препинания, обозначающих паузы	194
УГОЛОК ПОЭТОВ	
Евгения Славороссова. Лирика.....	198
КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ...!!!	
Конкурс переводов Чеслава Милоша. Вступительная статья и перевод с польского Аллы Чучиной.....	204
XXII региональный конкурс молодых поэтов-переводчиков 2017 года.....	212
ЛЕКСИКОГРАФИЯ	
Словарь-минимум прецедентных имён китайского культурного пространства. Часть 1. Составитель Николай Воропаев.....	224
Русско-английско-латинский словарь растений. Составитель Нина Маркова..	232
ЗЕМЛЯ ДАУРСКАЯ	
В. Ф. Балабанов. Читинская демография. Год 1911. Из книги «Строй и памятью отмечено...». Перевод на немецкий язык Ирины Бобровой.....	238
ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ	
Борис Макаров. Багша. К 105-летию со дня рождения Бадмы-Базар Намсарайна.....	240
ПРИЛОЖЕНИЕ	
М. Ю. Лермонтов. Поэма «Мцыри» (4–7 части).....	246
ПЕРЛЫ ПЕРЕВОДЧИКОВ	
Сведения об авторах	251

ИНФОРМАЦИЯ

Union des traducteurs de Russie UTR Union of Translators of Russia

*Общероссийская общественная организация
«СОЮЗ ПЕРЕВОДЧИКОВ РОССИИ» (СПР)
член Международной федерации переводчиков (ФИТ)*

**Россия, 129085, Москва, пр-т Мира, 101В, стр. 1, МИЛ, офис СПР
тел./факс +7 (495) 616-36-10 эл. почта gurutrus@yandex.ru**

Исх. № 8-П от 28.03. 2016 г.

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПЕРЕВОДА SUMMER TRANSLATION SCHOOL

Летняя школа перевода СПР¹ – ежегодное мероприятие, которое проводится в разных городах России. Основные цели школы: дальнейшее сплочение переводческого сообщества, определение проблем переводческой отрасли и способов их решения, обмен передовым опытом, в том числе в области использования информационно-коммуникационных технологий в переводческом процессе, а также в области подготовки переводческих кадров, обсуждение вопросов методики преподавания перевода, взаимодействия вузов и бизнеса, взаимодействия переводчиков и заказчиков, правовых аспектов переводческой деятельности.

Ранее Летние школы перевода проводились в г. Руза, Сочи (на базе Российского государственного социального университета), Астрахани (на базе Астраханского государственного университета), Нижнем Новгороде (на базе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова), Вологде (на базе Вологодского государственного технического университета), Пушкине (на базе Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина), в Алуште (Республика

¹<http://www.translation-school.ru/index.php/ru/>

Крым), в Севастополе (на базе Севастопольского государственного университета).

Организаторы Летней школы перевода рассматривают в качестве её непременного атрибута интересную культурную программу, а также неформальное, кулуарное общение участников, в ходе которого происходит детализация и уточнение обсуждаемых вопросов, рождаются новые идеи.

Участниками Летней школы перевода традиционно являются переводчики-фрилансеры и индивидуальные предприниматели, преподаватели вузов, представители и руководители переводческих компаний и переводческих отделов коммерческих предприятий. Таким образом, Школа даёт возможность установить прочные контакты между субъектами переводческой отрасли, развивать отношения сотрудничества между разными категориями игроков на рынке переводческих услуг.

В 2017 году Летняя школа перевода СПР проводится на базе Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (г. Архангельск) **с 10 по 14 июля**. Организаторы Летней школы перевода будут благодарны участникам за предложение важных и интересных тем для обсуждения.

Тематика Летней школы перевода 2017: проблемы осуществления разных видов перевода, в том числе литературного; проблемы профессиональной подготовки переводчиков; использование новых информационных технологий в переводе; вопросы организации профессиональной переводческой деятельности, создание института судебных (присяжных) переводчиков в России.

Место проведения

В 2017 году Летняя школа перевода СПР будет проводиться на базе **Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова в г. Архангельске**. Адрес университета: Архангельск, наб. Северной Двины, 17.

Организаторы Летней школы со стороны САФУ: кафедра перевода и прикладной лингвистики Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, а также научно-образовательный центр «Интегративное переводоведение приарктического пространства» находятся по адресу:

163002, Архангельск, Смольный Буян, 7, учебный корпус № 7 САФУ.

Стоимость участия:

Участники Летней школы оплачивают организационный взнос в размере:

члены СПР – 1500 руб.,

участники, не входящие в СПР, – 2000 руб.,

студенты – 500 руб.

Путешествие по Пинежью

С 15 по 25 июля (10 дней) предлагается активный туристический отдых на Пинежье (родине Иоанна Кронштадтского и Федора Абрамова).

15 июля – выезд группы (группа 30–35 человек) на поезде Архангельск – Карпогоры до конечной станции – Карпогор (время в пути 5 часов, прибытие вечером). Затем на автобусе едем до деревни Веркола (ещё 50 километров). Обратный путь – тем же способом. Поезд оплачивают сами участники (стоимость поезда плацкартром не более 1500 рублей туда и обратно).

Во время отдыха на Пинежье планируется знакомство с устным народным, песенным и танцевальным творчеством жителей северной деревни, участие в этнографических праздниках и гуляниях, знакомство с архитектурой северной деревни с проживанием в избе постройки XVIII века, оборудованной как гостевой дом. Предлагается оценить на вкус северную кухню из экологически чистых продуктов. Планируется посещение святынь Пинежской земли (посещение Артемиево-Веркольского мужского монастыря и Сурского женского монастыря), купание в святом источнике.

Во время проживания в деревне Веркола каждому гостю предлагается окунуться в реальную жизнь прототипов произведений Федора Александровича Абрамова, известного русского писателя XX века. Планируется посещение музея Федора Абра-

мова. Предлагается участвовать в мастер-классах северных народных промыслов и ремёсел.

Гости совершают также незабываемое путешествие на плотах (корабельных спасательных резиновых плотах, абсолютно безопасных) по неглубокой, величавой реке Пинеге в окружении удивительной природы (3 дня с ночёвками в палатках на берегу, закатами и восходами), искупиваются в чистых водах северной реки, позагорают на белоснежных песчаных пляжах. Во время сплава – пища на костре, чай из котелка.

Стоимость тура – 13 тысяч рублей вместе с трёхразовым питанием, проживанием в гостевых домах, автобусами и сплавом на плотах.

ЗАБГУ: ПЕРВАЯ ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ШКОЛА ПЕРЕВОДА ДЛЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

ЕЛЕНА СЛАСТИНА

ДАБЫ НЕ ПЕРЕВЕЛИСЬ ПЕРЕВОДЧИКИ¹

Японский, китайский, немецкий, французский, испанский, итальянский за 90 минут!

Этот пункт в расписании Забайкальской летней школы перевода – 2016, что впервые собрала читинских старшеклассников под свои знамёна, привлёк внимание больше всего. Что за школа такая, что щёлкает иероглифику, как орешки, погружает в иноязычную языковую культуру, задействуя новейшие компьютерные технологии? Рассказывает председатель Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России Ольга Стельмак.

– *Ольга Викторовна, как появилась мысль организовать школу? Такая необходимость назрела?*

¹ «Читинское обозрение» № 23 (1403) // 8.06.2016 г.

– Думаю, что такая необходимость давно назрела, просто не доходили руки... А квалифицированных специалистов в этой области среди наших коллег уже достаточно, тем более, что мы уже больше 20 лет проводим конкурсы молодых поэтов-переводчиков, издаём научно-художественный журнал «Переводчик», который хорошо известен профессиональному сообществу переводчиков. Горжусь тем, что мы начали движение по выявлению талантливой молодежи через конкурсы одними из первых в стране.

– Многие участники переводческих конкурсов – ученики школ города и районов. А взрослые переводчики стремятся вместе с ними сесть за «парту» в школе перевода?

– Наверное, большинство участников наших традиционных конкурсов все-таки студенты разных вузов и не только Забайкальского края, но и, как в этом году, молодежь из Улан-Удэ, Иркутска, Новосибирска, Москвы и даже Словении и Китая. Что касается Вашего вопроса о «взрослых» переводчиках, то это дело недалекого будущего. А сейчас мы намеренно пригласили в Школу перевода только старшеклассников городских школ.

Переводческая деятельность для тех, кто готов учиться и совершенствовать свои знания всю жизнь, а для переводчика художественных текстов мало знаний – нужен особый дар. Не случайно в программе Летней школы перевода в перерывах проводятся психолингвистические тесты и лингвистические игры с целью выявления предрасположенности именно к данному виду деятельности.

– Первая смена школы: с 6 по 11 июня (немецкий язык), вторая – с 13 по 18 июня (английский язык). Что можно успеть в такие короткие сроки?

– Ребят ждёт увлекательное путешествие в мир перевода с опытными наставниками, погружение в иноязычную языковую культуру с использованием новейших компьютерных технологий. В интересной и доступной форме они познакомятся с историей развития перевода, основными секретами переводческого

творчества, попробуют себя в художественном переводе, узнают азы устного, в том числе синхронного, перевода. Кроме того, у школьников, изучающих немецкий, английский языки есть шанс во время летней школы поучиться испанскому, итальянскому, китайскому и японскому языкам.

Летняя школа – это не привычные школьные уроки, а например, коллективный выезд на экскурсию с переводом на немецкий и английский языки в Музей декабристов. Это перевод газетных текстов (читаем зарубежную прессу), деловых документов, научно-технических и художественных текстов, устный и аудиовизуальный переводы... Круг занятий очень широк, чтобы каждый по окончании школы мог определиться, какой вид перевода заинтересовал его больше всего.

– *Опытные наставники перевода – это преподаватели факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета или привлечённые мастера переводческой деятельности?*

– Среди преподавателей тоже есть мастера и действительные члены Союза переводчиков России. Что касается наших замечательных авторов журнала «Переводчик», то встреча с ними запланирована: живое общение с практиками, уверена, не оставит ребят равнодушными. Очень надеемся, что после такого лета в полку переводчиков Забайкалья обязательно появятся новые звёздочки.

Поэзия

АНДРЕЙ КРОТКОВ

АНГЛИЙСКИЕ КУМУШКИ И ШОТЛАНДСКИЕ ПИВОВАРЫ

Нонсенс – традиционный жанр английской поэзии, самое яркое проявление английского национального юмора. Девятнадцатое столетие можно назвать временем расцвета английского нонсенса – именно тогда на его пространстве безраздельно царили (и пользовались колоссальным успехом) Эдвард Лир и Льюис Кэрролл.

Кэрролл оставил не слишком большое литературное наследие. Нет смысла распространяться об «Алисе в Стране Чудес» и «Алисе в Зазеркалье» – эти вещи давно стали частью нашего читательского обихода, многим они известны с детства, многие кэрролловские образы и речения из этих повестей вошли в русскую речевую стихию. Жаль только, что обе «Алисы» навсегда прописались у нас по ведомству детской литературы – Кэрролл сочинял их в расчёте не только на детскую аудиторию. Взрослые люди с высоты своей жизненной умудрённости почти никогда не возвращаются к ним – и напрасно. Стать ненадолго ребёнком полезно и поучительно – ведь это не то же самое, что впасть в детство.

Поэтические нонсенсы Кэрролла у нас известны гораздо меньше. Их не так много, и на русский язык они переведены, мягко говоря, в непропорциональном соотношении. Например, «Охота на Снарка» существует уже не менее чем в двух десятках версий, а «Фантасмагория» переведена четырежды.

Вряд ли имеет смысл говорить о каких-то именных литературных школах в переводе английского поэтического нонсенса. Общая для всех русских переводчиков школа, общий исток – это наши собственные нескладухи, потешные песни и стихотворные прибаутки: «Как по синему морю Хвалинскому /Жернова плывут – плывут, качаются...», «Ехала деревня /Мимо мужика; /Вдруг из-под собаки /Лают воро-та...», «Жив-здоров, лежу в больнице, /Сыт по горло, жрать хочу.

/Присылать еду не надо, /А то с голоду помру...» Этих примеров достаточно, чтобы понять: поэтический нонсенс нам вовсе не чужак.

Лучше других сохраняются на русском слуху стихотворные вставки-нонсенсы из «Алисы». Над ними потрудились хорошие русские переводчики, и результат получился соответственный. Речь идёт о стихотворениях “Jabberwocky”, “You Are Old Father William” и “The Walrus and the Carpenter”.

Читая работы предшественников, я был не вполне удовлетворён их версиями – но не потому, что они плохи, а потому, что они очень хороши, каждая по-своему, и в то же время в каждой из них оставлен зазор некоторой незавершённости. Нельзя ли сделать если не лучше, то, по крайней мере, на том же уровне?

Что такое (или кто такой) Jabberwocky? По видимости это типичное квазислово, пустышка, имя без обладателя. Но не всё так просто.

У Алана Милна в «Винни Пухе» фигурирует страшный Heffalump, которому переводчик Борис Заходер дал русское имя Слонопотам. Этимология Heffalump’а относительно ясна. Он родился из hefty (грузный, увесистый), elephant (слон) и lump (глыба, ком, куча, опухоль, шишка). В целом – что-то большое, неуклюжее, угрожающее и страшноватое.

Тот же самый приём задолго до Милна использовал Кэрролл. В разбираемом стихотворении целых два чудища – Jabberwocky и Bandersnatch. Оба имени содержат намёки на сущность обладателей: to jabber означает «трещать», «бормотать», «бубнить», «нести тара-барщину»; to snatch – «хватать», «ухватывать».

Русские переводчики придумали страшилищам подходящие русские имена. У Татьяны Щепкиной-Куперник они – Верлиока и Драколов, у Александра Щербакова – Тарбормот (бормочущий тарабарщину) и Цапчик (который цапает), у Дины Орловской – Бармаглот (намёк на бормотание) и Брандашмыг (цапнул и ушмыгнул). Объяснения излишни: английская языковая игра отлично воспроизведена на русской основе.

Вступив в игру на этом поле, я дал Jabberwocky тоже пародийное и тоже узнаваемое русским слухом гибридное имя – Хмурдалак. Малосимпатичный персонаж славянской мифологии, помянутый в «Песнях западных славян» А. С. Пушкина («Это, верно, кости гложет /Красногубый вурдалак...») не только обладает пугающей наружностью. Он – так называемый заложный мертвец, бродячий вампир, который хватает (to snatch) живых людей и норовит с урчанием (to jabber) выпить их кровь. А Bandersnatch почти естественным образом

получил имя Зацарап, отпочковавшееся от русского междометия «цап-царап», смысл которого ясен.

Щепкина-Куперник, Щербаков и Орловская передали тотальный абсурд начального и финального четверостиший, которые состоят из квазислов – нашли английским квазисловам русские подыгрыши. Они удержали в других четверостишиях искажённые английские словесные гибриды, подобрав им такие же русские соответствия. Но никто не сохранил вторые строки всех четверостиший такими, каковы они в оригинале – на полстопы длиннее прочих строк. Размер тоже выдержали не все. Оригинал написан четырёхстопным ямбом, в то время как у Щепкиной-Куперник – разностопный анапест, а у Щербакова четырёхстопный хорей. У Дины Орловской – четырёхстопный ямб, но без метрической надставки во второй строке. Учтя это, я тщательно последовал метрике оригинала.

Квазисловесный абсурд начального и финального четверостиший я намеренно ослабил, приведя всё стихотворение к стилю каламбурной словесной гибридизации. Идею – в очень отдалённой ретроспективе – подсказал Джеймс Джойс: в его головоломном романе «Поминки по Финнегану» есть словечко *unzemlyaness*, составленное из английской приставки *un-*, придающей слову противоположное значение, русского корня «земля» и английского суффикса *-ness*, который служит признаком абстрактного понятия.

Безусловно, кэрроловские *brillig*, *toves*, *gyre*, *wabe*, *mimsy*, *borogoves*, *tome*, *vorpal*, *manxome* – для английского слуха бессмыслицы, и по-русски на их место можно и нужно с тем же эффектом подставлять «розгрень» и «брыскунчейки» (Щербаков), «склипких козей» и «мисики» (Щепкина-Куперник), «хливкие шорьки» и «мюмзики в мове» (Орловская). Это нормально, свежо и смешно – русский язык к такому абсурдному словопридумыванию вполне гостеприимен.

Вообще-то у Кэрролла в этом стихотворении играет не совсем полная бессмыслица. В его квазисловах узнаются отдалённые прообразы: *brillig* – *brillant* (сверкающий) и *twilight* (сумерки), *toves* – *doves* (голубки), *gyre* – *gore* (бодать), *borogoves* – *boroughs* (городишки, местечки). Во всех словесных гибридах моего варианта так же легко узнаются исходные русские слова, слегка покорёженные против правил русской морфологии, склеенные корнями и флексиями по звучаниям, отчего они встраиваются в иной контекст («вечертенело», «меч рубатый», «час победенный», «дурелом», «злобец врагущий») и начинают звучать каламбурно.

“The Walrus and the Carpenter” («Морж и Плотник») – лексически очень прозрачное стихотворение. Нонсенс заключён в бесподобно

ироничном изображении ситуации, которая по-русски называется беседой глухих и имеет общеизвестные варианты в анонимном фольклоре («Здорово, кума! – На рынке была! – Да ты никак глуха! – Купила петуха! – Ну, прощай, кума! – Три рубля дала!»), а в английском восприятии основана на обыгрывании поговорки «Глух как устрица». Свой вариант перевода я делал, стремясь лишь прояснить, уточнить и открыть читателям некоторые реалии, обойдённые и пропущенные в известном переводе Дины Орловской.

Роберт Луис Стивенсон в рекомендациях не нуждается. Сколько раз, начиная с 1883 года, издавался у нас его абсолютный шедевр «Остров сокровищ» – теперь не установишь. А вот Стивенсон-поэт был известен гораздо меньше – главным образом потому, что за серьёзного поэта его у нас не считали. И так продолжалось до тех пор, пока Самуил Маршак не перевёл стивенсоновскую балладу «Heather Ale».

У Маршака был счастливый дар – путём перевода придавать неслыханную популярность вещам, до того особой популярностью не пользовавшимся. Роберт Бёрнс в маршаковских переложениях стал любимейшим поэтом советских читателей, а его известность в России сделалась не меньше известности на родине (за что шотландцы Маршаку до сих пор очень благодарны). Шекспир, великий драматург (что общепризнано), но в ряду сонетистов-елизаветинцев величина очень скромная – через посредство Маршака, переведшего полный корпус сонетов, побил все рекорды российской популярности. На русские тексты его сонетов даже начали писать песни.

То же самое случилось и с балладой “Heather Ale” – сочинением национально-патриотическим, фольклорно-стилизованным, не блещущим новизнами и поэтическими дерзостями, но прочным, лёгким и классически-лапидарным. В массовую культуру баллада Стивенсона в переводе Маршака не вошла, но сразу сделалась расхожим текстом-паролем в среде знатоков и любителей зарубежной поэзии.

Что же проделал с англо-шотландским поэтическим текстом кудесник Самуил Яковлевич? А ничего особенного. Он перевёл его замечательно – только слегка спрятал, сгладил, изящно романтизировал, в нескольких местах целомудренно подменил жестокие натуралистичные детали нейтральными. И по-своему, по-маршаковски напористо навязал некоторые прочтения, ставшие с тех пор традиционными. Вот с этими навязанными прочтениями я и решил поспорить.

От Маршака принаследно идёт перевод заглавия: “Heather Ale” – «Вересковый мёд». Нет, не верится. Ale – это, как ни верти, эль, т. е.

пиво верхового брожения, традиционный британский напиток, по составу и технологии приготовления весьма далёкий от сброженного мёда. Безусловно, вереск – хороший медонос, а шотландцы, большие любители выпить, какие-то алкогольные манипуляции проделывали и с мёдом. Но за экспертизой и разрешением этой проблемы пришлось бы обращаться к историкам алкоголя, пивоварам и пчеловодам, выходя далеко за пределы задач поэтического перевода. Тем более что слово «мёд» (honey) в тексте баллады употреблено лишь один раз и только для сравнения (sweeter far than honey – «много слаще мёда»), а творцы волшебного напитка называются впрямую и без обиняков – Brewsters of the Heather, «вересковые пивовары».

Слабо отразилось в переводе Маршака прозвание, которым автор наделил шотландских пивоваров – dwarfish folk, dwarfish men, «народ карликов», «люди-карлики». А ведь у Стивенсона речь не просто о каких-то коротышках. В подтексте баллады скрыты реальные исторические события IX века, когда пикты (древнейшее автохтонное население Шотландии) были завоёваны и покорены скоттами, прямыми предками современных шотландцев. Весьма скучные данные позволяют утверждать, что между скоттами и пиктами в ту эпоху имелись заметные антропологические различия. Скотты, выходцы из Ирландии, отличались высоким ростом и светлой кожей, в то время как пикты были малорослыми и заметно более смуглыми. Впрочем, в те давние времена расово-антропологическая картина Европы резко разнилась с современной, и судить о белизне, смуглоте и черноте давно канувших в небытие племён можно лишь условно. Приходится лишь считаться с закрепившейся в фольклоре традицией, в которой темнокожие карлики, т. е. реально существовавшие горные пикты, стали восприниматься пришельцами как своего рода существа нечеловеческой породы, порождения земли, колдуны и тайнознатцы. Из такого восприятия и родился Dwarfish Folk – Маленький Народец, или Народец Холмов, шотландские гоблины.

В отличие от вредных и злых английских гоблинов, шотландские гоблины тихие и мирные, их единственное занятие – варить эль; особенно усердствуют они в приготовлении октябряского эля, сладкого и крепкого, при помохи которого зимуют: основательно набравшись, заползают в свои подземные пещеры и спят до весны, подобно медведям. Без уяснения этих подробностей в маршаковском переводе не совсем понятно:

почему автор постоянно упоминает о малорослости вересковых пивоваров,

почему называет их dwarfish and swarthy couple – «два смуглых карлика» (гоблины темнокожи) и vermins – «сброд», «подонки», «паразиты», «вредители» (ассоциация с тварями вроде жуков, червей и гусениц, тем более что обитают они в земле),

как можно опутать рослого человека одним ремнём от шеи до пят (bound him neck and heels in a thong),

почему голос пивовара-отца small as a sparrow's – «тонкий, как у воробья» (гоблины говорят высоким щебечуще-чирикающим голоском),

почему sapling that goes without the beard – «безбородый юнец» – недостаточно мужествен (юные гоблины чародейством ещё не владеют, только учатся, а борода у гоблинов отрастает лишь в старости и служит вместилищем храбрости, стойкости и волшебной силы, совсем как у злого карлы Черномора и доброго старика Хоттабыча).

Последняя маршаковская вольность – сглаженная метрика перевода. Стивенсоновский оригинал написан неровным, типично английским балладным стихом, и удержать эту особенность было совсем не трудно. Однако Маршак почему-то не пожелал это сделать.

На этом список претензий заканчивается. Я вовсе не хочу противопоставлять «Вересковый мёд» Маршака «Вересковому элю» по своему рецепту. Время покажет, кто чего стоит. И пусть у читателей будет выбор.

ЛЮИС КЭРРОЛ (1832 – 1898)

ХМУРДАЛАК

Вечернело. Освежак
Занебесился сглубока.
И маскулил собакошак
В дверкне чебардака.

«Мой сын, опасен Хмурдалак,
Челюстеват и толстолап!
Но самый когтеватый враг –
Взбалбесный Зацарап!»

Побрал он меч рубатый свой.
Злобцу врагущему навстречь,

В чащобъ Тумтум, в зasadный стой
Прокрал – его стеречь.

Едва он наприцелил зыр
И взял сраженный боевид –
Из дурелома врастопыр
Сам Хмурдалак летит!

Он урубил наискосяк,
Лезвякнул вдолью поперёк!
Раздвак! Раздвак! И Хмурдалак
Обезголовоног.

«Ты Хмурдалака расхвостал,
Ботважный молодец-рубец!
То час победенный настал,
Расславься, мой умнец!»

Вечертенело. Освежак
Занебесился сглубока.
И маскулил собакошак
В дверкне чебардака.

МОРЖ И ПЛОТНИК

На море лился свет с небес.
Жар солнечный не гас.
Блистили волны и текли,
Как голубой атлас.
Но странно – было это всё
В глухой полночный час.

Луна сияла в небесах
Угрюмовато-зло,
И думала: «Зачем оно
Опять сюда пришло?
То очень неприличный жест –
Светить, когда светло».

Мокрела мокрая вода,
Сухой песок был сух.
На небе тучки ни одной,
Тем более – ни двух.
И птичья крики в небесах
Не услаждали слух.

А Морж и Плотник по песку
Брели – в руке рука,
И были сражены они
Обилием песка:
«Такую гору подмести –
Работа велика!»

«Когда б полгода семь девиц
В семь швабр песок мели, –
Прикинул Морж, – тогда б они
Управиться смогли».
«Едва ли», – Плотник отвечал,
Сронив слезу в пыли.

«Эй, Устрицы, – взмолился Морж, –
Идите к нам сюда!
Побродим и поговорим,
Как в прежние года.
Друг другу руки мы пожмём –
В знак дружбы навсегда».

Из Устриц та, что старше всех,
Слух навострила свой,
Глаза прищурила, затем
Мотнула головой,
Решив, что на песок она
Не ступит ни ногой.

Но юных Устриц четверых
Призыв Моржа увлёк.
Умывшись, платьица сменив,

Из моря на песок
Они помчались – хоть у них
Рук не было и ног.

Ещё четыре, и ещё,
А там и весь их род –
Проворны, чуточку толсты,
Ползли они вперёд,
И вот – повылезали все
На берег пенных вод.

А Морж и Плотник всё брали,
Не разнимая рук.
Потом присели отдохнуть
У скал, лицом на юг.
А Устрицы догнали их
И стали в полукруг.

И Морж сказал: «Ну что ж, начнём,
Обсудим всё подряд:
Сургуч, капусту, королей,
Зачем моря кипят,
Плынут по морю башмаки,
А свиньи вдаль летят».

«Постойте, – Устрицы в ответ, –
Отдышимся чуть-чуть.
Бежать нам, полным, нелегко –
Одышка давит грудь».
«Извольте, – Плотник отвечал, –
Прошу передохнуть».

«Ковригу хлеба, – молвил Морж, –
Ко времени бы нам,
И перца с уксусом: без них
Не трапеза – бедлам.
Я так вас, Устрицы, люблю –
Отменный вкус у дам».

Вскричали Устрицы: «О нет!
Вам совесть не велит!
Вы прежде были так милы –
И вот что нам грозит!»
«Какая ночь! – ответил Морж, –
Какой прекрасный вид!

Как мило с вашей стороны –
На наш явиться зов!»
А Плотник, помолчав, сказал:
«Я закусить готов,
И приглашаю вас к столу,
Не тратя лишних слов!»

«Мне совестно, – промолвил Морж, –
«Обман удался наш.
Едва получишь что-нибудь,
Так сразу и отдашь».
А Плотник только и сказал:
«Погуще масло мажь!»

«Скорблю о вас, – прохныкал Морж, –
Вплоть до скончанья дней».
Он, всхлипывая, отобрал
Трёх Устриц покрупней,
И слёз поток из глаз его
Струился всё сильней.

Заметил Плотник: «До чего
Хороший был обед!
Вам, Устрицы, пора домой,
А может быть, и нет?»
Но тот, кто съеден, на вопрос
Не может дать ответ.

РОБЕРТ ЛЬЮИС СТИВЕНСОН (1850 – 1894)

ВЕРЕСКОВЫЙ ЭЛЬ

Из колокольцев вереска
В давние времена
Питьё умельцы варили
Слаще и крепче вина.
Варили эль и пили,
И падали в забытьи
Один подле другого
В подземные норы свои.

Нагрянул в шотландские горы
Король, беспощаден и лих.
Сразил он пиков в битве,
Облавой пошёл на них.
Он гнал их по нагорьям,
Всех истребляя дотла,
И землю сплошь устилали
Их крошечные тела.

Тёплое лето вернулось.
Пустоши в алом цвету.
Но нет живых, чтоб поведать
Тайну забытую ту.
Словно малые дети,
По взгоркам родной земли
Шотландские пивовары
В смертном сне полегли.

В долину, где алый вереск,
Король на скаку влетел.
Там густо гудели пчёлы,
И воздух от птиц темнел.
Коня он злобно шпорил,
Бледен и чернобров:

Край ему покорился,
Но не принёс даров.

И вот она – удача:
Воины короля
Наткнулись на плоский камень,
Под ним шевелилась земля.
И выволокли грубо
Пред свет королевских очей
Маленького Народца
Последних двух сыновей.

То были старик и мальчик.
Их кожа тёмно-смугла.
Король на коротышек
Поглядел с высоты седла.
Велел отвести их к морю,
На страшный крутой обрыв:
«Жизнь сохраните, мерзавцы,
Мне тайну эля открыв».

Отец и сын стояли,
Глядя перед собой.
Вокруг расстился вереск,
Внизу клокотал прибой.
Очнувшись, голосом резким
Молвил старик: «Молю,
Позвольте тайное слово
Мне шепнуть королю.

В старости жизнь дороже,
Чем сущая мелочь – честь.
Тайну открыть готов я,
Но делу помеха есть».
И шёпот его воробышний
Вдруг окрепнул, звеня:
«Тайну открыть готов я –
Сын смущает меня.

Юные страха не знают,
Жизнь не ценят свою.
Мне стыдно, что он увидит,
Как честь я продаю.
Пускай мальчишку свяжут
И в море бросят со скал.
Тогда я открою тайну,
Что клятвенно сберегал».

И мальчугана скрутили
Ремнём от шеи до пят,
И подняли, и швырнули
Туда, где волны кипят.
Пучина его поглотила,
Не слышен был детский крик.
И встал один на утёсе
Последний упрямый старик:

«Сказал я чистую правду:
Страх за сына томил.
У юности безбородой
Мало душевных сил.
А я не боюсь ваших пыток –
Жгите, палите огнём.
Тайна сладкого эля
В сердце умрёт моём».

Перевод с английского Андрея Кроткова

«ЭРОТИКОН» КШИШТОФА МАРИЯ СЕНЯВСКОГО

В польской поэзии широко распространён жанр любовного лирического стихотворения, которое называется «эротик» (erotyk) (от греческого «erotikos» – «любовь»).

Стихотворения этого жанра характеризуются глубиной чувства и страсти. Лирический герой его – это влюбленный, часто безответно, обращавшийся к объекту своих чувств в виде призна-

ния, исповеди, дифирамба или жалобы. Адресат стихов идеализировался, возносился на пьедестал. Эротики пользовались такими стилистическими средствами, как гипербола, метафора, эпитет, перечисление, олицетворение, антитеза, оксюморон, междометия. Временем наибольшего расцвета любовной лирики считается эпоха средневековья. Любовную лирику писали трубадуры, Франсуа Вийон, Франческо Петрарка в «Сонетах к Лауре» дал новый взгляд на любовь между мужчиной и женщиной, выражаящейся в нежности, полной обаяния и желания. В течение веков менялась и любовная лирика, становясь всё более тонкой и психологичной. Женщина из объекта поэтического преклонения превращается в автора любовных стихотворений.

В Польше к жанру эротиков обращались очень многие поэты от классиков эпохи Возрождения до наших современников. Это Ян Кохановский («Для девушки»), Николай Семп-Шажинский (т. н. рукопись Замойских), Франциск Дионисий Княжнин («Эротики»), Адам Аснык («Эта слеза»), Даниэль Наборовский, Корнель Уэйский («Из эротиков»), Константы Ильдефонс Галчинский («Запрос на счастливые острова»), Юлиан Тувим («Эротик», "Erotyk o bzach"), Ярослав Ивашкевич («Эротик»), Мария Павликowska-Ясножевская (книга «Эротики»), Казимир Прерва-Тетмайер, Болеслав Лесьмян (цикл «В малиннике»), Вислава Шимборская («Любовь счастливая»), Кшиштоф Камил Бачинский («Эротик»), Тадеуш Ружевич («Эскиз современного эротика») и другие.

Как получилось, что, несмотря на то, что польская поэзия переводилась достаточно широко, жанр этот у нас практически неизвестен? Дело в том, что редакторов в своё время, по-видимому, смущал сам термин «эротик», как будто предполагающий слишком откровенное чувственное содержание, хотя стихи могли быть совершенно невинными. Во всяком случае, эротикам называли названия. Так, например, «Эротик острый» Юлиана Тувима переводился как «Лирическая ирония».

Достойным продолжателем поэтической традиции стал Кшиштоф Мария Сенявский (1951–2001), эротики которого вошли в антологию польской любовной лирики (2009). Он создал книгу «Эротикон» (1986), где воплотил тончайшие нюансы чувств – от возвышенно-целомудренных до трагически-страстных.

Евгения Славороссова

ЭРОТИК БЕЛЫЙ

Идёшь бела, как грёза ясновидца,
За горизонт во мне. А там за гранью –
Холодная звезда в пустой глазнице,
Погасшая звезда в немой гортани.

ЭРОТИК ВИСЛЫ

Кровь голубая в жилах – это Висла
Течёт во мне, её глубины страны.
А детство утонувшее без смысла
Опять зовёт в неведомые страны.

Там очи чёрные – я сгину в их пучине,
Под ряскою зелёной нет покоя...
И детство утонувшее отныне
Мне только машет бледною рукою.

ЭРОТИК СТЫДЛИВЫЙ

Лиши в жарких снах касаюсь, недотрога,
Твоей руки – веди и будь, что будет!
Склоняюсь над нецелованною грудью,
Хочу укрыться, мучимый тревогой.

Пусть губит страсть, я знаю – чувство живо!
Путь на Голгофу так высок и труден.
И я над целомудренною грудью
Сам опускаю облако стыдливо.

ЭРОТИК ЖЁЛТЫЙ

В той комнате жёлтой из мёда и молока
Судьба сочиняла сценарий свой странный,
Дрожащий светильник бесстрастно, как лекарь,
Златым язычком мне зализывал раны.

О, сколько же можно без солнца томиться,
Надеяться тайно, считая минуты,
Что в облачной пене, в щебечущих птицах
Войдёшь ты, одежды отбросив, как путы!

ЭРОТИК ПУРПУРНЫЙ

Ночная тьма все краски поглотила,
Лишь волчьи очи светятся багрово...
Луна к твоим босым ногам скатилась,
Олень в прыжке застыл, как зачарован.

Рот пересох мой в муке ночи длинной –
Звериной ласки требуют ладони.
И, тихо вздрогнув, ягода малины
Кровавой искрой в диком взоре тонет.

Дрожа, как птица, ты погибнешь молча –
Цветок затоптан в буреломе буром...
Но вдруг слеза сверкнёт во взоре волчьем,
Окрасив тело белое пурпуром.

ЭРОТИК РЕВОЛЮЦИОННЫЙ

Зачем свои ты строишь баррикады?
Здесь не найдёшь ни радости, ни славы –
Путь поднебесный не сулит награды,
На терниях оставишь след кровавый.

Серебренники тихо прячет кто-то,
Давно пройдя предательств чёрных школу.
А ты, свистя мотивчик санкюлота,
С бунтовщиками пляшешь карманьолу.

Удар измены в битве без пощады –
Таков финал Икарова полёта.
Зачем свои ты строишь баррикады?
...Марат погибнет от руки Шарлотты.

ЭРОТИК НИЗКИЙ

Лишь только тело – слепо и бездушно,
Что скользким гадом корчилось от страсти,
Вещам покорно и рукам послушно,
Вновь истекало рыбьей слизью счастья.

Лишь только тело – низко и презренно,
Созданья духа выбросив со злобой,
Вновь убивало душу постепенно,
Нож раскалённый мне вогнав в утробу.

ЭРОТИК С НАТУРЫ

Была ты рыжей белки веселее –
Живое пламя в лабиринте тропок,
А я смешно дрожал, от страсти млея,
Косился дико, словно заяц, робок.

Но приговор судьбой уж был подписан,
Что встречам нашим так недолго длиться –
Ты будешь завтра веселиться с Лисом,
А я – растерзан вольною Орлицей.

ЭРОТИК НАГОЙ

О, будь благословенна, как мадонна,
За то, что глаз поднять не захотела,
Когда в ту ночь увидел потрясённо
Я на постели два горячих тела.

О, будь благословенна, как богиня,
За то, что мукой одарив стократно,
В душе моей оставила пустыню
И в сумерках исчезла безвозвратно.

С тех пор, как обезумевшая птица,
Всё жду – гнездо не в силах свить другое.

А надо мной ухмылкою кривится
Луны ущербной оstriё нагое.

ЭРОТИК ПРОЩАЛЬНЫЙ

Я проиграл и растратил немного,
Не совершал в жизни подлого, злого.
Что ж, замерев у чужого порога,
Сердце моё разорваться готово?

Сколько уже расставались с тобой мы!
Что ж под окном всё стою дотемна я?
Дышит взволнованно сад неспокойный,
Новый возлюбленный шепчет: «Родная...»

Время отлёта. Заря засверкала,
Нежной лазурью окошко облито...
Только вино в длинноногих бокалах
С прошлой среды до сих пор не допито.

ЭРОТИК ЯНТАРНЫЙ

...Шлема солнечного жар мне
Выжжет память – ну и пусть!
А в глазах твоих янтарных
Вечной льдиной стынет грусть.

Всё прошло, что было с нами.
И туманит нам глаза
Лишь волна воспоминаний
Да янтарная слеза...

ЭРОТИК МОРСКОЙ

Липнет к рукам чешуя золотая,
Рыбьей трагедии ход обозначен:
Я, обжигающий воздух глотая,
Гибну рыбёшкой на пляже горячем.

Ты в океане по волнам могучим
Мчишься, прекрасна, вольна и жестока...
Только нацелен уже из-за тучи
Грозный гарпун беспощадного Рока.

ЭРОТИК КАБАЦКИЙ

В кабацком гаме моё сердце скрылось,
И кровь смешалась с влагою хмельною...
Благодарю за то, что мне ты снилась!
Хоть ночь в окне смеётся надо мною.

Но верен я тебе душой и кровью
И благодарен в этом месте гнусном
За пытку, что привыкли звать любовью,
За сон о невозможном и о грустном.

Всё сон... Но просыпаюсь, негодяя,
И бью об пол стеклянные стаканы!
Ждёшь или нет – опять к тебе приду я.
И что мне все моря и океаны?

Я белоснежным приплыву корветом!
О, только б сил достало выйти в море...
Люблю тебя – пред тем и этим светом –
Благодарю за эту боль и горе!

ЭРОТИК СОННЫЙ

В твоём далёком безмятежном сне
Лежит пустое скошенное поле...
А ты глядишь (иль это мнится мне?)
Осенним взглядом, полным скрытой боли.

Нет, ты всё спиши... Дрожит в силке ветвей
Желаний ветер, что к тебе стремится,
Чтоб одеяло в комнате твоей
Дало плечам точёным приоткрыться.

Чтоб из пучины прожитых годов
Мы вынырнули, как морские рыбы,
Чтобы в одном из наших городов
Опять с тобою свидеться могли бы.

Чтоб нашу повесть смог бы я прочесть,
Хотя обнять пока тебя не вправе...
И снится мне... Но ты на свете есть!
И сны уже творятся в нашей яви!

А ты, что мне являешься во сне,
Живи в любви и над душою властвуй!
...Твои глаза откроются весне,
И губы тихо мне прошептут: «Здравствуй!»

Перевод с польского Евгении Славороссовой

МАРИЯ СТЮАРТ, КОРОЛЕВА ШОТЛАНДСКАЯ (1542 – 1587)

«ПИСЬМА ИЗ ЛАРЦА». ВЗГЛЯД СТЕФАНА ЦВЕЙГА

«... Историю любви Марии Стюарт¹ к Босуэлу раскрывают нам источники двоякого рода: во-первых, записки современников, хроники и официальные документы; во-вторых, серия дошедших до нас писем и стихов, по преданию, написанных самой королевой; и то, и другое, как отклики внешнего мира, так и исповедь души, сходятся точь-в-точь. И всё же те, кто считает, будто память Марии Стюарт во имя последующих соображений морали надо всячески защищать от обвинений в страсти, от которой сама она, кстати, никогда не отпиралась, отказываются признать подлинность писем и стихов. Они начисто перечёркивают их, как якобы подложные, отрицая за ними всякое историческое значение. С точки зрения процессуального права, у них есть для этого основание. Дело в том, что письма и сонеты Марии Стюарт дошли до нас только в переводах, с возможными искажениями. Подлинники исчезли, и нет никакой надежды когда-нибудь их найти, так

¹ Фрагмент романа Стефана Цвейга «Мария Стюарт». Глава ТРАГЕДИЯ ЛЮБВИ (1566–1567). <http://www.maria-stuart.ru/content/facts/pisma-iz-lartsa-vzglyad-stefana-tsveiga>

как автографы, иначе говоря, конечное, неопровергимое доказательство, были в своё время уничтожены, и даже известно кем. Едва взойдя на престол, Иаков I предал огню все эти бумаги, порочащие, с обычательской точки зрения, женскую честь его матери. С той поры насчёт так называемых «писем из ларца» идёт ожесточенный спор, в полной мере отражающий ту предвзятость суждений, которою отчасти из религиозных, отчасти из националистических побуждений проникнута вся известная нам литература о Марии Стюарт; непредвзято му биографу тем более важно взвесить все доводы и контрд доводы в этом споре. Однако его заключения осуждены оставаться личными, субъективными, так как единственное научно и юридически правомочное доказательство, заключающееся в предъявлении автографов, отсутствует, и о подлинности писем, как в положительном, так и в отрицательном смысле, можно говорить лишь на основании логических и психологических домыслов.

И всё же тот, кто захочет составить себе верное представление о Марии Стюарт, а также заглянуть в её внутренний мир, должен решить для себя, считает он эти стихи, эти письма подлинными или не считает. Он не может с равнодушным "forse che si, forse che no", с трусливым «либо да, либо нет» пройти мимо, ибо здесь – основной узел, определяющий всю линию душевного развития; с полной ответственностью должен он взвесить все «за» и «против», и уж если решит в пользу подлинности стихов и станет опираться на их свидетельство, то своё убеждение он обязан открыто и ясно обосновать.

«Письмами из ларца» называются эти письма и сонеты потому, что после поспешного бегства Босуэла они были найдены в запертом серебряном ларце. Что ларец этот, полученный в дар от Франциска II, первого её мужа, Мария Стюарт отдала Босуэлу, как и многое другое, – факт установленный, равно как и то, что Босуэл прятал в этом надежно запирающемся сейфе все свои секретные бумаги, в первую очередь, разумеется, письма Марии Стюарт. Точно так же несомненно, что послания Марии Стюарт к возлюбленному были неосторожно и компрометирующего свойства, ибо, во-первых, Мария Стюарт была всю свою жизнь отважной женщиной, склонной к безоглядным, опрометчивым поступкам, и никогда не умела скрывать свои чувства. Во-вторых, противники её не радовались бы так безмерно своей находке, если бы письма в известной мере не порочили и не позорили королеву. Но сторонники гипотезы о фальсификации уже всерьёз и не оспаривают факта существования писем и только утверждают, будто в короткий срок между коллективным их прочтением лордами и предъявлением парламенту оригиналы были похищены и заменены злона-

меренными подделками и что, следовательно, опубликованные письма не имеют ничего общего с теми, что были найдены в запертом ларце.

Но тут возникает вопрос: кто из современников Марии Стюарт выдвигал это обвинение? Ответ звучит не в пользу обвинения: да, собственно, никто. Как только ларец попал в руки к Мортону, его на другой же день вскрыли лорды и клятвенно засвидетельствовали, что письма подлинные, после чего тексты снова рассматривались членами собравшегося парламента (в том числе и ближайшими друзьями Марии Стюарт) и также не вызвали сомнений; в третий и четвёртый раз они были предъявлены в Йоркском и Хэмптонском судах, где их сравнили с другими автографами Марии Стюарт и опять признали подлинными. Однако самым веским аргументом служит здесь то, что Елизавета разослала отпечатанные оттиски всем иностранным дворам – как ни мало она стеснялась в средствах для достижения своих целей, а всё же не стала бы английская королева покрывать заведомую и наглую подделку, которую любой участник подлога мог бы разоблачить. Елизавета была чересчур осторожным политиком, чтобы позволить поймать себя на мелком мошенничестве. Единственное же лицо, которое, спасая свою честь, должно было бы возвратить ко всему миру, прося защиты ввиду столь явного обмана, – сама Мария Стюарт, лицо наиболее заинтересованное и якобы невинно страдающее, если и протестовала, то очень, очень робко и на удивление неубедительно. Сначала она окольными путями хлопочет, чтобы письма не были предъявлены в Йорке – хотя, кажется, почему бы и нет, ведь доказательство их подделки только укрепило бы её позицию, а когда она, в конце концов, поручает своим представителям в суде отрицать *en bloc* [огуллом (фр.)] все предъявленные ей обвинения, то это мало о чём говорит. В вопросах политики Мария Стюарт не придерживалась правды, требуя, чтобы с её *parole de prince* [слово государя (фр.)] считались больше, чем с любыми доказательствами. Но, даже когда письма были обнародованы в пасквиле Бьюкенена и хула была рассеяна по свету, когда ею упивались при всех королевских дворах, Мария Стюарт протестует весьма умеренно; она не жалуется, что письма подделаны, и только весьма общо отзыается о Бьюкенене как об «окаянном безбожнике». Ни единым словом не обмолвилась она о подлоге в своих письмах к папе, французскому королю и даже ближайшим родным, да и французский двор, чуть ли не с первой минуты располагавший оттисками писем и стихов, ни разу по поводу этого сенсационного дела не высказался в пользу Марии Стюарт. Итак, никто из современников ни на миг не усомнился в подлинности писем, никто из друзей коро-

левы того времени не поднял голоса против такой возмутительной несправедливости, как заведомый подлог. И лишь сто, лишь двести лет спустя после того, как подлинники были уничтожены сыном, прокладывает себе дорогу гипотеза о фальсификации как результат стараний представить смелую, неукротимую женщину невинной и непорочной жертвой подлого заговора.

Итак, отношение современников, иначе говоря, довод исторический, безусловно, говорит за подлинность писем, но о том же и столь же ясно, на мой взгляд, свидетельствуют доводы филологический и психологический. Обращаясь сначала к стихам, – кто в тогдашней Шотландии мог бы в столь короткий срок и к тому же на чужом, французском языке, настроить целый цикл сонетов, предполагающих интимнейшее знание сугубо приватных событий из жизни Марии Стюарт? Правда, истории известно немало случаев подделки документов и писем, да и в литературе время от времени появлялись загадочные апокрифические сочинения, но в таких случаях, как Макферсоновы «Песни Оссиана» или «Краледворская рукопись», мы встречаемся с филологическими реконструкциями далёкой старины. Никто ещё не пытался приписать целый цикл стихотворений живому современннику. Да и трудно себе представить, чтобы шотландские сельские дворяне, и слыхом не слыхавшие ни о какой поэзии, злонамеренно, с целью оклеветать свою королеву накропали наспех одиннадцать сонетов да ещё на французском языке. Так кто же был тот неведомый волшебник – кстати, ни один из паладинов Марии Стюарт не ответил на этот вопрос, – который на чуждом ему языке с непогрешимым чувством формы сочинил за королеву цикл сонетов, где каждое слово и каждое чувствоозвучно тому, что происходило в её святая святых? Никакой Ронсар, никакой Дю Белле не могли бы сделать этого так быстро и с такой человеческой правдивостью, не говоря уж о Мортонах, Аргайлах, Гамильтонах и Гордонах, неплохо владевших мечом, но вряд ли достаточно знавших по-французски, чтобы кое-как поддерживать на этом языке застольную беседу.

Но если подлинность стихов бесспорна (на сегодня этого уже никто не отрицает), то бесспорна и подлинность писем. Вполне вероятно, что при обратном переводе на латинский и шотландский (только два письма сохранились на языке оригинала) отдельные места и подверглись искажению, не исключена возможность и последующих вставок. Но в целом те же доводы говорят о подлинности писем, а особенно последний аргумент – психологический. Ибо, если бы некая злодейская камарилья захотела из мести сфабриковать пасквильные письма, она бы наверняка изготовила прямолинейные признания, ри-

сующие Марию Стюарт в самом неприглядном свете, как похотливую, коварную, злобную фурию. Было бы совершеннейшим абсурдом, ставя себе злопыхательские цели, приписать Марии Стюарт дошедшие до нас письма, которые скорее оправдывают, чем обвиняют её, ибо в них с потрясающей искренностью говорится о том, как ужасно для неё сознание своей роли пособницы и укрывательницы преступления. Эти письма говорят не о вожделениях страсти, это крик истрадавшейся души, полузадушенные стоны человека, заживо горящего и сгорающего на костре. И то, что они звучат так безыскусно, набросаны в таком смятении мыслей и чувств, с такой лихорадочной поспешностью – рукой, трясущейся – вы это чувствуете – от еле сдерживаемого волнения, как раз это и свидетельствует о душевной растерзанности, столь характерной для всех её поступков этих дней. Только гениальный сердцевед мог бы с таким совершенством сочинить психологическую подмалёвку к общественным обстоятельствам и фактам. Но Меррей, Мэйтленд и Бьюкенен, которым попеременно и наудачу присяжные защитники Марии Стюарт приписывают этот подлог, не были ни Шекспирами, ни Бальзаками, ни Достоевскими, а всего лишь плюгавыми душонками, правда, гораздыми на мелкое мошенничество, но уж, конечно, неспособными создать в стенах канцелярий такие потрясающие своей правдивостью признания, какими письма Марии Стюарт предстают всем векам и народам. Тот гений, что будто бы изобрёл эти письма, ещё ждёт своего изобретателя. А потому каждый непредубеждённый судья может с чистой совестью считать Марию Стюарт, которую лишь безысходное горе и глубокое душевное смятение побуждали к стихотворству, единственно возможным автором пресловутых писем и стихов и достовернейшим свидетелем её собственных горестных чувств и дум...»¹

Растёт любовь; пока живу, растёт –
Зане сыскала малый уголок
В том сердце, коему теперь залог
Столь глубочайшей верности несёт,

¹Использованные источники: С. Цвейг. «Мария Стюарт». Собрание сочинений в 7 томах, т.4. библиотека «Огонёк», изд. «Правда», Москва, 1963 г. (Прим. пер.).

Что всякое сомнение прейдет!
И пусть гнетёт меня тягчайший рок –
Я милого избавлю от тревог,
И вознесу превыше всех забот;

И он поймёт: вернейшего слугу –
Сиречь, служанку, – отыскал во мне!
Ему – величие мое, и власть;

Я для него здоровье берегу –
И жизнь! И, точно птица в вышине,
Витаю в страсти, не страшась упасть.

Любимейший, нежнейший вертопрах!
Ты клялся разделять мои досуги,
Вовек не отдаляться от подруги –
Но вот: лежу одна, скорблю впотьмах;

И сердце мне сосёт ползучий страх:
Ужель тебя невзгоды иль недуги
Терзают? Иль от будущей супруги
Внезапно ты отрекся, милый враг?

Быть может,пущен кем-то злобный слух,
И он тебя достиг? И прежний пыл
Остыл в тебе? И пламень твой потух?
И проклял ты меня, и позабыл?

Не верю! Да поможет мне Господь
Мои ночные страхи обороть!

Перевод с французского Сергея Александровского

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

ВИКТОРИЯ КОЛОННА (1490 – 1547)

Виктория Колонна принадлежала к знатному римскому роду, оставившему заметный след в истории Италии. Её отец – Фабрицио Колонна, мать – Агнесса Монтефельтро, из рода герцогов Урбино. Ещё в детстве Викторию выдали замуж за Франческо Фернандо де Авалоса, знатного неаполитанца испанского происхождения. Франческо де Авалос принимал самое деятельное участие в бесконечных смутах и войнах своего неспокойного времени, сражаясь против Франции на стороне Испании. В 1512 году, в битве при Равенне, он попал в плен и был увезен во Францию. И всё это время он обменивался со своей женой самыми пылкими любовными письмами.

После плена он воевал в войске Карла V и в битве при Павии был тяжело ранен. Виктория поехала к мужу в Милан, но в живых его уже не застала.

Виктория впала в глубокое отчаяние, ей не хотелось больше жить. Она решила стать затворницей в монастыре. Но у этой незаурядной женщины было много друзей, и это её спасло. Она сближается с клерикальными кругами, встречается со знаменитыми писателями своего времени – Пьетро Бембо, Луиджи Алламани и другими. Виктория много пишет, в основном, это любовная лирика, обращённая к мужу, и духовные стихи. Выходят сборники её стихов, стиль которых близок стилю Петрарки – новатора, оказавшего огромное воздействие на всю итальянскую поэзию. Её любовная лирика трогает искренностью чувства, нравственной чистотой, свежестью образов. Пишет она и прозу, в основном, это сочинения на религиозные темы.

Одно из важнейших событий её жизни – многолетняя сердечная дружба с Микеланджело Буонаротти. Великий художник высоко ценил Викторию Колонну, испытав на себе нравственное влияние этой необыкновенной женщины. Он посвятил ей несколько своих сонетов и, по ее просьбе, написал небольшое распятие для её домашней мольни.

Майя Квятковская

Когда гляжу я со скалы, мне милой,
На Небо и на дол в заре румяной,
То даже если в сердце мрак туманный,
Лучи одержат верх над тьмой постылой.

И Солнцу вслед я мыслью легкокрылой
Взмываю ввысь, в простор обетованный,
Моим ушедшим Солнцем осиянный,
Меня влекущий с необорной силой.

Ввысь, словно Илия, но в колеснице
Не из огня – из собственного злата –
Влюбленная душа моя стремится,

Надеясь эту жизнь, что тьмой объята,
Сменить на высшую, что вечно длится:
Вот миг, когда души горенье свято.

Струило ясный свет живое пламя
И разгоралось в выбранных умах.
Их осыпали, вея в небесах,
Святые духи высшими благами.

Не поскупились Грации дарами;
Планеты, празднуя в своих домах,
Тьмы добродетелей несли в перстах
И тьмы достоинств, редких между нами.

Не видывало Солнце дня светлей,
Был воздух полон ангельского пенья,
Всё превзошел Природы произвол.

Одел ковёр фиалок и лилей
Земную грудь, стих ветер в умиление, –
И ты, мой Светоч, в дальний мир сошёл.

Лишь моя мысль блаженная устанет,
И завершится бег её дневной,
Пред нею облик явится живой,
Сквозь наважденье истина проглянет,

И мой чернейший день белейшим станет,
И разлучится ночь с привычной тьмой,
Живит мне душу взор открытый мой;
Закрою очи – или гибель грянет.

Пусть эта боль чем дале, тем больней –
И сном, и мыслью в памяти моей
Запечатлен глубоко облик милый.

Любовь – моя защита и приют;
Пусть радость и надежда прочь бегут,
Но Вера крепнет с необорной силой.

Столь ярко Солнца моего сиянье
И звёзд, питомцев моего гнезда,
Что их великих подвигов чреда
Затмила древних славные деянья.

Быть среди них – одно мое желанье,
Пусть добрым Небом будут мне всегда –
Назло другому небу, чья вражда
Мои испепеляет ожиданья.

На смену каждой жизни тьмы других
Свивают Парки, тех губя скорее,
В чьи судьбы нити света вплетены.

Здесь не живу я боле, а старею,
Но нежно в памяти лелею их,
Отторгших мир, в привольном небе рея.

Увековечив высшую причину,
Достойный узел сердце мне связал
И прочь из сердца жгучий гнев изгнал,
В разладе меж влюбленными повинный.

Обманной не смутит меня картиной
Ревнивая любовь, мой страх пропал,
Дабы Амур меня не подстрекал
Свинцовой ли, златой стрелой бесчинной.

На том стою, и Вера – мой оплот.
Мой Светоч ныне мыслью драгоценной
Над звездами и Роком восстаёт.

Порой презрительный, порой надменный
Нисходит он к моей любви нетленной:
В ней верность, благо, истина живёт.

Овеянным небесной благодатью,
Способным восприять ярчайший Свет
Мой ум творило Небо с первых лет,
И пламень сей сумела удержать я.

Как в мягком воске твёрдою печатью,
Оттиснут в сердце дел великих след;
В груди не меркнет огненный завет
И верности высокое понятье.

Ни злоба Смерти, ни тщета обид
Не вырвут у меня мольбы смиренной:
Ушедших слава – жизнь моя и щит.

В уме всё так же ясен луч блаженный,
На сердце крепкая печать лежит,
В груди не молкнет голос незабвенный.

По милосердью высшему, встаёт
Пораньше Солнце, и со мной взмывает
Ввысь, в Небо, и ликует, и сверкает,
В моей нужде мне помочь подаёт.

И первой же стрелы его полёт
Врачует сердце и его пронзает,
Благая мысль надежду укрепляет,
Мой Ясный Свет сияет мне с высот.

Те очи, что ревниво смерть скрывает,
Мне были зеркалами в жизни сей,
Их взор и ныне мной повелевает;

И, Небу вопреки, судьбы моей
Он и поныне парус направляет –
В наш век преступный, в мареве морей.

Я думала, что времени законы
Смягчат моей великой скорби гнёт,
Ждала, что на седьмой хотя бы год
Иссякнут слёзы и утихнут стоны.

Но – то ли вечен мой недуг бессонный,
То ль неизменен Солнца оборот, –
Но сердце времени презрело ход,
А я – терзанья пытки неуклонной.

В слезах пылать – удел мой на земле.
Иное имя, знаю, мне пристало,
Что вечных лавров для меня верней.

Не изменю ни вере, ни скале,
Любимой им, где провела немало
Счастливых прежде, ныне – горьких дней.

Перевод с итальянского Майи Квятковской

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ (1814 – 1841)

МЦЫРИ

Поэт, прозаик, драматург Михаил Юрьевич Лермонтов – классик русской литературы. Его наследие – более 400 стихотворений, около 30 поэм, драмы и неоконченные прозаические произведения.

Романтическая поэма «Мцыри»¹ была написана Лермонтовым в 1839 году. Слово «мцыри» означает «несслужащий монах», «послушник». А с грузинского языка его можно перевести, как пришелец, чужеземец, одинокий человек, не имеющий родных. Таким и предстаёт перед читателями мальчик-горец, выросший на чужбине, вдали от родины, воспитанный монахами и готовый принять монашеский обет. Пленник, он мечтает прикоснуться к родной земле и ради этого способен на многое. Родной дом, отчизна, свобода, жизнь, борьба – всё соединилось в одно и наполняет душу Мцыри и читателя томительной тоской мечты. Гимн высокой «пламенной страсти», гимн романтическому горению – вот что такое поэма «Мцыри».

THE GEORGIAN EREMIT²

4

Old monk! I've hearkened many times
That you have led me off death lines –
What for? Morose and quite forlorn,
A leaflet, off by downpour torn,
I have grown up in walls of gloom,
The child at heart, the monk by doom.
In those around I couldn't feel
My sacred parents nor my weal.
Of course, old monk, you wished a lot,
That, while in cloister, I forgot
The dulcet names of which I mourn, –
But vainly: sound of them was born
With me. I saw the others lean
On hearth and home, on friends and kin,

¹ <https://mybook.ru/author/mihail-yurevich-lermontov/mcyri/>

² См. перевод 1–3 частей поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри» в журнале «Переводчик» № 16, 2016. СС. 75–79. (Прим. ред.).

While for myself could not resume
Not only heart alive – a tomb!
So then, not weeping anymore,
With all my heart and soul I swore:
At least for trice these times or best
My eager heart, my fervid breast
I'll press in grief to breast I'll meet,
Though yet unknown, but ever sweet.
Alack! by now those dreams of mine
Have died in perfect beauteous shine,
And as I lived, afar and wild
Will die as slave and orphan child.

5

I'm not the one whom grave affrights:
Therein, they say, distress resides
In gelid everlasting still;
But life forsakes me 'gainst my will.
I'm youthful, youthful... Did you know
Some reckless yearnings long ago?
You didn't know, or you forgot,
How hate was sharp and love was hot;
How you could live up to the hilt
Just looking at the sun and field
From corner tower in the height,
Wher' wind is fresh, wher' one can sight
As in deep chink within the wall,
The child, a stranger once for all,
Like shriveling pigeon, but a mite,
Has perched, aghast with thunder's spite?
Although today for beauteous world
You feel disgust, 'cause you are old,
And longings have already thinned.
You ask: "What though...?" – You *lived, old friend!*
At least you *own* and *then* repel,
You lived, – and I could live as well!

D'you want to know what I have seen
On freedom? – Splendour of the green,
The hills and mountains grandly crowned
With trees extending all around,
Fresh gust of trees had much to say,
Like brothers dance in roundelay.
I saw the heaps of somber rocks,
As they were sundered by flow's blocks,
And their thought I freed from locks:
I was endowed with this by God!
Long since the air has been fraught
With their stony cuddle-and-ties,
That thirst for joining every trice;
But days slip by, slip by so sore –
They'll meet together nevermore!
And I could see the mountain-spine,
Fantastic as the dreams of mine,
As at the moment when day broke,
As if some chancels, ever smoke
In azure welkin their height,
And cloudlet left by cloudlet right,
Forsaking their secret nook,
But eastwards fixed both run and look –
As if the caravan long white
Of birds that flew from distant side!
Beyond I saw through fog, so tight,
In gems of snow that sparkle about
The hoary Caucasus unbowed;
And at the sight of all this I
Felt so relieved, I don't know why.
Some secret voice whirled forth my pace,
Said: "Once it was *your* native place!",
And grasped my mem'ry therein
The past of mine serene, serene...

And I've remembered father's home,
 The pass of ours and, alone,
 The village scattered in the shade;
 And I could hear boom till late
 Of droves of horses coming back
 And bark of dogs from distant track.
 The swarthy olds (oh how I lack!)
 Whom beams of moon till now bedeck,
 Who sat in front of father's door,
 And worthy countenance they wore;
 And sparkle of scabbard in the rim
 Of sharp long poniards... like a dream
 By turn all this as if in haze
 Ran on a sudden by my face.
 My father? he, with lifelike gaze,
 And uniformed for battle days,
 Appeared to me, and flashed like sun
 The clank of mail, the sparkle of gun,
 And proud unconquerable glance,
 And my young sisters all at once...
 The beams of their darling eyes
 And at my cradle placid sighs
 Of their dulcet lullabies...
 The ford of mountain downstream went.
 Its depth was not of great extent;
 So to that bluff with golden sand
 I used to come at noon to play
 And watched as martlets flew away,
 When they, as rain was apt to pour,
 Touched waves with wing and turned ashore.
 In mind my home I could restore,
 The evening hearth, the very core
 Of sweet long tales from days of yore,
 How lived the men of bygone time,
 When our world could brighter shine.

Перевод с русского на английский Екатерины Коржовой

ГАЛИНА СТРУЧАЛИНА

ТЕМА СТРАНСТВИЙ В КЛАССИЧЕСКОЙ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Тема странствий занимает важное место в китайской поэзии, при этом она наполнена национальным своеобразием, причины которого можно увидеть в исторических реалиях, философских и духовных учениях, жизненных и поэтических традициях, складывавшихся в Поднебесной тысячелетиями.

Странствие в призме китайской поэтической картины мира – не только действие, перемещение физического тела из пункта А в пункт В, занимающее какой-то отрезок времени, это состояние духовной автономности, в котором происходит интенсивное внутреннее постижение материального и тонкого в себе и в мире, осуществляются накопление духовной энергии и трансформация её в творческое начало.

Если принять во внимание тяготы, а нередко и опасности, с которыми неизбежно были связаны путешествия, можно считать поэзию странствий своего рода сублимацией – интуитивно найденным средством изменить «отрицательный» заряд психической энергии на «положительный».

В Китае рано сложился класс чиновничества, получавшего светское образование, именно он стал опорой империи, возникшей из удельных княжеств (династия Цинь, 221–207 гг. до н. э.), а затем всех последующих государственных образований на территории Поднебесной.

Овладение стихосложением (хотя бы в элементарных пределах) было частью образования и нормой в среде чиновничества.

С другой стороны, именно представители этого сословия часто находились вдали от дома: в молодости многие путешествовали ради желания «мир посмотреть и себя показать», но многие отправлялись в соседние или дальние города с более серьёзным намерением – в поисках наставника или к месту проведения государственного экзамена. Встречая на пути таких же, как они, молодых людей, «студенты» древнего Китая часто обзаводились друзьями на всю жизнь, стихи же сочинялись в эту пору большей частью ради собственного удовольствия и в порыве соревновательности. И тут можно усмотреть сходство с культурой средневековых школяров-вагантов.

Однако, как только обучение заканчивалось и сдавший экзамен новоиспечённый чиновник назначался на должность, он, скорее всего,

должен был отправиться по месту службы – так как законом, во избежание коррупции, не разрешалось служить в «родных пенатах», вблизи от родственников, друзей и знакомых.

А далее – служба в разных, зачастую далёких, провинциях: смена круга общения, не всегда лёгкая «притирка» на новом месте, частые должностные инспекторские разъезды, временное, неустроенное жильё, бытовые трудности, опасения за благополучие жены и детей, – всё это создавало не слишком радостный эмоциональный фон для жизни государственных служащих.

Неудивительно, что мотивы странствий, разлук, тревог, одиночества начинают преобладать в поэзии образованного класса.

Постоянная рутина чиновничьих будней и отсутствие близких по духу людей нередко сильно удручили и вводили в состояние уныния, вот почему особую значимость приобретали поездки к друзьям, совместные путешествия и прогулки, обмен дружескими стихотворными посланиями, недолгие побывки в родном краю.

Кроме того, с течением лет, если судьба не была благосклонна, иллюзии молодости постепенно сменялись разочарованиями, и добровестный чиновник всё чаще и острее ощущал несовершенство государственной системы, своё бессиление перед ней и бесперспективность честного, созидающего труда. И тогда он искал – и часто находил – отдушину в странствии-удединении: поднимаясь высоко в горы, бродя по лесам, прогуливаясь по берегам рек или сплавляясь по ним на лодке, посещая пагоды, буддийские монастыри и скиты даосов. Испытывая умиротворение в слиянии с природой, человек обретал силу и мудрость, чтобы если не противостоять житейским невзгодам, то хотя бы спокойно принимать их. Этот духовный опыт он также облекал в стихотворную форму.

Появление каждого нового шедевра, проникнутого описанными настроениями, создавало в китайском поэтическом сообществе повод для дальнейших многочисленных подражаний, аллюзий и перепевов. Поскольку подражательность и верность традициям не только не осуждались, а наоборот, всячески приветствовались, все разнообразные, но узнаваемые мотивы, сопряжённые с путешествиями, скоро сформировали тему, определившую дальнейший вектор развития китайской поэзии на века.

В предлагаемой подборке известные стихотворения, так или иначе связанные с дорогой, каждое по-своему раскрывает тему, автора и эпоху, в которую создано, – династию Тан (восьмой век н. э.), время расцвета классической поэзии. Но, несмотря на то, что в Китае авторы данных текстов являются классиками, на сегодняшний день не все их

произведения переведены на русский язык и доступны читателям. Будем надеяться, это временно. Тексты стихотворений даются в современном иероглифическом написании.

ДУ ФУ (712 – 770)

ПЛЫВУ В НОЧИ, ВСЕ ПОМЫСЛЫ О КНИГЕ

Нити трав речных ветер всколыхнули... Одинока мачта лодочки ночной...
Свет нависших звёзд... Степи нет конца... Выплыла луна – и течёт с рекой.
Имя сохранит ли книга дум моих? Старый и больной, вышел на покой.
И куда теперь ветром принесёт?.. Чайка – ты одна в небе над землёй.

杜甫 旅夜书怀

细草微风岸，危樯独夜舟。
星垂平野阔，月涌大江流。
名岂文章著，官应老病休。
飘飘何所似？天地一沙鸥。

Стихотворение написано в 765 году. Поэт оставил чиновничью должность и потерял хорошего друга, на поддержку которого полагался; он вынужден был с семьёй на лодке из Чэнду направиться в Чунцин. В дороге Ду Фу обдумывал написание произведения, в котором хотел высказать все свои нереализованные политические идеи.

ВАН ЧАНЛИН (698 – 756)

ПРОВОЖАЮ СИНЬ ЦЗЯНА (из цикла «Лотосовый терем»)

Шёл дождь над рекой, беспрерывный, холодный, и воды смешались вдали.
Мы прибыли в княжество У среди ночи, приют ненадолго нашли.
Рассвет... Расстаёмся... Смотрю я на гору – она одиноко стоит.
В Лояне кто спросит, скажи, моё сердце всё то же: как лёд и нефрит¹.

¹ В оригинале поэт использует метафору из стихотворения своего предшественника, Бао Чжоу (407 или 414–466, период династии Лю Сун): сердце как «лёд в нефритовом чайнике для вина», которая описывает кристально чистую душу; человека, сохранившего верность идеалам. (Прим. пер.).

王昌龄 芙蓉楼送辛渐

寒雨连江夜入吴，
平明送客楚山孤。
洛阳亲友如相问，
一片冰心在玉壶。

Стихотворения цикла примерно датированы 742 годом. Поэт служил на территории современной провинции Цзянсу. Его друг, Синь Цзянь, держал путь на службу в город Лоян, в котором Ван Чанлин некогда жил. Предполагается, что из столицы друзья ехали вместе; достигнув земель в Цзянсу, на которых в древности стояло княжество У, они провели ночь в «Лотосовом тереме», двухэтажном павильоне-питейной с видом на реку, а на рассвете простились.

ВЭЙ ИНЬУ (737 – 792)

ПИСЬМО К ЛУ ЧЖИ

Жаль... Кто оценит со мной «Белый снег» –
В музыке сведущий где человек?..
Страх и тревога – в дороге большой...
Скука на взморье, тоска над рекой...
Утренний дождь скрыт в воде и в листве...
Птицы о поздней щебечут весне...
В тыкве-горлянке вина лишь глоток –
Хватит, чтоб с миром смириться я мог.

韦应物 简卢陟

可怜白雪曲，
未遇知音人。
恓惶戎旅下，
蹉跎淮海滨。
涧树含朝雨，
山鸟哢馀春。
我有一瓢酒，
可以慰风尘。

Лу Чжи – племянник поэта.

«Белый снег солнечной весной» – классическая мелодия княжества Чу, обычно исполняемая на пипе или цинь; в переносном значении – утончённое высокое искусство¹.

В стихотворении обыгрывается сюжет периода Весны и Осени (770–221 до н. э.) о выдающемся музыканте из княжества Чу Юй Бо-я: он, уже овладев мастерством игры на цитре цинь, совершенствовался, находясь в одиночестве на морском побережье, слушая крики птиц и шум волн. Однажды, когда Юй Бо-я путешествовал по реке, его застиг дождь. Видя дождь над рекой, музыкант принял импровизировать. Его случайному слушателю оказался лесоруб Чжун Цзыци. Цзыци почувствовал всё, что Бо-я хотел передать своей игрой. Пообщавшись с лесорубом, Юй Бо-я поразился его способности тонко воспринимать музыку; они подружились. После смерти Чжун Цзыци Юй Бо-я играл лишь один раз – на его могиле, а после сломал свою цитру. С того времени выражение «знаток музыки» стало синонимом понятия «задушевный друг». В оригинале, чтобы подчеркнуть внутреннюю связь (нет человека – есть лишь черпак вина), поэт рифмует первые и последние строфы.

ПОРТУГАЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ XIX ВЕКА

СЕЗАРИУ ВЕРДЕ (1855 – 1886)

Во второй половине XIX века в газетах и журналах Лиссабона, Порту и Куимбры начинает публиковаться никому не известный молодой негоциант Сезариу Верде. Португальские критики и литераторы того времени не приняли молодого автора. Их раздражало его новаторство. Непризнание и даже травля молодого поэта в печати ускорили его смерть: Верде умер от туберкулёза, не дожив до тридцати двух лет. Время расставило всё и всех по своим местам: именно благодаря Сезариу Верде в португальскую поэзию вошёл натурализм и реализм; более того, творчеству Верде суждено было стать предтечей нового движения в литературе Португалии – модернизма.

В чём же заключается оригинальность дара Верде, позволившая ему сыграть такую заметную роль в португальской и мировой поэзии? Как и другие реалисты, Верде ценит в поэте точность всех пяти чувств. Но он идёт дальше: отстраняясь от предметной реальности,

¹ В оригинале поэт говорит о том, что убивает время на берегу в устье реки Хуай (Сюйчжоу). (Прим. пер.).

пересоздает, перестраивает увиденное и воскрешает его в своих сти-хах: «В подзорную трубу с одним стеклом / Сюжеты я ловлю» («Мир чувств западного человека»). Неповторимый поэтический голос Верде складывается из поразительного чутья при выборе стиля произведе-ния в соответствии с его «материалом», доведения до максимального совершенства поэтической техники, из объективности, предметности его поэзии и сдержанности чувств, из своеобразия языка, в котором, на удивление естественно, приживаются и сельскохозяйственные тер-мины, и реалистичные описания физического труда, а роль подлежа-щего очень часто выполняют прилагательные (это видно даже в на-званиях его стихов: «Слабая», «Тщеславная», «Великолепная»).

Фернандо Пессоа, родившийся через год после смерти Сеза-риу Верде, считает себя его современником, но не потому, что мог бы написать такие же стихи, а потому, что у него, по его словам, та же самая «субстанция стиха», что и у Верде. Пессоа сам пояснил это в посвящённом Верде стихотворении, написанном от имени сво-его гетеронима Алберту Каэйру. Он называет Верде земледельцем, по своей воле ставшим узником города. Верде и стал предтечей знамени-того Мастера, Учителя других поэтов, Алберту Каэйру, которому Пессоа подарил авторство цикла стихов «Охранитель стад» – лучше-го, по его мнению, из всего им созданного.

Ирина Фещенко-Скворцова

В ОДНОМ СОВРЕМЕННОМ КВАРТАЛЕ

Мануэлу Рибейро

Пробило десять; ветерок шальной
Играет, занавески разевая,
А дом стоит нарядный, кружевной,
И ранит взгляд горячей белизной
Под солнцем неуёмным мостовая.

Закрыты ставни окон, как в порталах
Дворцов старинных, там покой и сон.
Где жалюзи открыты, в белых залах
И средь обоев, золотых и алых,
Фарфор посуды солнцем позлащён.

Как радостно иметь подобный дом,
Так жить легко!.. А мне – в контору снова,
Где я тружусь, у парка над прудом.
Обычно дохожу туда с трудом,
С симптомами удара теплового.

И щупленькая девушка одна
На лестнице стояла на коленях;
Корзина фруктов, овощей полна,
Её на мрамор ставила она:
Кусочек огорода на ступенях.

Бедняжка – некрасивая такая,
Скрипят её таманко¹, и, пока
Склоняется, ручонки опуская,
Юбчонка, ну, совсем не щегольская,
Откроет хлопок голубой чулка.

С площадки лестничной слуга дебелый,
Ей говорит, монетку сжав в руке:
«Я больше не даю...» И потускнелый
Летит медяк, ничтожный, заржавелый,
Бьёт абрикос румяный по щеке.

Внезапно мысль приходит: отчего
Мне овощи и фрукты, словно в сказке,
Не превратить в собрата своего,
В красивое живое существо, –
А солнце-колорист добавит краски?

Дымки из кухни в воздухе плывут,
Проходит пекарь, от муки весь белый,
С корзиною, наверно, весом в пуд;
И у парадных входов, там и тут,
Трезвонят колокольцы то и дело.

¹ Таманко – сандалии на деревянной подошве. (Прим. пер.).

И я, анатом смелый, создавал
Живое органическое тело.
Тона и формы, пёстрый карнавал,
Кочны капустные – грудей овал,
И голова – арбуз, смеясь, блестела.

И, чёрные на зелени листов,
Оливки – в косы убранные пряди,
Из бледной редьки – вмиг хребет готов,
А кисть муската розовых сортов –
Глаза с истомой сладкою во взгляде.

Вот шея, плечи, мне не надоест
Их подбирать, а вот – сама гордыня,
Совсем как тот, важнее всех окрест,
Кто изобилье это нынче съест, –
Надутым животом круглится дыня.

О, эта плоть, что соблазняет взгляд,
Кровь пылкой вишни, свежей, ярко-алой,
И сердце заключил в себе томат,
А эти пальцы душу веселят,
Пунцовые, моркови длиннопалой.

Но проданы уже салат и мята,
Прохожих нет, пора отсюда прочь;
Корзину не поднять, ну, как заклята,
Торговка крикнула мне хрипловато:
«Сеньор, Вы не могли бы мне помочь?»

Я без неудовольствия пришёл,
Клоняясь к ступеням мраморным, прохладным,
И этот груз, что был весьма тяжёл,
Как будто не плоды – древесный ствол –
Мы подняли с усилием громадным.

«Благодарю! И дай Вам Бог здоровья!»
И я, прощаясь с нею, получил

Такой заряд веселья, полнокровья,
Для коих непременное условье –
Иль добродетель, иль избыток сил.

Она уходит в августовский зной,
Тщедушная, в цветастой юбке длинной,
Бескровны скулы, словно у больной.
Иду другим путём, передо мной
Мчат экипажи мостовой старинной.

Малютка с лейкой, словно божество,
Просеивает звёзды, поливая
Цветущую лиану, оттого
На улице курится для него,
Как фимиам, завеса пылевая.

Доносится фруктовый аромат
От ивовой корзины, солнце лепит
Орнамент чудный вдоль домов, оград,
Щебечет кенар, незамысловат
Его напев, как милый детский лепет.

И, живописна в ситчике дешёвом,
Лихой задор весёлой нищеты,
Худышка бедная в пылу торговом,
Гордясь кочном капусты трёхфунтовым,
Кричит о нём от сердца полноты.

Огромные, как ляжки великана,
Пленяя взгляд прохожих пестротой,
Качаются в корзинке неустанно
Две тыквы, возвышаясь первозданно
Над зеленью обильной и простой.

НЕСЧАСТЬЕ

Упавшего с лесов по улицам несли,
Он грудь себе разбил, ударившись о балки.

Носилки были все в строительной пыли,
И непрерывно с них стон доносился жалкий.

Несли, и в такт шагам чуть колыхалось ложе,
И ветерок порой приоткрывал покров,
Я различил его лежащим на рогоже,
В запекшейся крови, и лик уже суров.

Какой-то негр шептал: «Дружок, держись!» – Увы,
Как тут помочь? И я гнал от себя догадку:
Обмотанный вокруг горящей головы
Платок ему вредил, усилив лихорадку.

У Дамбы, тут и там, и денди, и кокотки
Слонялись, стыл закат над городом багров;
На Тежу был прилив, виднелись барки, лодки,
Я слышал стук колёс, проклятья кучеров.

Подвыпивший поэт, напоминая фавна,
В районе Байши – там бывает часто знать –
Кричал: «Смотри, смотри! Вот – сцена, как забавно!
Ну, что за эпизод!» – Он перестал стонать.

Борьба пришла к концу. Ведь так не раз бывало:
Несчастный не успел дождаться лекарей.
Лишь несколько мужчин, на вид провинциалы,
Кричали: «Жаль его! В больницу, поскорей!»

Там, где его несли, шептались люди глухо,
Сардинок запах шёл со склада вин вдали,
Просила ей подать какая-то старуха,
И в лавке на углу сверкали хрустали.

Один дворянчик – фрак потёрт, грязна манишка,
С ним проститутки две из самых злополучных –
Кричал: «Какой кошмар! Ведь он – совсем парнишка!
У каменщика был недолго он в подручных...».

Подкидыш, с малых лет с работою знаком,
Неграмотным он был, и жизнь вовсю хлестала,
Он чаны на спине с извёсткой и песком
На пятый нёс этаж, сутулился устало.

Обед прошёл. Он взмок вдруг до корней волос,
Курили мастера, он подбирал окурки,
Мутило от всего: от дыма папирос,
От робы на плечах в присохшей штукатурке.

Зарплата велика: аж восемь медяков...
А море – далеко, под солнышком уснуло.
«Ай! Люди там, внизу, не больше пауков!»
И вдруг земля его жестоко притянула.

Да, уличным мальцом беднягу люди звали,
Умел он одолеть болезнь, нехватку сил,
И голодал порой, и спал впотьмах в подвале,
В шесть лет уже он сам за свой обед платил.

Стемнело. Гроб везли. Гуляла молодежь.
Навстречу – экипаж, в нём – господин с бородкой,
И демократ вскричал: «Министр, куда идёшь?
Купить ли голоса? Иль отдохнуть с кокоткой?»

И этот господин теперь стоит у власти,
И грабит бедняков, к их мукам всё черствей,
Не он ли, думал я, плоды случайной страсти,
Велел отдать в приют побочных сыновей?

Да, нет, не может быть?! Клонюсь под тяжким игом:
– Достоинство, разврат... Какие миражи!
Вот падре – перед ним – снял пилеолус мигом,
И кланялись ему почтенные мужи...

И что же тот бедняк? Пошёл он в общий ров,
И не было друзей – проститься у могилы,

Патрон им запретил, на них орал, багров:
Зима, мол, на носу, и трудитесь вполсиль!

Когда же прочитал патрон о том, что сталось,
В тот день он говорил с подрядчиком седым,
Ревел, как дикий зверь: «Он мёртв?! Какая жалость!
Зачем же падал он? Уж точно, пьяный в дым!!»

СЛЁЗЫ

Исступлённо, долго она рыдала,
Бурей жестов была под стать менаде.
Жемчугами слёзы легли на пряди
И порой мерцали на блузе алой.

Он, любовник, не тревожась нимало,
Как святой, с безмятежностью во взгляде,
Наблюдал с дивана, болонку гладя,
Напевал мелодии карнавала.

Говорил он ей, щурясь близоруко:
Плачь, проклятая, плачь, жалеть не стану!
Ветром ты рождена, и в этом штука,

В злобе своей подобна океану.
Слёзы словно текут из акведука,
Славно: я приму солёную ванну!

УНИЖЕНИЯ

От всего сердца посвящаю Силва Пинто

Отвратна нищета. Я – Иов неимущий,
Презренье Ваше я, приняв, боготворю,
И ради Вас в ночи я, будто к алтарю,
Иду в театр гудящий и зовущий.

Как утомляют слух оркестр, светильный газ
И дам приехавших скрипучие корсеты.

И куртизанки здесь, и звёзды, и поэты...
Я вязь афиш читаю в сотый раз.

Шла драма, кажется, Фейе, и я, как паж,
У двери ждал, когда та женщина пустая,
Надменною красотой слепя и оплетая,
Покинула открытый экипаж.

В движениях её – гипноз. Я, словно птаха
Перед змеёй, застыл. Изящных кружев дрожь...
Ты, мещанин, меня, я знаю, не поймёшь:
Не смог я стук зубов унять от страха.

Ведь я не властен был оставить мысль о ней!
Мой жалкий кошёлёк держал меня у двери,
Не видеть мне её, сидящую в партере,
В бинокль её не разглядеть ясней.

Я закрывал рукой потёртость петель фрака,
Настойчивый призыв звучал прохожим вслед.
От перекупщиков: «Не нужен ли билет?» –
Оваций шум летел из полумрака.

Жемчужина манер! У прочих дам вокруг
Жеманство кукол сплошь: и в позах, и в улыбке.
Как говорит она! Не так певучи скрипки
Спектаклей, где царит чистейший Звук.

Так думая, следил за нею за одной:
Идёт по лестнице, как выпрямлены плечи,
Вот, в ложу входит и – мне, право, было б легче,
Когда б земля разверзлась подо мной.

Я прочь пошёл, но ждал меня дурной финал.
Чиновнику проезд солдаты расчищали;
Мундиры не люблю; был утомлён, в печали, –
Увидев их, я злобой запылал.

Старуха подошла, смердит, спасенья нету,
Совиные глаза зловещи в полутьме,
И прогнусавила, подмигивая мне:
«О, мой сеньор! Дадите сигарету?»

Перевод с португальского Ирины Фещенко-Скворцовой

КРИСТИНА ДЖОРДЖИНА РОССЕТТИ (1830 – 1894)

ПОСТИЖЕНИЕ

Из номера в номер, начиная с 2003 года, переводчик Валентина Брилёва все глубже и глубже проникает в потаённые мысли своего бессменного кумира – английской поэтессы XIX века Кристины Джорджини Россетти. Она идёт за автором след в след и, кажется, дышит с ним одним воздухом, переживает те же состояния души – её взлеты в заоблачные выси и нередко трагические падения. Это как раз тот счастливый случай, когда, пусть через века, встречаются духовно родственные души. Постижение этого бескрайнего моря эмоций, несомненно, обогащает духовный мир самого переводчика, которые, смеем надеяться, найдут отклик в сердцах наших читателей¹.

ИЗ «ПЕСНОПЕНИЙ»

Что тяжело? Песок морской, горе, беда.
Что коротко? Время. Оно быстротечно всегда.
Что хрупко? Весенний цветок и сердца молодых.
Что глубоко? Океан и бездна истин простых.

Что пчёлка делает?
В домик приносит мёд.
А что отец делает?
Матери деньги даёт.

¹ См. журнал «Переводчик» 2003–2016 гг. (Прим. ред.).

А что мама делает?
Тратить деньги идёт.
А что их ребёнок делает?
Ест с удовольствием мёд.

БУТОНЫ И ЦВЕТЫ

Есть бутоны, но им не цвести никогда.
С обещанием сладким пленить красотой
Они увядают, на клумбе пустой
Не оставляя плода.

Тщетны их обещанья. Утешит непрошено
Хрупкая радость при мысли прекрасной,
Что красота не бывает напрасной,
А напрасное было хорошим.

МИРАЖ

Надежда моя была только сном;
И, проснувшись, я оставалась одна,
Но теперь безутешной, усталой, седой...
Только лишь ради сна.

Я повесила арфу на иву плакучую
Над озером, там, где темней глубина.
Я повесила арфу изогнутой, сломанной...
Только лишь ради сна.

Успокойся, не плачь, изнурённое сердце,
Разорвёт струной арфы тебя тишина.
Мир и жизнь, всё моё существо изменились,
Только лишь ради сна.

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД

Когда посмотришь на пройденный путь –
Свет вешний рассеян; иной уже взгляд.

Всё годы смягчают, и зrimее суть,
Когда посмотришь назад.

Серебристый, пурпурно-розовый цвет,
Боялись, что тучи навек омрачат.
Ещё гармоничней вечерний свет,
Когда посмотришь назад.

Глупая, шла не туда я подчас,
Сердцем вбиная страдания яд;
Вчера это было, но не сейчас,
Когда посмотришь назад.

ГДЕ-ТО ЗДЕСЬ ИЛИ ТАМ

Где-то здесь или там, быть может,
Есть лицо незнакомое, голос. Ещё
Никогда его сердце, о Боже,
Не откликалось на слово моё.

Где-то здесь или там, вблизи; за землёй,
За морем ли – мне не увидеть воочию,
За луною, блуждающей, и за звездой,
В просторах ночи, за ночью.

Где-то здесь или там, далеко или близко,
За оградою или за старой стеной,
В умирающем где, склонившемся низко
К зелёному мху с пожелтевшей листвой.

DE PROFUNDIS¹

О, почему высоки небеса,
И от них далека земля?
До ближайшей звезды никогда
Не смогу дотянуться я.

¹ De profundis – «Из глубин». Начало покаянного псалма, который читается как отходная молитва над умирающим. (Прим. пер.).

Есть в небе светило – Луна.
Изменчивый круг не по мне.
Законам небесным верна,
И она не доступна мне.

Искры звёзд не хочу замечать;
Шлейф солнца вдали. Лишь одна
Моим сердцем владеет страсть,
Но я знаю, напрасна она.

Ведь узы с землёй велики.
Здесь неба красе не блистать;
Простирая вверх руки свои,
Я пытаюсь надежду поймать.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Жизнь не сладкая. Сладостью встретит
Миг последний, и с ним мы умрём.
Пташку, бабочку над цветком
Нам уже не увидеть потом;
Трав душистых наш взор не отметит,
Не пленимся пернатым певцом;
Не вздохнём о весне, тёплом лете;
Как склонил до земли колос ветер,
Кто на наших местах – не заметим.

Не хороша наша жизнь. Снизойдёт благодать:
Воскреснем мы в жизни другой,
Лишь немного поспим, и придёт день такой;
Но осенней листве в нашем сне не блистать;
Не увидим мы моря с жемчужной волной,
И бобовых полей почерневших, и рать
Высокой пшеницы, тугой, золотой...
Только равнина с безмолвной стернёй...
Без страха уснуть, спать без боли земной.

Перевод с английского Валентины Брилёвой

АНГЛИЙСКИЕ ЭПИГРАММЫ

Англия славится своим юмором¹, славится и сатирой. Англичане умеют смеяться. Смеются и над собой. У них даже есть ими самими придуманная фигура, символизирующая тип англичанина вообще, – короткий, коренастый, толстоватый человечек со шляпой на голове. Зовут его Джон Бул (Bull по-английски – бык). Создал этот образ в XVIII веке Джон Арбетнот, член сатирического кружка, в который входили Александр Поп, Джонатан Свифт и Джон Гей, внесшие значительный вклад в английскую сатиру. Сочинение Арбетнота, где появился этот персонаж – «История Джона Була» (1712), забыто, но имя героя осталось и приобрело, можно сказать, всемирное значение как нарицательное для обозначения англичанина. У Арбетнота он выведен прямодушным, вспыльчивым, воинственным, драчливым; водится за ним и бражничество, но, в общем, он «добрый малый». Со временем образ трансформировался. В нём стали выделять в качестве основных черт тупое упрямство, нежелание перемен, поддержку старого и привычного.

Этому не приходится удивляться. Эпиграмма, как известно, призвана в остроумной форме осмеивать пороки общества, а также отдельных лиц, и острое словцо поэта часто на века остаётся неизгладимым клеймом на людях, заслуживших осмеяние своей тупостью, злом, которое они причинили своей стране. Такие есть во всякой нации. У англичан на протяжении их многовековой истории одиозных фигур накопилось предостаточно. Острое перо эпиграмматиста поддавало бездарных писак, враждебных народу политиков, лжеучёных, оно не останавливалось даже перед фигурами монархов. Если в XVI веке гуманист Томас Мор мог клеймить тиранию и тиранов лишь под видом переводов с древнегреческого на латынь, то в XVIII веке строй конституционной монархии с её (по тем временам сравнительно большими свободами) допускал появление эпиграмм даже на царствующие лица. Конечно, за это преследовали крамольников, но они не унимались, а когда в начале XIX века в Англии появился такой революционный поэт, как Байрон, сатира на монархию достигла своей вершины. Начав с эпиграмм, великий поэт перешёл к созда-

¹ http://belousenko.com/presents/english_epigrams.htm

нию целой сатирической поэмы «Видение суда» (1821), где в смешном виде изобразил спор о том, следует ли допустить в рай душу скончавшегося Георга III.<...>.

ДЖОН ХЕЙВУД (ок. 1497 – ок. 1580)

О НЕПРИЯТИИ ЛИЦЕМЕРИЯ

Отвергший доброту, ты стоишь уваженья:
Ведь ты не лицемерен в отверженье!

«САМ УПРАВЛЯЙ – НЕ БУДЬ УПРАВЛЯЕМЫМ»

«Сам управляй – не будь управляемым». – Да!
Правилом этим ты управляем всегда.

О ГАЛКЕ

Поохотиться однажды захотел я с арбалетом,
Подстрелить однажды галку захотелось мне при этом.
И прохожему сказал я: «Галку взял я на заметку,
И стрелу в неё пуши я, коль усядется на ветку».
«Коль усядется, – сказал он, – значит, это галка точно».
«Ну, а если нет, – сказал я, – кто она, скажи мне срочно?»
И ответил мне прохожий: «Ах ты, Господи мой, Боже!
Галка в небе – та же галка, и на ветке – галка тоже.
На заборе и на крыше, на воротах и на палке,
Если галка – это галка, значит, галка – всюду галка.
Под луною всё неечно: и события, и лица,
Только маленькая птица – до конца времён продлится!»

ДЖОН САКЛИНГ (1609 – 1642)

ПОСТОЯННЫЙ ЛЮБОВНИК

Три целых дня – при вас, моя душа,
Три целых дня – при вас, вдали от света,

И, коль погода будет хороша,
Ещё три дня продлится верность эта.

Взлетите ж, леди, над вселенной всей
И, облетев пространство, словно птица,
Вы убедитесь в том, что подвиг сей
Нигде и никогда не повторится!

РОУЛАНД УОТКИНС (1614 – 1664)

Сяду я на гордого коня, окажусь в канаве придорожной.
Серый ослик довезёт меня, скромный, терпеливый, осторожный.

АЛЕКСАНДР ПОУП (1688 – 1744)

ЭПИТАФИЯ ДЖОНУ ГЭЮ¹

Не раз ему, люди, вы портили кровь
И грязью его обливали.
Джон Гэй вас покинул навеки – и вновь
Вернуться захочет едва ли.

НА НЕКУЮ ПРИДВОРНУЮ ДАМУ

Мне знакомо чудо из чудес,
Женщина – явление Природы.
Рядом с ней не пикнет даже бес,
Сплетни прекращают хороводы.

Светлое, открытое лицо
(Мы давно такого не встречали!),
Добрый юмор, умное словцо,
Лёгкие, минутные печали.

¹Джон Гэй (1685–1732) – английский драматург и баснописец, автор знаменитой комедии «Опера нищего» (премьера состоялась 29 января 1728 г.), тему которой подсказал ему Джонатан Свифт. Ровно 200 лет спустя, позаимствовав сюжет у Гэя, Бертольт Брехт (1898–1956), выдающийся немецкий драматург и режиссёр, создал свою «Трёхгрошовую оперу» (1928). В том же году «Трёхгрошовая опера» была переведена на русский язык. «Басни» Гэя переведены на многие языки мира, в том числе на урду и бенгали. (Прим. пер.).

Нет на ней ни порчи, ни греха,
Но в определённые моменты
Женщина становится глуха
Всякий раз, как слышит комплименты!

ТОМАС КЭМПБЕЛЛ (1777 – 1844)

**В АЛЬБОМ МОЛОДОЙ ЛЕДИ,
КОТОРАЯ ПОПРОСИЛА
СОЧИНИТЬ ДЛЯ НЕЁ НЕСКОЛЬКО СТРОК,
«ПОРОДИВ» НЕЧТО ОРИГИНАЛЬНОЕ И «ВПЕРВЫЕ»**

В стихах вам «впервые» хоть что-то «родить»?
Тогда не талант свой природный
Могу предложить, чтобы вам угодить,
А только – свой Грех Первозданный!

РИЧАРД ГАРНЕТТ (1835 – 1906)

«ДАФНА БЕЖАЛА ОТ ФЕБА, ПРЕКРАСНАЯ ДЕВА...»

Дафна бежала от Феба, прекрасная дева,
И на бегу превратилась в лавровое древо:
Вспомнила Дафна, что, как ни прекрасна девица,
Лавром и славой вернее поэт соблазнится!

АРТУР ГИТЕРМАНН (1871 – 1943)

О НИЩЕТЕ ВЕЛИЧИЯ ЗЕМНОГО

Клыки мастодонтов, которыми чудища бились,
В шары биллиардные ныне, увы, превратились.

И Карла Великого меч, покрывавшийся славой,
Бесславною пылью, увы, покрывается ржавой.

И гризли-медведь, повелитель полярной пустыни,
В гостиной напольным ковром расстилается ныне.

И Цезарь давно уже в мраморный бюст превратился,
И сам я, – кхе-кхе, извините, – с утра простудился...

ДЖАСТИН РИЧАРДСОН (1900 – 1975)

ВЫШЕ ГОЛОВЫ, НЕВЕЖДЫ!

Я тайно стыдился: «Ах, я, идиот,
Не читаны Оден, Макнис, Элиот!»
Подумал я дале: «Нет, глуп я едва ли:
Ведь Мильтон и Чосер их тож не читали!»

ЭПИГРАММЫ НЕИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ

ЛОШАДЬ

О лошади две шутки есть. Так вот,
Одна из них – конюшней отдаёт.

ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ

Был бедняком – был правдивым, простым, непритворным.
Разбогател – подражает вельможным придворным.
Делает вид, что меня не припомнит, иуда...
Если *себя* позабыл, то *меня* ему помнить – откуда?

НА КРИТИКОВ-ШЕКСПИРОВЕДОВ

Ваши толкованья, ваши мнения –
Помощь в пониманье мыслей гения,
Но никто понять не в состоянии
Ваши мненья, ваши толкования.

Своей половиной зовёт он супругу,
Что вечно рога наставляет супругу.
Правдиво супруг нам рисует картину,
Владея супружой лишь наполовину.

Обожаю вас и проклинаю,
Ненавижу и боготворю.
Как так получается, не знаю,
Знаю только – правду говорю.

Подлей нельзя
Найти скотину,
Что лжёт в глаза
И хает в спину!

«СКАЗАЛ МНЕ ВОР И ЛИЦЕМЕР...»

Сказал мне вор и лицемер: «Сколь грязен мир, дружище!»
А я в ответ: «Умрите, сэр, и станет в мире чище!»

ДОБРЫЙ СОВЕТ

Будь кротким голубем, мой друг, и не погубишь никого.
И змеем будь, чтоб мир вокруг не погубил бы самого!

«СЛЁЗЫ ВСЁ ЛЬЮ Я И ЛЬЮ Я...»

Слёзы всё лью я и лью я,
Лью и твержу: «Аллилуйя!»
Землю целую, жёнушку злую
Похоронив, – «Аллилуйя!»

БЕДНЫЕ ЖИВОТНЫЕ!

По ТРИДЦАТЬ лет живёт ишак,
У бара не замедлив шаг.
По ДВАДЦАТЬ лет живёт овца,
Не зная джина и пивца.
По ВОСЕМНАДЦАТЬ тянет бык,

Что лишь к воде одной привык.
ПЯТНАДЦАТЬ лет живёт Полкан,
Не тяпнув рома и стакан.
ДВЕНАДЦАТЬ лет живущий кот
Лишь молоко и воду пьёт.
Живущий ДЕСЯТЬ лет петух –
Не алкоголик, не питух.
От ишака до петуха
Все в этом мире без греха.
Но СЕМЬДЕСЯТ нетрезвых лет
Живёт иной пропащий дед,
И, лазя в злачные места,
Иной субъект живёт до СТА!

КРОЛИК

Кролик – только с виду белый и пушистый,
А по сути-жути – чёрный и нечистый.
Появился кролик – будут разрушенья,
Коим есть названье – нет произношенья.
Лишь одни намёки, и хитры, и ловки,
Волки-журналисты ставят в заголовки.
Ворох преступлений, нравственный уродец,
В норах обитает кроличий народец.
Чёрный и нечистый, гадкий аж до колик, –
Тьма и подземелье всем, чьё имя – Кролик!

ХИЛАР БЕЛЛОК (1870 – 1953)

«КОГДА УЙДУ, КОГДА НАВЕК УЙДУ...»

Когда уйду, когда навек уйду, скажите там, в лачугах и в дворцах:
«Он грешен был, и он горит в аду, его стихи – горят у нас в сердцах!»

Перевод с английского Евгения Фельдмана

ДУХОВНАЯ ЛИРИКА ТОМАСА ТРЭХЁРНА (1636/7 – 1674)

Томас Трэхёрн – английский поэт, священник и мистик. Родился в Херефорде в семье сапожника. Обладая незаурядными способностями, поступил в Оксфордский университет. После получения степени бакалавра принял духовный сан и стал приходским священником в маленькой церкви Святой Марии в деревне Креденхилл близ Херефорда.

Последние годы жизни Томас Трэхёрн провёл в Теддингтоне, графство Миддлсекс, где служил личным капелланом баронета Орландо Бриджмена, лорда-хранителя большой государственной печати при короле Карле II.

Трэхёрн умер от оспы в 1674 году в возрасте 37 лет и был похоронен в церкви Пресвятой Богородицы в Теддингтоне, расположенной неподалеку от дворца Хэмптон-Корт. Англиканская церковь чтит память Томаса Трэхёрна 27 сентября (дата смерти) и 10 октября (дата погребения).

При жизни Трэхёрн опубликовал только одну книгу, «Римские подделки» (1673), в которой подверг критике состояние современной Католической церкви. А через год после его смерти увидела свет «Христианская этика», известная также под названием «Путь к блаженству». Труды Трэхёрна были надолго забыты. Лишь в 1896 году в двух лондонских книжных лавках были случайно обнаружены рукописи его поэзии и духовной прозы. Стараниями Бертрама Доббелла в 1908 году было впервые издано собрание стихов и книга «Сотницы размышлений». Большая часть произведений Томаса Трэхёрна не опубликована до сих пор. Его рукописи хранятся в университетских архивах, музеях и частных коллекциях, например, в Британской библиотеке в Лондоне и Бодлианской библиотеке Оксфордского университета.

Поэзия Трэхёрна пронизана чувством христианского мистического восторга перед божественным творением. Её отличают виртуозное владение искусством версификации, органичное сочетание изысканно- усложненной барочной образности и аскетической строгости, богатейшая звуковая палитра и проникновенная непосредственность, с которой выражается глубина духовного опыта. Это нередко служит основанием ставить творчество поэта в один ряд с произведениями Сан Хуана де ла Круса, Рамона Льюля, Ангелуса Силезиуса Уильяма Блейка, Джерарда Мэнли Хопкинса. Созданный Трэхёрном образ ре-

бенка как символ «райского» состояния человеческой природы почти на полтора столетия предвосхитил открытие темы детства у английских романтиков.

Наследие Томаса Трэхёрна оказало влияние на труды Томаса Мертона, Дороти Сэйерс, Элизабет Дженнингс, Чеслава Милоша и К. С. Льюиса, который назвал «Сотницы размышлений» одной из красивейших книг, написанных по-английски.

В России стихи Трэхёрна на сегодняшний день представлены несколькими единичными переводами. Настоящая подборка является первой относительно пространной публикацией его поэзии на русском языке.

Олег Комков

ПРИВЕТСТВИЕ

1

Сей дивный дар,
Сии движенья глаз и рук,
Сих нежных щёк новорождённый жар –
Отколь явились вдруг?
Из-под какого тайного покрова?
Из бездн каких во мне возникло слово?

2

Когда в тиши,
Под прахом, много тысяч лет,
Я нем лежал, без формы, без души,
Как мог узреть я свет,
Улыбки, слёзы, губы, руки, взгляды?
О мир сокровищ! сколько в них отрады!

3

Безмолвен, глух,
Я был ничем средь вечной мглы,
Не знал, что обрету язык и слух
Для радостной хвалы;
Как чутко ухо, как рука проворна,
Как твердь земли моим ногам покорна!

4

О торжество!
Пресветлых радостей родник!
Как чудно детских членов естество –
Души святой тайник!
Их резвый строй и гладкость нежной кожи
Всех благ мирских воистину дороже.

5

Из праха взят,
Я пробуждаюсь к бытию;
Края щедрот приветствует мой взгляд,
Дар Божий жадно пью.
Земля, моря, небес священный лад,
Созвездья, солнце – мой бесценный клад.

6

Допрежь того,
Как был я матерью рождён,
Мне древле Бог готовил торжество:
Сей мир украсил Он,
Дабы Эдема чистоту и славу
Я, сын Его, наследовал по праву.

7

Как странно здесь!
Мне странен этот новый дом,
Мне странен мир, сокровищ полон днесь,
Мне странно всё кругом;
Но обладанье лучшим из миров –
Страннейший средь Божественных даров.

УДИВЛЕНИЕ

1

Как ангел, я сошёл с небес!
Как блещет всё кругом!
Едва узрев творенья Божий дом,
Я был венчан огнём чудес!

Простёрся мир, как присносущный свет,
Чтоб рай в душе сберечь;
И отовсюду, мне в ответ,
Звучала речь.

2

Величья полный небосвод,
Чудесный, чистый дух –
Как дивно, сладко, славно всё вокруг!
Лучился звёздный хоровод,
И всех творений Божьих строй и стать,
Краса и щедрость благ
Могли б, казалось, век блестать
В моих глазах.

3

Плоды невинности взрастил
В моей утробе Он;
Великолепьем дел Его пленён,
Я в сердце силу ощутил
И ревность духа. Жизнью опьянён,
Я плыл средь райских волн;
Безмерный мир со всех сторон
Был славы полн.

4

В раю земном не ведал я
Страданий, слёз и мук;
Грех, скорбь, лишенья, нищету, недуг
Скрывала тьма небытия;
Я видел ангелов блаженный круг;
Невинность и покой,
Вдали от скверных уст и рук,
Владели мной.

5

Был златом камень мостовых,
И детских лиц краса
Сияла светом, словно небеса!

От века полон благ живых,
Во славе мне людской явился род;
И всё, что видел взгляд,
Вкусивший ангельских щедрот,
Хранило клад.

6

Алмазы, золото, жемчуга
Пленяли всюду взор;
Как многоцветный, радужный узор,
Сверкали мириады берега.
Мне удивленье Господом дано,
Чтоб чудо в сущем зритъ:
Связала мир с душой в одно
Святая нить!

7

Корысти проклятый дурман,
Желчь, зависть и обман,
Пятнающие рай, что Богом дан,
Исчезли; славой осиян,
Мой взор презрел межи, ограды, рвы:
Я всей землѣй владел,
Чист от наветов и молвы
Был мой удел.

8

Моими были все дворцы,
Орнаменты оград,
Богатства кладовых и блеск палат –
Нетленных радостей венцы.
Брильянты, платья, кольца, кружева –
Как будто царский пир
Вокруг себя я зрил, едва
Родившись в мир.

ВОЗВАЩЕНИЕ

В младенчество вернусь опять, Господь, –
Очистить зрелости скудель:
В то лоно, где священна плоть,
В родную колыбель.
Как странно: быть мудрее всех,
Когда тебе неведом грех!

Доколь сильны соблазны бытия,
Иных не надобно причин:
Младенцем вновь пребуду я
(Порою низший чин
Укрыть способен нас от бед),
Чтоб в лоне чистом видеть свет.

О Боже, рай пленил меня тогда!
Пока не знал лишений дух,
Твои богатства я всегда
Блаженно зрил вокруг:
Исполнен славы и щедрот
Был сладких дней круговорот.

НАСТАВЛЕНИЕ

1

Изрыгни скверну, презри плоть:
Мирская прелесть нечиста.
Сумеет бренность побороть
Душа, что святостью сыта.

2

Пускай навеки сгинет след
Всего, чего не ведал дух,
Когда блаженный Божий свет
Младенцем видел ты вокруг.

3

Прими величье Божьих дел,
Что зрил от века светлый взгляд;
Прими щедрот благой удел,
Что в мире видимом блестят.

4

Всё остальное – рабий зрак
Страстей, привычек иль забот:
Таится в них кромешный мрак,
Людской окутывая род.

ВОСТОРГ

О детства лик!
Блаженный пламень! Свет небес!
О край чудес!
Как я велик,
Как славен в этот сладкий миг!

О райский дар!
Святая радость бытия,
Что внемлю я!
Чей это дар?
Кто мне послал сей чистый жар?

От выших сил
Приемлю ангельскую честь:
Хвалой исчесть
Круги светил,
Что Бог любовью освятил.

Как весел дух
Во мне! Отколь нетленных благ
Родится злак?
Кто райский луг
Мне даровал? Чей дивный Дух?

ПОЛНОТА

О свет, о смысл, о зрак,
Что дал мне Бог, рассеяв мрак!
Я ныне к ним, как в самый первый миг,
Душой приник:
Зерцало вечной глубины
Под сенью Девственной Жены,
Вселенная внутри телесных стен,
Мир духа, плотью облачён.
Стихией совершенного творенья
Во мне блаженно зреет сила зренья.
Мой клад –
Священный лад,
Мой долг и зов,
Что присно нов;
Родник, живительный исток,
Чистейшей свежести глоток:
Мне жажду утолит святая влага,
Душе вовек даря жизнь и благо.
Восторгов центр и круг –
Мой просветлённый дух;
Давидова твердыня,
Где свой храню доспех;
Исток, явивший ныне
Клад, жертву, мощь, успех:
Огонь свечи,
Пылающий в ночи,
Дабы душа, восстав, стряхнула грех.
Надежды храм, златая крепь,
Певцом прославленная цепь,
Что древле в мир спустил
Зевес¹;
Дар вышних сил,
Святая твердь
Любви, изгнавшей смерть, –
Престол, о коем возвестил

¹ См.: Гомер, «Илиада», песнь 8, СС. 19–27. (Прим. пер.).

С небес
Мне дивный шум Божественных словес.

ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Неведом людям их сокрытый клад:
Что за душой имеют, не хранят
И собственных не видят благ,
Богатства обращая в прах.
В страданье спину гнут,
Терпя ярмо и кнут,
Лишенья, скорбь и страх,
Посеявши, не жнут
И небеса клянут;
Когда бы мог блаженный взгляд
Проникнуть в таинство причин,
Мы все б узрели свой нетленный клад,
Свой высший, царский чин.
Не утолят желаний человека
Все царства мира; нет, влекут от века
Его края иных чудес
Над бесконечностью небес:
Нигде страны родной
В юдоли нет земной;
Лишь вечность – свет очес:
В её лучах найдём
Обетованный дом;
Мирская бесконечность – сон,
Что тотчас тает; коль приник
К живым истокам дух, отвергнет он
Ручей, что сохнет вмиг.

Ужель владыку мним превыше Бога?
Ужель под сенью Царского Чертога
Себе дороже мы, чем Тот,
Кого бесплотный славит род?
Небесный дар любви
В себе восстанови –

И ангельских высот
Достигнешь ты опять,
Чтоб чистотой сиять.
Но позабыт родник живой
И след к нему зарос травой;
Волчцы и терны встанут на пути
Дерзнувших там пройти.

Нет у несчастных ни земли,
Ни царств, ни благ, что делят короли.
Я не таков – природный дух
Мне зрение отверз и слух:
С рождения была
Душа моя светла,
И мир сиял вокруг,
Доколь хватало глаз;
И свыше Божий глас
Мне править сущим повелел –
До сей поры, блажен и смел,
Владею миром, что Творец светил
Мне в сердце поместили.
Зрить в сердца мир, пленяясь тайной бездной!
О, как блистает он красою звездной,
Великолепием планет,
Храня Божественный Завет!
Добром со всех сторон
Мой разум озарён;
Повсюду вижу свет,
Дарующий блаженство,
И внемлю совершенство,
Что мной, как сферой, вмещено:
В душе покоится оно
И в нём – душа; просторы бытия
Собой объемлю я.

Перевод с английского Олега Комкова

ВЛАДИМИР ПРЕСНЯКОВ

О ПЕРЕВОДАХ ДВУХ СОНЕТОВ ШЕКСПИРА

66-ой сонет – обличение или страдание?

*Не жизни жаль с томительным дыханьем.
Что жизнь и смерть? А жаль того огня...
А. Фет*

Исследователи творчества Шекспира справедливо отмечают, что 66-ой сонет стал поистине полигоном для отработки стихотворной техники мастеров поэтического ремесла. Переводов много. Тем пристальнее нужно приглядеться к их качеству и (слово, которым вряд ли владел Шекспир) аутентичности. Поэзия не приемлет экстенсивного пути развития. Обратимся к тексту оригинала и двум наиболее известным в России переводам 66 сонета Шекспира, авторами которых являются Самуил Маршак и Борис Пастернак.

Tired with all these, for restful death I cry, –
As, to behold Desert a beggar born,
And needy Nothing trimm'd in jollity,
And purest Faith unhappily forsworn,

And gilded Honour shamefully misplaced,
And maiden Virtue rudely strumpeted,
And right Perfection wrongfully disgraced,
And Strength by limping Sway disabled,

And Art made tongue tied by Authority,
And Folly, doctor-like, controlling Skill,
And simple Truth miscall'd Simplicity,
And captive Good attending captain Ill:

Tired with all these, from these would I be gone,
Save that, to die, I leave my love alone.

Измучась всем, я умереть хочу.
Тоска смотреть, как мается бедняк,
И как шутя живётся богачу,
И доверять, и попадать впросак,

И наблюдать, как наглость лезет в свет,
И честь девичья катится ко дну,
И знать, что ходу совершенствам нет,
И видеть мощь у немощи в плену,

И вспоминать, что мысли заткнут рот,
И разум сносит глупости хулу,
И прямодушие простотой сливёт,
И доброта прислуживает злу.

Измучась всем, не стал бы жить и дня,
Да другу трудно будет без меня.

Перевод Б. Пастернака

Зову я смерть. Мне видеть невтерпёж
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,

И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой.

И прямоту, что глупостью сливёт,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.

Всё мерзостно, что вижу я вокруг,
Но как тебя покинуть, милый друг?

Перевод С. Маршака

Я не ставлю перед собой цели серьёзного, скрупулёзного разбора достоинств и недостатков многочисленных переводов. Хотелось бы лишь отметить некоторые общие черты.

Все (известные мне) русские стихотворения, именованные «66-ой сонет», грешат двумя недостатками: 1). Грамматической закрепощённостью. Сохраняя грамматический стержень стихотворения, нанизывая строки на повторяющийся союз «и», переводчики теряют стержень интонационный, смысловой. В чём он состоит? 2). Думается, что смысл стихотворения не в обличении, хотя именно эта его сторона является наиболее видимой: пороки называются и – чуть не вырвалось *бичуются!* Да нет, не бичуются. Ни пространства сонета, ни, может быть, душевных сил автора не хватает для бичевания. Однако одиннадцать строк (с 2 по 12) начинают звучать по-иному, меняют свою тональность благодаря трём другим – 1, 13, 14. Особенно две последние строки резко переворачивают смысл строк предыдущих, показывают истинное лицо автора, оторачивая всё стихотворение благородной каймой личного страдания. И именно это личное страдание во всех русских переводах уходит на второй план. Впечатление такое, что переводчики, советских ещё времён, с опозданием в 5 веков, энергично и убеждённо принялись за обличение социальных пороков Англии времён Елизаветы. Между тем, публицистика – это удар снаружи, а

поэзия – очищение изнутри. Необходим ясный выбор, точные акценты. Именно этот неточный психологический выбор ведёт к приближенности выбора лексического. Традиционно самый сильный перевод – перевод С. Маршака – проваливается в таких словах, как *невтерпёж* (больно уж нетрагичное слово – *уж*, *замуж*, *невтерпёж*) и семейно-ласковом *милый друг*. Слаб, на наш взгляд, перевод Б. Пастернака: 1. *богач, бедняк* – штампы; 2. *тоска смотреть* – почти что *скука смотреть*; 3. *мысли замкнут рот* – труднопроизносимо и псевдообразно: как *рот у мысли*? 4. *прямодушие простотой сливёт* – слово *простота* не вызывает в русском сознании негативных ассоциаций. Не случайно у Маршака – *над простотой глумящаяся ложь*; 5. И наконец: *измучась всем, не стал бы жить и дня, да другу будет трудно без меня – какому другу?* Речь только о любви: *save that, to die, I leave my love alone*. Любовь – единственная необорвавшаяся нить, привязывающая автора к жизни. Разорви, убери эту нить, в том числе и стихотворную, – не будет ни жизни, ни сонета. Но именно это, будто говорившись, делают все переводчики. От пастернаковского *трудно* веет бытовыми проблемами советских и новороссийских времён. Но «времена не выбирают».

Некоторые слова требуют перевода не только межъязыкового, но и временного. Так, слово *зло* (у Пастернака: *и доброта прислуживает злу*) звучит недостаточно сильно и убедительно для сознания современного человека: Шекспир жил задолго до теории относительности.

Внешне обличающая, почти разгневанная душа сонета, окутанная лирическим мраком, продолжает жить, пульсировать, заманивая в свои прекрасные сети всё новых ценителей чужого страдания. Попался в эти сети и я. Признаюсь, мне не удалось перевести сонет точно, сохранив дух и букву. Однако написалось стихотворение, по смыслу довольно близкое, как мне кажется, стихотворению, нумерованному, спустя века, столь демонически.

Уйти, забыться, умереть хочу!
Не в силах видеть мерзостей венок:
Отвагу – на приёме к Палачу,
И Благородство – Подлости у ног,

Любовь, глумливо втоптанную в грязь,
И Правду – с изуродованным ртом,
И Прямодушие, которым власть
Себя смешит на троне золотом.

Высоко Низость гордая парит,
Пиรует Ложь, всевластна на века,
И Нуль ничтожный на Талант глядит
С уверенной ухмылкой дурака...

Готов от тягостных отречься дней,
Но ты – простишь ли смерть любви моей?

Как, где и когда поют птицы Шекспира
(некоторые дополнения к разбору 73-го сонета)

What is a youth? Impetuous fire.
Песня из кинофильма «Ромео и Джулietта»

Переводы великих стихотворных произведений, наверное, – одна из вечных проблем русской переводческой школы, одна из вечных тем мировой культуры. Неудивительно, что особое внимание уделяется переводу сонетов Шекспира. Много талантливых людей, как поэтов-переводчиков, так и исследователей, пытаются внести свою лепту. Так, например, И. Оськин в теперь уже давнем номере журнала «Столпотворение» Союза переводчиков России (№ 4, 2000 г.) даёт список из шестидесяти имён переводчиков великих сонетов. В этом же номере замечательная переводчица, шекспировед М. Д. Литвинова даёт комментарий к некоторым переводам 73-го сонета, связывая образы прекрасного стихотворения с той бытовой основой, которая, по мнению автора, стоит за ними. Мне показалось, что я мог бы добавить свои, новые, наблюдения над текстом сонета, знаменитого не только своей красотой, но и трудностями, которыми он в избытке одаривает каждого, кто захочет перенести его строки и образы в стихию родного языка. Не берусь за задачу слишком трудную – сравнение сразу многих переводов мастеров поэтического цеха, представленных в статье И. Оськина. Ограничусь одним, на мой взгляд, лучшим, – переводом С. Маршака, сузив угол обзора до первого четверостишья.

Итак, где, когда и как поют птицы 73-го сонета?

Судя по порядку слов в английском тексте, птицы поют, точнее, пели, не на ветках, а на хорах, теперь уже голых и разрушенных.

That time of year thou mayst in me behold
When yellow leaves, or none, or few, do hang
Upon those boughs which shake against the cold,
Bare ruin'd choirs, where late the sweet birds sang.

Надо сказать, что подобное пение малохарактерно для певчих божьих созданий, которые обычно предпочитают петь на ветках (более того, на самых удобных, на птичий взгляд, ветках) или же в полёте. Впрочем, это не наносит вреда стихотворению. Сонет не орнитологическая статья, и подобные мелкие неточности порой лишь незаметно подчёркивают художественный характер текста. (Так, например, в прекрасном лермонтовском «На севере диком...» *север и край, где солнца восход...* противопоставлены, конечно, не географически.)

Однако прочитаем более внимательно маршаковские строки. Чтобы мои замечания не повисли обессиленно на манер двух-трёх дрожащих листьев на холодных, голых ветвях логики, напомню текст сонета С. Маршака.

То время года видишь ты во мне,
Когда один-другой багряный лист
От холода трепещет в вышине –
На хорах, где умолк весёлый свист.

Во мне ты видишь тот вечерний час,
Когда поблек на западе закат
И купол неба, отнятый у нас,
Подобьем смерти – сумраком объяят.

Во мне ты видишь блеск того огня,
Который гаснет в пепле прошлых дней,
И то, что жизнью было для меня,
Могилою становится моей.

Ты видишь всё. Но близостью конца
Теснее наши связаны сердца.

Красивое стихотворение, но – другое. К лучшему или к худшему – другое, бог знает. Отметим только разницу. Если не говорить об испарившемся у всех переводчиков, в том числе и у Маршака, *mayst* (то есть оттенок неуверенности, определённое психологическое состояние поэта, мужчины, который почти с застенчивой непоказной гордостью не желает, чтобы его любимая видела в нём это новое *время года*), то следует отметить следующие моменты:

- 1). У Маршака нет архитектурных хор. Его хоры – кроны деревьев.
- 2). Тем более нет у него *разрушенных хор*, что, на мой взгляд, более серьёзный просчёт. В одной из статей А. Кушнер сравнил стихотворение со скалой, в которой – наиболее твёрдые породы – это глаголы и существительные, прилагательные же породы более мягкие и, при пе-

реводе или цитировании, досадно легко вымываются из памяти (впрочем, сам цитирую А. Кушнера по памяти). Наблюдение и тонкое, и глубокое. И *мягкая порода* в этом случае по крайней мере не менее важна, чем существительное *хоры*. Весь сонет Шекспира – тема противостояния любви душевному и физическому старению, распаду.

3) Если у Маршака нет *хор разрушенных*, то у него даже в *околостиховом пространстве* (кажется, у Кушнера – *предстиховое*) нет хор прежних, на которых всё пело.

Пело о чём, какие песни? Думаю, что **не** религиозные.

М. Д. Литвинова тонко подмечает факт, безусловно, важный для понимания смысла сонета: «Шекспир говорит о разрушенной монастырской церкви, коих было много в то время в Англии...»¹. Не сомневаюсь в справедливости этого наблюдения. Отмечу только, что слов *церковь, монастырь* у Шекспира нет, а хоры могут быть и не церковные. Но важно и другое. Важно не только то, какой реальный пейзаж видел перед собой автор сонета, но и то, какие хоры он представлял, вспоминал: торжественно-религиозные или сладостно-любовные? Думаю, что эпитет *sweet birds* не случаен. По сравнению со *sweet birds* русское *весёлый свист* не только формально не соответствует оригиналу, но и перетягивает, в упражке с другими словами, весь сонет в другое психологическое пространство.

У Маршака нет ни *разрухи* настоящего, ни *сладости* былых песен. Его *хоры* одноплановы: они – только *ветки*, они – только *сейчас*. *Весёлый свист* умолк, но никаких перемен в собственно *хорах* не ощущается. *Хоры* Шекспира даже не двуплановы, они *трёхплановы*. Они троятся – стройные прежние, разрушенные сегодняшние и поющие хоры юности, переплавляя драматизм реальный, жизненный в драматизме поэтический. Я бы сказал, что в 73-ем сонете Шекспир «прекрасно страдает», а Маршак «прекрасно щебечет», музеницирует на тему. Сонет для Шекспира – наркотик, эликсир молодости, а для Маршака – повод для наслаждения пением. Конечно, бессмысленно требовать от солнечного утреннего жаворонка полной страсти песни ночного соловья. Маршак – действительно замечательный переводчик, особенно тогда, когда его жизнерадостные, светлые интонации совпадают с авторскими – например, Р. Бёрнса. Но выход за границы магнитного поля образов стихотворения, его интонаций и ассоциаций наказуем тем, что стихотворение оказывается непереведённым.

В заключение этой статьи найду в себе смелость предложить свой перевод прекрасного сонета, в котором ценители поэзии, конечно же, отметят определённые недостатки.

¹Статья «Комментарий к 73-ему сонету», журнал «Столпотворение», № 4, 2000 г. СС. 40–49.

Теперь во мне ты видишь время то,
Где стройных хор развалины лежат
Да три листа, в отрепье золотом,
На ветках оголившихся дрожат,

Что помнят трели сладостные птиц...
И видишь ты, как, западом влеком,
Мой день усталый, преклонённый ниц,
Сменяя ночь – Смерти двойником.

Во мне ты видишь жар того огня,
Что на угольях юности своей
Воскреснуть мыслит, память пламеня
И ложе смерти обретая в ней.

Всё видишь ты! Но тем любовь твоя сильней,
Чем меньше тёплых остаётся дней.

Перевод с английского Владимира Преснякова

ЕКАТЕРИНА ШУВАЛОВА

АРНЕ ГАРБОРГ (1851 – 1924)

ПОЭМА «ХАУГТЮССА» (1895)
Отрывок

«Хаугтюсса¹» (Haugtussa) – поэма, написанная норвежским писателем Арне Гарборгом в конце XIX века, является одним из центральных произведений в норвежской литературе, тесно связанным с национальной культурой страны в целом.

Несмотря на то, что его творчество началось с поэзии (Гарборг писал стихи ещё с юных лет и даже публиковал их в газетах), наи-

¹ Хаугтюсса – досл., троллиха. Скандинавское мифологическое существо (жен.р.).
Сюда же: тролль (муж.р.). (Прим. пер.).

большую известность он приобрёл благодаря своим романам, таким как «Крестьяне-студенты» (1883), «Мужчины» (1886), «Усталые люди» (1891) и другим. Все эти романы переводились и публиковались в России ещё до революции, что говорит о глубоком и давнем интересе к его творчеству, способному найти отклик в наших сердцах. Правда, с тех пор автор был незаслуженно забыт, его книги не переиздавались, и только относительно недавно вышел в переводе на русский язык роман «Мир» (1892). Однако в Норвегии и шире, в Скандинавии, Гарборг – классик (выдвигавшийся на нобелевскую премию), имя которого широко известно.

Поэма «Хаугтюсса», что можно дословно перевести как «троллиха» – драматическая поэма, рассказывающая читателю о судьбе крестьянской девушки Веслемёй (Малютки), прототипом которой для автора послужила девушка, работавшая на хуторе, где Гарборг жил в последние годы его детства, о чём писатель упоминает в своих «Письмах из Кнюдахейо».

Веслемёй, как и Хаугтюсса, – это прозвища героини (настоящее имя – Гислауг), и если первое – совершенно обычное милое прозвище для юной деревенской девушки, воспринимающей действительность несколько по-детски, то второе она получила от односельчан за свой дар ясновиденья, за способность видеть не только реальный мир, который могут видеть все люди, но и «потусторонний»: мир теней, призраков, троллей.

В поэме затрагивается вечно актуальная для всех времён и народов тема нравственной борьбы, происходящей в душе человека, его противостоянию разного рода искушениям, таким как, например, вариант лёгкого выхода из сложной ситуации не совсем «легальным путём». И именно этими «материализованными искушениями» и предстают те самые существа из мира троллей, которые постоянно пытаются склонить Гислауг к моральному падению, причём в довольно непростые для героини периоды её жизни, буквально испытывая её на прочность, но давая твёрдую надежду на победу духа.

Безусловно, читатель может легко провести параллели с различными сказками, где злые колдуны сулят несметные блага, лишь бы герой испил волшебное зелье. Так происходит и в данном произведении, хотя едва ли можно отнести «Хаугтюссу» к чисто сказочному жанру, ведь в сюжете рассказывается также много и о реальной, тяжёлой и подчас голодной, жизни норвежских крестьян XIX века, о природе местности, где жил писатель. Нельзя не заметить, что помимо сюжетной линии борьбы Веслемёй с троллями, в произведении немаловажную роль играют описания природы: смена времён года, так

тесно связанная с настроениями героини (осенью жизнь замирает, готовится ко сну и наступающему мраку; весной пробуждается и расцветает); песни птиц, жизнь зверей, красота горных и прибрежных пейзажей. Здесь Арне Гарборг как никогда близок к фольклорной стилистике и народной культуре.

Автор использует размеры и ритмы, характерные для народной поэзии: стевы, слотты, локки (пастушки песни) и т. д. Многие отрывки изначально задумывались как слова к песням на фольклорную мелодию (об этом, а также об истории создания поэмы)¹.

В «Хаугтюссе» мы встречаемся со многими жанрами устного народного творчества: это и баллада («В печном закутке»), и загадки («Воскресный отдых»), и пастушеские песни («Зазывание стада»). Гарборг использует характерные для фольклора синтаксические приёмы: повторы, подхваты, рефрины.

Перевод поэмы² – сложный коллективный труд нескольких энтузиастов, который ещё не закончен. Предлагаем читателям несколько фрагментов.

Тебе, болото и пустырь,
Где клевер рос,
Где цапли взлёт и ржанки свист,
Я песнь принёс.

Тебе, где вереск на Холме,
Где дымка грёз,
О жизни скрытой, духах мглы
Я песнь принёс.

Тебя я знаю, тролльский мир,
Ночь тёмных скал!
Твой страшный лик увидеть вновь
Я пожелал.

Ты шум морей, ты песнь волшбы,
Тебя я знал;

¹ Dale, J.A. Garborg i arbeid med "Haugtussa" // Garborg-studiar. – Oslo: Det Norske Samlaget, 1969. – S. 73–85.).

² Перевод текста поэмы осуществляется по оригинальному (оцифрованному) изданию от 1933 г., используя адаптированный вар. Сигбьёрна Райме (Sigbjørn Reime) от 2006 г. (Прим. пер.).

В моё ты сердце дикий страх
Не раз вселял.

Сражались люди с колдовством,
Я это знал.
«О камень ногу не преткнёшь», –
Господь сказал!

Тебя я знаю, ты не тот,
Кто победил!
Изнемогая, в мир теней,
Ты уходил.

Война гремела много лет,
Сошлись тогда
Герой и берсерк¹, труд и боль,
Я помню, да!

Вокруг меня ты то летишь,
То вдруг затих...
Ты жаждешь воли, бедный дух,
В цепях своих!

Я знаю троллей мощь и жар,
Их страстный род.
Уходит песня в горький крик,
А в омут – плот.

Но над курганом песнь выюрка² –
Победы звук!
И ветер с моря – свежий шквал,
Ворвался вдруг.

Пусть горе знаем мы и страх,
Лишний гнёт,
Должны мы верить в песнь выюрка –
Весна придёт!

¹ Берсерк – бесстрашный скандинавский воин, способный впадать в состояние боевой ярости. Согласно поверьям, в бою его не ранит оружие. (Прим. пер.).

² Вьюрок – жаворонок, маленькая птичка, размером с воробья. (Прим. пер.).

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

В час утренней зарницы
Дремала Веслемёй –
Покойная сестрица
Явила облик свой.
Стояла у кровати,
Свечением полна,
Сиянием объята,
Печальная она.

Она поёт чуть слышно,
И боль в её глазах:
«О бедная малышка,
Несчастная сестра!»
Серебряная чаша
Дрожит в худой руке:
«Сестра, малышка наша,
Из ней сполна испей!

Судьбы тяжёлой ношу
Дано тебе нести,
Сокрытых в мраке ночи,
Увидишь на пути.
Поманит и приветит
Предательская тьма,
И колдовские сети
Тебя сведут с ума.

Смотри вперёд, смотри же!
Лежит твой путь в тенях,
Но ты пройдёшь, я вижу,
В конце я жду тебя.
Путь сумрачен и скользок,
И лжив слепой рассвет.
Но утро вытрут слёзы –
Судьбы тяжёлой след».
И в радости проснулась
Малышка Веслемёй,
Её лица коснулся

Луч солнца золотой.
Покойная сестрица
Ушла, как тихий блик,
И в небе растворился
Её печальный лик.

ВЕСЛЕМЁЙ

Она смугла, тонка, стройна,
Мечтателен тихий взор,
Спокойно смотрит она
Сквозь тонкий ресниц узор.
Как будто объята сном,
И от сна не встаёт пока,
В словах, делах и во всём
Спокойна она, мягка.

Словно в дымке, очи блестят
Под красивым, но низким лбом,
В миры колдовские глядят
Внимательно, глубоко.
Она в закуток идёт,
Сидит в полудрёме там,
Чуток молока попьёт,
Дивится нездешним снам.

Только сердце стучит её,
И дрожит у неё рука,
Побледнело лицо слегка,
Хоть красивой она слывёт.

ВИДЕНИЯ

«Нет, я не лгу, поверь мне, мама!
Мой разум чист, рассудок прям,
Я не рехнулась, мама!
Нет! В первый раз, я говорю,
Я словно в щёлочку смотрю,
На мир иной, туманный».
«Предвесье смерти, знамо».

«Не лей слезу по Веслемёй!
То признак смерти – но не мой,
Не мне ходить за гранью.
Наш дядя вечером умрёт,
Я видела, как он идёт,
Одетый в белый саван».
«Господь его избавит».
«На холм и дол спустилась тень,
Надолго скрыла мрачный день,
Молитву я твердила.
Как будто мир уснул, устав.
Стучала кровь в моих висках.
И тихо, как в могиле...»
«Да, мрак повсюду в мире».

«Я помню лунный тусклый свет,
В него, как в саван, был одет,
Тот, кто в ночи явился.
Мой дядя предо мной предстал.
«Прощай», – неслышно прошептал,
И в небе растворился».
«Твоя с ним, Боже, милость!»
«И вскрикнул кто-то на холмах,
И воздух мертвениной пах,
И страх раскинул крылья,
Бежала я, как от огня,
А дома ты ждала меня.
Пусть он почиет в мире!»
«Господь нас всех помилуй!»

«ТРОЛЛИХА»

О человеке
В холодных устах
Вопрос прозвучал,
И тот зачах.
В тот миг он ушёл из жизни.

Тогда содрогнулось
Сердечко в ней:

«Мне ныне судьба
Видеть мир теней,
И призраков знать, и троллей».

«Ты Бога моли,
о Беслемёй!
Молись ты о смерти,
В земле сырой
Тебя не настигнет нежить!»

«О нет, скорее
Хочу я прозреть,
И истину знать,
А не умереть
Слепой и глухой навеки!»

«Много духов
Встречалось ей,
Было ей дано
Видеть мир теней,
И призраков знать, и троллей».

Неясны, странны
Веслемёй слова –
И мать от страха
Едва жива,
И люди сказали: «Безумна!»

На северный луг
Возле трёх холмов
Ходила она и
Пасла коров.
Прозвали ее «Троллихой».

К СОЛНЕЧНОМУ СВЕТУ

Из волн мир альвов¹ восстаёт –
Он тихо спит.

¹Альвы – скандинавский вариант эльфов, мифологические существа. (Прим. пер.).

Вечерний синий горизонт
Его хранит.

Туман сокрыл к нему пути
Во мгле морской.
В сей добрый край нам не дойти –
То рок людской.

Там горы спят в своих мечтах,
Долины спят.
Но в краткий предзакатный час
Огнём горят.

Когда на западе царит
Небес пожар,
В том мире светит и горит
Преданий жар.

Дрожит, сияет и искрит
Смарагд углей,
И свет серебряный разлит
Среди огней.

Но гаснет пламя в свой черёд,
Узор златой.
Мир альвов снова обретёт
Ночной покой.

И я уйти мечтал не раз
В тот мир, вовне.
Но только в предзакатный час
Он виден мне.

Подстрочный перевод с норвежского: Екатерины Шуваловой, Алексея Сельницина, Екатерины Поляковой; поэтическая обработка Юрия Генина.

АЛЬФОНС ДЕ ГИМАРАЭНС (1870 – 1921)

ДУХОВНАЯ ЛИРИКА

Альфонс (Alphonsus) де Гимараэнс – псевдоним Афонсо-Энрике да Коста Гимараэнса, одного из крупнейших бразильских поэтов-символистов. Поэзия Гимараэнса отличается мистицизмом. Многие стихи проникнуты религиозными чувствами. Для поэта наиболее привлекательны темы постижения смерти, одиночества, невозможности любви. Несмотря на мистический настрой, поэт принимает жизнь с присущими ей страданиями и болью. Другой отличительной чертой творчества Гимараэнса является духовное начало, которым наделена женщина. Он рассматривает женщину, как ангельское, божественное создание. В этом смысле поэт манифестирует себя не как символист, а, скорее, как представитель неоромантизма.

ИЗ КНИГИ «СЕМЬ СКОРБЕЙ БОГОМАТЕРИ»

2. II

Звезда над Вифлеемом сквозь туман
И сумрак им вещала: место свято!..
И взяли: смирну – Валтасар, ливан –
Гаспар, а Мельхиор – пригоршни злата;

Прошли волхвы от горных стран до стран,
Где изумрудный дол подобьем платы
Стелился; знак божественный был дан –
И шли цари Востока, три собрата.

И вот узрели, завершив дорогу,
Семейство пресвятое мудрецы –
И души расцвели любовью к Богу;
И, под заветным поклонившись кровом,

Повергли в пыль волхвы свои венцы
Пред Тем, Который был предвечным Словом.

Первая скорбь

Et tuam ipsius animam pertransibit gladius...
S. Luc. II, 35

I

Она идёт... И нимб Господь вознёс
Над этим тонким иудейским лицом;
Луч золотой целует пряди кос,
Лаская Деву мимолётным бликом.

Звездоподобный взор исполнен грёз;
Она в раздумье шествует великом,
Дитя не убаюкав,— и всерьёз
Младенец Иисус зашёлся криком...

И там, во храме, где покой глубок,
Парит над Ними в сумраке чертога
Незримый Дух, эфирный Голубок...

А старец Симеон изрёк: «Беречь
И всей душой лелеять Чадо Бога
Ты будешь,— но вонзится в душу меч».

II

Скорбеть о Нём!.. Не сдерживая стона,
Она Младенца крепче обняла.
Как туча по лазури небосклона,
Печаль взошла по белизне чела.

Скорбеть о Нём! О, сыщется ль препона
Для свыше предначертанного зла?
Увы!.. Плоду нетронутого лона
Тягчайшие назначил Бог дела!

Что слёзы Ей? Что пользы плакать ныне,
В часы бесплодных мук? Но Божья Мать
Рыдает о Своем любимом Сыне.

Скорбеть... О, чтоб у смерти вырвать жало,
Она Свою готова жизнь отдать, –
Но даже вечной жизни будет мало...

III

Что слёзы? Их не выплакать сполна...
Рыдала бы с восхода до заката,
Рыдала бы, когда взойдет луна,
Когда померкнет, тучами объята.

Над Колыбелью Дева склонена...
И коль за счастье суждена расплата,
Все муки бы Себе взяла Она –
Любая пытка легче, чем утрата!

Все муки бы Она перенесла,
В рыданьях коротала дни и ночи,
Ночам и дням не ведая числа.

Скорбеть!.. Но сладок был бы сей удел:
Страдать за Сына, Чьи лобзала очи,
Чтоб Сам Он не страдал и не скорбел!

IV

Смолк ветхий страж священного чертога,
А Матери всё чудится: «Беречь
И всей душой лелеять Чадо Бога
Ты будешь, – но вонзится в душу меч».

И зарыдала, словно от ожога...
«О чём, о старец, ты заводишь речь?»
И крестный путь, грядущая дорога,
Встаёт пред Ней в огне бесстрастных свеч...

О не сбывайтесь, вещие слова,
О старец, не грози такой печалью,
О пусть иная никнет голова!

Да! Ибо видеть Сына крестный путь –
Ужаснее, чем чувствовать, как сталью
Ей без пощады отверзают грудь.

VII

Тебе, Мария, каждою строкой
Пою хвалу: душа стремится к чуду,
А взору, помрачённому тоской,
Твой нежный лик мерещится повсюду.

Ты в белых высях обрела покой, –
А я в Твоем сиянии пребуду!
К Тебезываю из толпы людской,
Отвергнув души, преданные блуду!

История Семи Скорбей Твоих –
Надежды, Веры, Кротости вершина;
Я устремляю к ней заветный стих...

А если смерти просвистит коса,
Даруй земли для тела – три аршина,
А для Души нетленной – Небеса!

Перевод с португальского Сергея Александровского

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР (1564 – 1616)

АШОТ САГРАТЯН

К читателю

Весь мир с тираноборцами знаком. Брут среди них стоит особняком. Он у истории, что в горле ком. Поборник исключительной морали, он жертвою её падёт и сам. Нам интересен путь к её вершинам... Ведь им убийство Цезаря вершило. Не кесаря разит кинжала жало. От гибели то Рим не удержало. Брут интересен в стадиях распада.

Как хрупок представлений наших мир! Трагедию душевного разлада пред нами разверзает сам Шекспир.

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

АКТ II

Сцена 1.

Рим. Сад Брута. Входит Брут.

Брут

Заспался, Луций! Глаза продрал бы – дать мне знать, когда светает? Движенье звёзд о том едва ль что скажет. Эй, Луций, я с тобой, довольно дрыхнуть! Отзовись!

Входит Луций.

Луций

Меня ты звал, мой господин?

Брут

Поставь светильник мне на стол рабочий.

Луций

Да будет так, коли хозяин хочет.

Уходит.

Брут

Пора его кончать во благо Рима. Он тянется к венцу неумолимо. Как увенчает он его чело, из-под венца на нас полезет зло. Не аспида ль тогда познаем жало? Могущество всем злоупотребляло. Власть с совестью от века не в ладу. Смирение – алтарь для чистых дум. Но тот, кого вознесть желает случай, едва ли прочих всех тиранов лучше. Он презирает тех, кем вознесён. А потому и свергнут будет он. Мечтать он может в мыслях хоть о чём. Мы Цезаревы планы пресечём у дум в утробе. Его величие в зародыше угробим.

Входит Луций.

Луций

Мой господин, светильник на столе. Искать пришлось кремень с кресалом. Нашёл на подоконнике письмо. Я, спать ложась, его не видел там (*передаёт ему письмо*).

Брут

Ночь на дворе ещё. Иди приляг. Не завтра ли наступят марта иды?

Луций

Что знать того не знаю даже стыдно.

Брут

На календарь взгляни, не поленись.

Луций

Для этого мне надо сбегать вниз.

Брут

Так ярок молний свет, что и читать могу (*перебирает записи*). «Не в спячке ли ты, Брут?», «Себя узреть ты в силах?!», «Кинь Риму клич!», «Ужели гордый Рим падёт у трона?». Подобное подбрасывали мне. К тому ж нередко. Тарквиний изгнан был из Рима, едва себя он объявил царём. В истории анналах упокоен. А коли так, ты, Рим, получишь через Брута всё, чего достоин.

Входит Луций.

Луций

Март отсчитал четырнадцать деньков.

За сценой стук.

Брут

Иди к воротам. Там стучатся к нам. (*Луций уходит*) Со дня, как Кассий душу мне смутил, вселив в мой дух суровую враждебность, между свершеньем тяжких дел проходит тягостное время. Оно то приведений бремя, то сон тревожный на исходе ночи. С собой и гений объясняться хочет. Подобно человеку государство, в котором возмущение растёт.

Луций (возвращаясь)

Тебя желает видеть брат твой Кассий.

Брут

Один ли он?

Луций

С ним кто-то там ещё.

Брут

Ты разглядел их лица?

Луций

Там темень и могу я ошибиться. К тому ж они завёрнуты все в тоги и в шляпах на глаза все, как на грех.

Брут

Тогда впусти сюда их всех. (*Луций уходит*) Кто в заговоре, в сборе. Что лица прятать по ночам? Другое дело днём – вдруг уличат. Ума пещера лик таит зловещий. Улыбки с лестью – не простые вещи. Они вне подозрений быть должны.

Входят Кассий, Каска, Деций, Цинна, Цембер, Требоний.

Кассий

В час неурочный мы к тебе ввалились. Боюсь, что сон прервали твой.

Брут

Не спится что-то. Дикий непокой. А знаю ли я спутников твоих?

Кассий

Здесь все до одного тебе знакомы. Своим умом ты восхищаешь их. Ты – благородных римлян образец. Сказал это Требоний, молодец.

Брут

В моём дому он гость желанный.

Кассий

А это Деций, Брут.

Брут

Ему перепадёт не меньше манны.

Кассий

Вот Каска. Вот Метелл, вот Цинна.

Брут

Как погляжу, вас полная картина. Что в эту ночь могло лишить вас сна? Причина есть? Озвучена она?

Кассий

Брут, на два слова.

Брут и Кассий шепчутся.

Деций

Восток алеет. День ли грядет новый?

Каска

Что вы! Что вы!

Цинна

Конечно день. Там серые полоски между туч.

Каска

Признайтесь сами, что ошиблись оба. Он к югу ближе, свет заря. Где быть ей, меч мой говорит. Она юна, как это время года. Проклонутся тут месяц и другой. И солнца свет пройдёт по круговой. Восток же здесь, за Капитолия громадой...

Брут

Позвольте руку каждому пожать.

Кассий

И клятвою скрепить союз.

Брут

Не надобно уже нам клятвы уз. Довольно выраженья лиц, страданья в которых отдались. Мы – побуждений слабые созданья. Пока не поздно, разойдёмся в ночь: сказать надменной тирании – прочь! Мы жребий кинем все и не погибнем, ведь в нас ещё огня довольно принять все испытанья добровольно. Нас дело общее не клятвою связало. В крови у римлян слово не дичало.

Останемся же верными обету, чтобы призвать чудовище к ответу. Кто обещанье данное нарушит, все по его проявимся мы душу.

Кассий

А как, друзья, поступим с Цицероном? Поговорить, быть может, с ним?

Каска

Его нельзя из виду упустить.

Цинна

Он сам собою, думаю, храним.

Метелл

Не помешало б к нам его склонить. Его седин серебряная нить связала б языки. Что это он задумал, все решат. А нам позволит сделать верный шаг. Наш буйный нрав его спасёт степенность.

Брут

Благодарю вас всех за откровенность. К чему не приложил он руку сам, знать ни за что не стоит Цицерону.

Кассий

Тогда его из списка исключим.

Каска

А так ли уж он нам необходим?

Деций

Один ли только Цезарь должен пасть?

Кассий

Вопрос, скажу вам, больше чем уместен. С Антонием они повсюду вместе. Любимец Цезаря не должен пережить. Ни славы то, ни чести не прибавит. Зараз мы от обоих Рим избавим. Не то придётся долго нам тужить. Антоний всем противникам противник. Он не преминет жару нам задать.

Брут

Кай Кассий кровожаден, пустят слух. Отсекши голову, он к страданью глух. Что есть Антоний? Цезарева часть. А мы не

мясники: их вместе класть. Пошли мы Цезарева духа супротив. А рассекать тела – что за мотив? Убить, убьём, но без порывов гнева. Вражды огонь не ниспоспало небо. Подвигнем слуг к насилию, а сами, добрейшими браня их голосами, представим всё ошибочки плодом. Народ наш злобы не увидит в том. Что до Антония, без Цезаря он – ноль. Себе же головная боль.

Кассий

Без Цезаря Антоний, как без кожи. И всё же.

Брут

Не брал бы это в голову ты, Кассий! Антоний в горе тигра не опасней. Предаётся с горя играм и забавам. А на худой конец – пойдёт по бабам.

Требоний

Антония бояться ни к чему. Сам подивится своему уму.

Бьют часы.

Брут

Считайте, сколько в колокол ударят.

Кассий

Пробило три.

Требоний

Уйти б нам до зари.

Кассий

Когда бы знать, он выйдет или нет? Решает с неких пор всё авгуроў совет – бывать где Цезарю, где – нет. Толкует сны. Он стал в знаменья верить и предвесьтья. А с ужасами ночи этой вместе, он может даже из дома не выйти...

Деций

Мне думается, выманю его. Он доверяет мифам и поверьям, что можно приманить к капкану зверя, что ловят-де медведей зеркалами, единорогов – деревом могучим, ловушки-ямы роют для слонов. Скажу, что ловят на слово льстецов. С ним на его охоту я пойду и прямо в Капитолий приведу.

Кассий

С утра за ним удобнее, похоже?

Брут

Часам к восьми, я думаю. Не позже.

Цинна

К восьми все, как один, без опозданья.

Метелл

Враждебен Цезарю, как помню я, Лигарий. Похвал Помпею Цезарь не простили. Как странно, что не вспомнили о нём.

Брут

Так вот, сходи к нему, Метелл, он доверяет мне. Пускай зайдёт.

Кассий

Светает. Надо расходиться. Пусть в каждом бьётся то, что здесь услышал. И пусть в нём гордость римлянина дышит.

Брут

Пускай довольством дышат ваши лица. Так проще будет уму-слу укрыться. С актёров римских надо брать примеры. Хоть кто тогда вам, говорю, поверит. (*Уходят все, кроме Брута*) Эй, Луций! Сон сморил беднягу. Пей жадно сна медовую росу. Пусть сны тебя в миры миров несут. Спи сладко-сладко, как без задних ног, не зная ни сомнений, ни тревог.

Входит Порция.

Порция

Супруг мой! Брут!

Брут

Тебя какие мысли-то гнетут? Иди ложись, ведь ты ещё слаба. Ис-парину смахнула бы со лба. Опасно выходить: свежо.

Порция

Ты тоже б никуда не шёл. Меня оставил в стынущей постели. Да и за ужином вчера вскочил ты, руки на груди скрестил, в задумчивости замер. Когда же я спросила – что с тобой? – меня ты осадил суровым взглядом. Потом затопал, стиснувши виски. Когда же я вопрос свой повторила, отвёл мой взгляд движением руки и выйти мне велел. Ты был не в духе иль теченье дел тебя рас-

строило настолько, что и себя-то ты не помнил толком. Хотела бы я знать не между прочим, чем ты, супруг мой, нынче озабочен?

Брут

Так, ерунда. Не по себе мне что-то.

Порция

Брут точно б знал, что надо предпринять. Перестаю я мужа узнавать.

Брут

Я о здоровье о твоём пекусь. Вернись в постель, поспи, развеяв грусть.

Порция

Пристало ль Бруту, прихворнув, ходить с утра полуодетым, вдыхая утреннюю сырь? Коль ты недугом одержим, к чему ныряешь в холод ночи? Ужели – дать себя болезни корчить? Душевная тебя терзает боль. Мне, как жене, узнать о ней позволь. Во имя красоты, которой ты молился, признайся мне – чего в себе боишься? Откройся мне, кто были эти люди, их было шесть иль семь, и лица закрывали все? Прошу об этом, на коленях стоя.

Брут

Вот этого-то делать и не стоит.

Порция

Будь прежним ты, ужели б мне пришлось просить об этом, стоя на коленях?! Меж нами в браке тайнам места нет. Неужто стал настолько тесен свет, что нам за трапезой быть рядом да в постели? Ужели наши души обмелели? И где мне место там, в твоих предметьях? Наложница тебе я иль жена?..

Брут

Конечно же, любимая жена. Ты – кровь, моё питающая сердце.

Порция

Коль правда это, ты ему доверься и приоткрой над тайною завесу. Катона дочь ты в жёны брал, невесту, овеянную славою отца. Теперь, купаясь в славе мужа, заверить смею, что во всём тверда. Я помню рану своего бедра. Её себе я нанесла нарочно, чтоб волю испытать на прочность. Не выдав боли той, ужели тайну мужа выдам?!

Брут

О, боги, достойным быть жены такой мне дайте! (*Стучатся в дверь*) Прошу тебя, оставь меня на время. Тебя я в тайну сердца посвящу. Ну, а пока, пора идти на шум. Эй, Луций! Кто там к нам стучится?

Порция уходит. Появляются Луций и Лигарий.

Луций

К тебе больной.

Брут

Никак Лигарий. Метелл мне говорил о нём. Оставь нас, Луций. Как поживаешь, Гай?

Луций уходит.

Лигарий

Приветствовать тебя слаб мой язык.

Брут

Некстати захворал. А был здоров, как бык. К чему тебе налобная повязка?

Лигарий

Коль что задумал Брут, я тут как тут.

Брут

Так удели мне парочку минут.

Лигарий

Готов поклясться римскими богами, я эту хворь в мгновенье отржану. Потомок доблестного рода, мой слабый дух ты разом исцелил. Вели – отда姆 тебе остаток сил. Промолви только, что мне надо делать?

Брут

Вернуть больным здоровье мы поможем.

Лигарий

При этом кто-то и зачахнуть может.

Брут

Пошли. Всё расскажу тебе дорогой. Что делать – точно будешь знать.

Лигарий

С меня довольно и того, что я при Бруте. Он знает, что и как, и он не шутит.

Уходят.

Сцена 2.

Зала в палатах Цезаря. Гремит гром. Сверкают молнии. Входит Цезарь в ночном одеянии.

Цезарь

С землёю небо сотрясала ночь. Жена во сне металась в крике, как в недуге: «Спасите! Цезаря хотят убить!». Эй, слуги!

Входит слуга.

Слуга

Угодно ли что будет господину?

Цезарь

Скажи жрецу, пусть жертву принесёт. И донеси немедля – что нас ждёт.

Слуга уходит. Входит Кальпурния.

Кальпурния

Собрался ли куда? Прошу, сегодня из дому – ни шагу.

Цезарь

Когда опасность мне в лицо глядит, у ней уже не прежний грозный вид. Куда опасней, если дышит в спину. Я ненадолго этот дом покину.

Кальпурния

Не суеверна, я не верила в знаменья. Но этой ночью были те явления, которых я пугаться нынче стала. Вдоль улиц что-то дико зазвывало. И страже страхов выпало немало. По Риму, говорят, носилась львица. Вскрывались сами по себе гробницы – вышвыривать усопших вон. Средь облаков сражались легионы, неслись оттуда крики, вой и стоны, звенела сталь и больно ржали кони, на Капитолий кровь лилась... Страшась, с судьбой я в этом вижу связь...

Цезарь

Что предначертано богами, того уже не избежать. Сегодня Цезарь

выйдет. Из перечисленных тобой предвестий не мне грозятся боги: всем нам вместе.

Кальпурния

Как нищий гибнет, в небе нет кометы. На смерть великих указывают все приметы.

Цезарь

Задолго гибнет до кончины трус. Испытывать свой жребий не бе-русь. Из всех на свете знаемых чудес, на каждого конец в природе есть. Мне перед смертью этот страх неясен: ведь он определён урочным часом. (*Входит слуга*) Так что мне авгур передать велел?

Слуга

Чтобы палат ты покидать не смел: у жертвы сердца не было на месте.

Цезарь

Так боги только трусости грозят. Без сердца Цезарь источает смрад. Придавлен страхом должен здесь оставаться? Не Цезарю опасности бояться. Мы с нею – львы, в день рождены един. И то ещё вопрос – кто из двоих опасней? Сам над собою Цезарь властен.

Кальпурния

Ты голос мудрости нахрапом приглушил. И ни к чему тебе в Сенат спешить. Пошлём Антония, что прихворнул ты, скажет. Прошу о том коленопреклоненно.

Цезарь

У приходи твоей позорный нрав. К сенаторам Антония отправь.

Входит Деций.

Деций

Приветствуя тебя, наш достославный Цезарь! Явился я, позвать тебя в Сенат.

Цезарь

Пришёл ты в самый раз, снести сенаторам привет мой и сейчас. Скажи им, что меня не будет нынче. Солгу, что не могу, да не осудят. Скажи им просто, что меня не будет.

Кальпурния

Скажи, что приболел.

Деций

Отказа быть там укажи причину, не то все на смех там меня поднимут.

Цезарь

Причина в том, что я того желаю. Сенаторам довольно и того. Любя тебя, готов секрет открыть: супруга просит – в люди неходить. Приснилось ей – из статуи моей из ста отверстий кровь фонтаном бьёт, и руки моет в той крови народ. Дурную в том увидела примету и на коленях просит – неходить.

Деций

Супругой сон неверно истолкован. К тебе благоволит Фортуна снова. Под струйки крови руки подставляя, все для себя лишь благости желаю. А что у ног твоих толпится Рим, то означает только: ты любим.

Цезарь

Ты этот сон толкуешь здраво, право.

Деций

Моей познаешь меру правоты, узнав, что нынче будешь венчанты. Не явишься, там могут передумать. Того гляди, ещё и засмеют, про сон Кальпурнии проведав. Любовь к тебе парит над этим бредом.

Цезарь

Кальпурнии пустые опасенья теперь мне до печального смешны. Чуть было не поддался им. Ей ныть, а мне в Сенат! Подайте тогу!

Деций

Дорогу! Цезарю дорогу! (*Входят Публий, Брут, Лигарий, Метелл, Каска, Требоний и Цинна*) За мной уже пожаловал сам Публий!

Публий

День добрый, Цезарь!

Цезарь

Тебя увидеть, Публий, крайне рад я. Поднялся Брут, ты нынче что-то рано. И ты здесь Каска? – будь здоров! Лигарий Гай! Тебя не ожидал. Ты избежал, надеюсь, лихорадки? Она меня враждебнее никак. Который час?

Брут

Пробило только восемь.

Цезарь

Мы благодарность нашу всем приносим. (*Входит Антоний*) Как, и Антоний тут? Он где-то вечно кутит дни и ночи. Привет мой и ему!

Антоний

И мой привет ответный!

Цезарь

Пусть слуги приготовят всё, как надо. Опаздывать, признаюсь, не по мне. Метелл и Цинна, да и ты, Требоний, сегодня будьте где-то рядом. Мне кое-что вам всем поведать надо.

Требоний

Всё будет, как велишь. (*в сторону*) К тебе так близок буду я, что будут все о том жалеть твои друзья.

Цезарь

Друзья, прошу вина со мной отведать. И вместе двинем тотчас же к Сенату.

Брут (*в сторону*)

Друзья не те, что рядом ходят в ногу. Бьёт сердце Брута больше, чем тревогу.

Уходят.

Перевод с английского Ашота Сагратяна

Проза

СОВРЕМЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ НОВЕЛЛА

СЮЗАННА КАРЛСОН (род. в 1965 г.)

Произведения Сюзанны Карлсон опубликованы в нескольких англоязычных изданиях. То, что она пишет, я бы отнесла к экспериментальной литературе. Стихи – нерифмованные. Новеллы, или малая проза, содержат элементы ужаса и абсурда. Это может быть и «страшный» рассказ на запретные темы, семейная идиллия, которая оказывается иллюзорной, драматическая история с элементами фантастики, когда героя ждёт крах надежд и, вероятно, гибель. С. Карлсон уделяет внимание и описанию состояний природы, которые отражают эмоции главного героя.

Сюзанна Карлсон родилась в г. Саннивейл, штат Калифорния. Писать начала в 12 лет. Тогда же завоевала главный приз в национальном конкурсе по написанию эссе. Начала печататься с 17 лет. В 1989 г. окончила государственный университет в Сан Хосе по специальности «Литературное творчество». Бакалавр искусств. С 2009 г. занималась в студиях литературного мастерства. Успешно участвовала в различных литературных конкурсах. Её рассказы и стихотворения были опубликованы во многих англоязычных журналах. В течение 30 лет С. Карлсон является владельцем фирмы по оказанию услуг в области технического редактирования и издательства. Ведёт активную общественную деятельность.

Заметное влияние на творчество писательницы оказали её любимые писатели: Уильям Шекспир, Фланнери О'Коннор, Рэймонд Карвер, В. С. Мервин и Сильвия Платт.

В наш быстрый век, когда короткая проза становится более востребованной и интерес к современной зарубежной новелле растёт, мне хотелось бы предложить вниманию читателей произведения Сюзанны Карлсон в моём переводе.

Ида Замирская

СПАСЕНИЕ

Когда в золотоносный район Траки прибыли первые спасатели, они подумали, что лагерная стоянка пустует. Под толщей

снега, выпавшего на глубину около пяти с половиной метров, просматривались очертания самодельных хижин. На крик спасателей из снежных завалов стали появляться фигуры людей, словно измощдённые тёмные призраки в Судный День. Послышался сиплый женский голос: «Вы из Калифорнии или с небес?»

Большинство выживших были слишком слабы, чтобы проделать 160-километровый поход в Форт Саттера по заснеженным горам. Спасатели выбрали лишь самых сильных. Двадцать три человека были готовы идти в обратный путь. Все они были на волосок от смерти. Многие из них вряд ли доживут, пока доберутся до Калифорнии.

Одним из тех, кто готов был проделать долгий путь, был Джон Дентон. Джон был ещё совсем молод и имел достаточно сил, несмотря на то, что после длительного голодания он едва ли не превратился в тень. Судя по его словам, он ещё в состоянии передвигаться, а это уже хорошо. На руках он держал крайне истощённого мальчика. «Это Питер. Я не могу его оставить здесь», – сказал Джон, в его речи чувствовался акцент, свойственный жителям Шеффилда.

Один из спасателей предложил мальчику небольшой кусочек вяленой говядины. Но мальчик настолько ослабел, что не мог жевать.

– Сколько же ему лет? – спросил один из спасателей.

– В прошлом месяце исполнилось семь лет, – ответил Дентон не без чувства гордости.

Мальчик пытался прожевать мясо, наконец, проглотил его и склонил голову на грудь Дентона. На вид ему можно было дать не более пяти лет. Дентон крепче прижал его к своей груди. Единственный сын. Сын Уильяма и Сары Маршалл, у которых он проработал почти десять лет разнорабочим и водителем. Уильям и Сара... Их тела теперь покоятся под снегом. Сара была единственной женщиной, которую он всегда любил...

– Мистер Дентон, Вам придётся нести его на руках, – это слова Даниэля Родза, главы спасательной экспедиции.

– Знаю, – прозвучало в ответ.

– А ведь это сотни миль.

– Это не столь важно. Я его не оставлю.

– Вам надо успевать за нами, иначе отстанете.

- Я понимаю.
- Поступайте, как знаете.

Родз поставил перед Джоном пару самодельных снегоступов. Дентон положил Питера на землю и попытался прикрепить снегоступы к своим ботинкам. Он провозился с ними достаточно долго и когда наклонился к мальчику, чтобы снова взять его на руки, чуть не потерял равновесие. Он постоял, свесив голову, несколько мгновений, пока не почувствовал в себе достаточно сил, чтобы поднять Питера, затем выпрямил спину и сказал: «Ведите».

Для передвижения они выбрали «индейский стиль»: с одним ведущим, который прокладывает следы, утрамбовывая снег, – остальные идут за ним, след в след. Для ведущего это был изнурительный труд, и когда его силы были на исходе, ему на смену приходил другой, будь то мужчина или женщина. Дентон, с тяжёлой ношней на руках, был освобождён от такой ответственности. Он чувствовал, как тело Питера, прижатое к его груди, согревало его, руки же с трудом удерживали такую ношу и немели от усталости, но когда он слышал, как бьётся сердце мальчика, он ещё крепче прижимал его к себе.

Они ещё видели озеро и сугробы, которыми были покрыты их самодельные хижины, но тут вдруг снова начался сильный снегопад. Большие хлопья, падающие с неба, словно перья, внезапно закружились с неистовой силой, образуя плотную белую завесу. Дентон уже едва различал темные фигуры своих товарищ, когда они стали взбираться на гору. Он всё сильнее отставал от них, а снег тут же заметал их следы.

– Мистер Дентон, – голос Питера настолько ослабел, что был едва различим в шуме ветра, свистящего в соснах.

– Да, Питер? – Дентон приподнял мальчика, прижимая его к своей груди, и его голова теперь касалась подбородка Дентона.

– Мне так хорошо, – сказал Питер. – Так тепло. Спасибо Вам за то, что несёте меня.

Дентон продолжал идти, сдерживая слёзы: тело мальчика остывало, тяжелело в его руках, – тепло покидало его.

Когда он добрался до «своих», они уже разбили лагерь под ветвями высокой сосны. Они срезали молодые деревца и раскладывали их так, чтобы создать своего рода возвышение на снегу.

Кто-то разжёг огонь в центре с помощью сырых жердочек, которые были у спасателей. Ной Джеймс, который совершенно не был знаком с Дентоном, подошёл к нему и осторожно взял из его рук застывшее тело Питера. Ноги Дентона отказывались идти, и он сидел, не шелохнувшись, согнув руки так, словно всё ещё держал свой драгоценный груз. Из его глаз текли горючие слёзы.

Когда солнце взошло, снег всё ещё падал, но Джон Дентон по-прежнему не шевелился. Его голова упала на грудь, а руки неподвижно лежали на коленях, однако он не спал. Он отказался от скучного пайка, которым его попутчики пытались потчевать прошедшим вечером, а вот одеяло, которым кто-то укутал его плечи, было все ещё на прежнем месте. «Джон!» – это был Родз. Сидя на корточках перед ним, он разговаривал с ним как с ребёнком.

– Поднимайся!

Дентон медленно поднял голову, но во тьме никого не мог различить.

– Я не в силах, – сказал он.

– Мне жаль мальчика, Джон. Но мы должны идти, ведь нам нельзя терять ни дня, и мы вынуждены будем его оставить.

– Я ничего не вижу, – произнес Дентон.

Родз прокричал через плечо: «Снежная слепота!» – а затем снова повернулся к Дентону.

– На завтра осталось совсем мало провианта. Ты действительно ничего не видишь?

– Да, не вижу. И не могу передвигаться, сэр. Идите без меня.

Родз встал и направился к остальным. Они начали о чём-то говорить приглушёнными голосами. Затем Родз вернулся с другим спасателем.

– Джон, мы собираемся придвинуть тебя поближе к огню.

– Было бы неплохо, – ответил Джон, и тогда они отнесли его на середину возвышения, сделанного из молодых сосёнок, и положили на одеяло.

Кто-то укрыл Джона сверху ещё одним одеялом, плотно подоткнув его по бокам. Джон услышал чьё-то всхлипывание:

плакали женщины...

— Скоро подоспеет другой спасательный отряд, — промолвил Родз, — А ты пока отдыхай.

— Конечно, — прошептал Дентон. — До их прихода я отосплюсь.

— Молодец! — это были последние слова Родза. — Обязательно отоспись.

Дентон закрыл глаза. Он слышал звуки удаляющихся шагов, хруст снега под ногами, а затем над ним нависла тишина, нарушаемая лишь завыванием усиливающегося ветра.

Он, должно быть, выспался, потому что когда он проснулся, то почувствовал прилив новых сил. Огонь погас, а на горизонте пылал закат и пламенели облака. Он видел это. Он ещё мог видеть. Он не знал, радоваться этому или нет, но в его сердце затеплилась слабая искра надежды. Тут он вспомнил о Питере, и эта последняя искра тут же угасла.

Дентон стал пристально всматриваться в приближающиеся фигуры и заметил, что они резко отличались по виду. Одна из них была похожа на ребёнка. Он закрыл глаза, — видимо, ему показалось, — но нет: когда он открыл глаза, то снова увидел их. Вот они приближаются: женщина и мальчик. Их лица мелькали за снежной завесой. Женскую голову украшал капор, из-под которого выбивались чудесные локоны, свободно обрамляющие её прекрасное лицо. Это была Сара.

Дентон приподнялся: «Вы кто такие?»

— Да это же мы! — прозвучало в ответ.

— Ты же нас знаешь, — мальчик хитро засмеялся, видимо, довольный своим ответом.

Это были, действительно, Сара и Питер, хотя совсем не те, которых он так хорошо знал раньше. У Сары было полное лицо со здоровым румянцем, а у Питера круглое и добродушно-хитроватое. Но это были люди из Миссури, которых он знал и которых полюбил, когда он работал у них на ферме.

— Пора домой, Джон, — сказала Сара, затем взмахнула рукой, словно отодвигая за своей спиной снежный занавес, — и перед его взором открылся совершенно иной мир: зелёный ковер, усыпанный полевыми цветами, простирающийся до самого горизонта. Прерии весной.

Дентон встал на ноги, которые больше не дрожали, и, почувствовав прилив сил, побежал к ним навстречу. Он крепко обнял их, и они вместе направились туда, где был их родной дом¹...

КОГДА ТЫ СМОТРИШЬ НА ВОСТОК

Рабочий перерыв. Я выезжаю из офиса и еду по автостраде на восток. Я еду так долго, пока дорога не кончится и моя машина не уткнётся в обочину. Тогда я выхожу из машины и иду гулять. Я прогуливаюсь здесь каждый день, в деловом костюме и теннисках, в точности как яппи из Сан-Франциско. Дорога – бетонная, со столбиками для указания миль и полосой, отмеченной пунктирной разметкой посередине, которая мчится вдаль, как миниатюрное шоссе.

На западе ослепительно сверкают на жарком солнце здания магазинов и офисов, гулко стучат их механические сердца. На востоке вдоль дороги вьётся мелкая речушка, которая с трудом прокладывает свой путь среди камышей. Если поднять голову выше, то дорога исчезает из вида, а с нею и сотни миль по автостраде; зато я вижу древесных ящериц, живущих на коре дерева, заросли диких трав и одинокий дуб, а сквозь несмолкаемый уличный шум я могу слушать журчание речной воды. Если повернуть голову на восток, то можно увидеть зябликов и голубых кустарниковых соек, птиц из семейства американских грифов и воронов; сквозь запах асфальта я улавливаю аромат цветущих растений. Среди холмов, которые тянутся длинной вереницей, прячутся ранчо и прохладные долины с темнеющими дубовыми рощами; видны островерхие скалистые вершины красно-коричневого цвета, дикая красота которых настораживает, а также извилистые тропы. Я наблюдаю за ястребом, парящим с высоты тех скалистых гор. В ярких лучах солнца оперение на хвосте отливает кроваво-красным блеском, а крылья, словно острые пальцы, срезают воздух.

Дорога сворачивает, и на смену уличному шуму приходит тишина заброшенного сада, который тянется до самого 101-го шоссе – за его старыми деревьями, покрытыми лишайником, и ветвями розового, белого и красного оттенка таится временами

¹Рассказ основан на документальных событиях времён «золотой лихорадки». (Прим. пер.).

поблескивающий мрак. Справа от меня течёт мелкая речушка, которая стремится выйти из берегов и, наконец, превращается в озеро. По другую сторону находится заброшенная старая ферма, окружённая покосившимися заборами из рифлёной жести. Дельтовидные тополя мрачно высятся вдоль береговой линии, где гнездятся колониями белые цапли, Снежные и Обыкновенные.

Знаки, установленные вокруг небольшого озера, предупреждают: «Посторонним вход воспрещен! Охраняемая зона города Сан-Хосе». Когда я прохожу мимо, я нащупываю пальцами свой нож. Озеро кишит «правонарушителями»: на глинистой почве греются на солнце змеи и ящерицы; в сухих листьях дрожат суслики; бакланы, рассекающие тёмную водную поверхность чёрными змеевидными шеями, и белые цапли, взмывающие вверх или тяжело парящие над берегом, словно согбенные старички. Как-то раз я насчитала сорок девять птиц. Стоя на отмели, которая делит водохранилище на две части, и ощущая кожей весенне солнце, молодое и горячее, я смотрю на холмы, которые простираются вдали, словно чашеобразная ладонь чьей-то зелёной руки, которая будет держать меня в плenу столько, сколько я захочу.

Слева и справа от меня тёмная вода замусорена белой дрeвесиной. Среди водоплавающих – поганок и диких уток – мелькают клочки белой бумаги, на которых синеют слова объявления: «Участок сада, отведённый под будущее строительство элитных особняков». Я знаю, о чём идёт речь: растущий город претендует на захват новых территорий. И я знаю, почему этих молчаливых сторожей всей площади заброшенного сада, пугающих мрачные воды маленького оазиса своей необычной белизной, уносит потоком. Кто-то ещё любит это место так же, как и я. Кто-то ещё устоял перед разрушительной силой Зла и тоже приезжает сюда в тщетной попытке доказать свою любовь.

Находясь на этом кусочке земли и глубоко вдыхая аромат цветущих деревьев и сладкий запах подгнивающих плодов, я поворачиваюсь спиной к автотрассе и смотрю на восток, туда, куда тянутся горные цепи. Я вижу бакланов, пролетающих низко над мутной водой, их намокшие крылья, которые едва задеваюt поверхность, и вижу, как на дальнем берегу гнездятся белые цапли.

Если закрыть глаза, то всё исчезает; чувствуется лишь лёгкое прикосновение ласкового солнца; слышится пение птиц да далёкий звук автострады, свистящей, словно ветер.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

«Свинья трясину ищет, пёс – помойку,
Ужель от них не разнишься нисколько?»
(Жизнь короля Генриха V, 3–7)

– Хочу пиццу, – слышен капризный голос с заднего сиденья. Это сын моего нового супруга.

Сейчас утро. Половина девятого.

– Может быть, после того, как сдашь экзамен, – говорю я, зная, что экзамен к обеду может и не закончиться.

– Я хочу пиццу прямо сейчас, – говорит он требовательным тоном.

– Ну, Майкл, мы не можем сделать это прямо сейчас. Через десять минут мы будем уже на море.

– Хочу есть, – он пинает ногой спинку моего сиденья.

– Я кормила тебя завтраком, мой дорогой.

– Я не люблю блины.

– Ты же ешь их с удовольствием, когда твой папа их готовит, – я пытаюсь говорить так ласково, насколько можно в данной ситуации.

– Я не люблю твои блины.

«*А я не люблю тебя*», – думаю я про себя.

– Но я не знаю, что теперь делать, Майкл.

– Я скажу папе, что ты меня плохо покормила перед экзаменом.

В зеркало заднего вида я вижу в его руке сотовый телефон. Моё горло сжимается от слёз. Я глотаю их.

– Я же тебя покормила завтраком, Майкл.

– Что в нём хорошего, – говорит он и снова пинает ногой спинку моего сиденья. Я сжимаю руль руками так, как если бы это была шея маленького избалованного Тирана.

В своей прошлой жизни я работала на фирме по доставке горячей еды для технических компаний Силиконовой Долины, таскала ланч-боксы с потрясающе вкусной едой для инженеров,

местных руководителей и их подчинённых. Я зарабатывала тогда так мало, что мне ланч не всегда был по карману. Сейчас я умело веду серебристый Вольво – машину своего мужа – в направлении Приморского клуба Тхэквондо, и я могу купить себе любую еду, какую только захочу, и есть столько, сколько захочу, я модно одета, а мои длинные ногти покрыты акрилом с белым ободком и выглядят, как настоящие. Я поглядываю в зеркало заднего вида на Дофина, который сидит на заднем сиденье в своём белоснежном кимоно с поясом класса *gi* и *danbo*. Он ненавидит тхэквондо почти так же, как ненавидит меня. И это взаимно.

В планы Перри не входит посещение важного для Маленького принца события. Он сейчас или в Праге, а может, в Бельгии или где-нибудь ещё, – занимается своими делами, возможно, ищет какую-нибудь системную плату для своего ПК, переложив на меня свои обязанности и поручив мне отвезти Его Светлость на экзамен на чёрный пояс.

До встречи с Перри я проживала в квартире-студии, которую могли себе позволить только такие, как я, – на одной из зловонных улиц в центральной части Сан-Хосе. Теперь я живу в большом доме рядом с пляжем Capitola и езжу в Париж, на Багамы, в Белиз. Вы, наверное, думаете, что я счастлива и рада тому, что мне приходится исполнять обязанности мачехи, вот такие, как сегодня, – и я так думала вначале, пока эта история не произошла со мной. Мир порой кажется лучше, чем он есть на самом деле. (Всё видится в ином свете, пока ты чувствуешь себя его частичкой.)

Божий Подарочек выходит из машины, устремляется к студии и растворяется в толпе белых поясов *gi*. Я проверяю нанесённый на кожу лица макияж, надеваю на лицо улыбку и с трудом заставляю себя выйти из машины. Меня вежливо приветствуют кивком головы, я тоже киваю в ответ. Я привожу сюда Его Преосвященство три раза в неделю, поэтому меня здесь знают в лицо, как жену Перри, но ничего не знают обо мне, – не знают, как я отношусь ко всему этому. Я наблюдаю, как мастер Ричардсон делает поклон в знак приветствия двух старших спортсменов, которых, очевидно, прислали сюда с их исторической родины принимать экзамен. Его русые волосы поблескивают в лучах летнего солнца, и когда он наклоняется, складки живота нависают

над его поношенным поясом чёрного цвета. Дофин становится рядом, спина выпрямлена, лицо непроницаемое, как и его безжалостное сердечко.

Мастер Ричардсон предупреждал Перри, что в таком юном возрасте ребёнку рано сдавать экзамен на чёрный пояс. Он говорил, что кости двенадцатилетнего ребёнка ещё недостаточно крепки для выполнения заданий такого рода, как разбивание кирпича ребром ладони. Но Перри пытался доказать, что ребёнок уже готов к этому, ведь он платил все эти годы только за то, чтобы маленький лорд Фаунтлерой стал самым молодым обладателем чёрного пояса в истории Приморского клуба Тхэквондо, и, возможно, всей ВТФ. Мне кажется, что мастеру Ричардсону удастся убедить в этом азиатских грандмастеров, прибывших принимать экзамен. Я направляюсь в студию, бесшумно проскальзываю в ванную комнату и сижу там так долго, насколько это возможно, чтобы насладиться атмосферой одиночества благородного серого цвета.

Когда выхожу из ванной комнаты, вижу, что студия переполнена людьми и все стулья заняты. Кандидаты стоят навытяжку перед мастером Ричардсоном и грандмастерами. Мастер Ричардсон кричит что-то на корейском языке, и все кандидаты кланяются, руки по швам. Он кричит что-то ещё, и все они садятся, в несколько рядов, образуя круг, где будут отрабатываться удары ногами, блоки и будет раздаваться атакующий крик «**кийя**». Их должно быть пятьдесят. Я стою, прислонившись к стене, затерявшись среди родителей, или, может, супружеских пар, а может, друзей, сидящих на стульях, и самих кандидатов на обладание чёрным поясом. Предстоит выдержать долгий, мучительный, скучный до умопомрачения день.

Я внимательно всматриваюсь в кандидатов, – в то место, где у них находится талия, и вижу лишь два пояса *danbo*: их обладателями являются Его Высочество Ричардсон и мальчик, который выглядит так, словно собирается играть в любительский футбол. Если бы это был любой другой ребенок, я бы переживала за него. Как бы там ни было, где-то в глубине души я с волнением жду спарринга.

Сначала нам предстоит увидеть ряд аттестаций, предназначенных для обладателей белого пояса, а таких пятеро: четверо

детей младшего возраста, возможно даже, от детсадовского и до третьего класса, и одна женщина, которой по виду за пятьдесят. Дети начинают первыми: каждый по очереди встаёт и в одиночку направляется в центр круга, кланяется своему тяжеловесному коротышке-инструктору и грандмастерам, и медленно, по команде, которую выкрикивает мастер, выполняет все соответствующие своему поясу приёмы, рывки на короткие дистанции и блоки, и выкрикивает «**кийя**» в случае необходимости. Должна признаться, зрелище захватывающее, особенно когда малыши демонстрируют стадию концентрации, свои, казалось бы, высококвалифицированные и безошибочные движения. У дамы в возрасте навыки слабее.

Закончив упражнения, они вытягивают руки по швам и кланяются мастеру Ричардсону, потом поворачиваются к грандмастерам, которые сидят за складным столиком, уставленным бутылками воды, держа перед собой блокноты, и кланяются им; затем они кланяются маленьким кандидатам, после чего занимают свои места. В студии становится жарко, как в духовке. Я завидую старичкам, имеющим возможность утолить жажду. Мои ноги ноют от усталости.

И снова мелькают восхитительные белые пояса, ученики попарно скачут, как зайчата, нанося удары друг другу в защищённую крошечную грудь, падают, встают, подскакивают, делают повороты, и снова наносят удары, периодически издавая приглушенный крик «**кийя**» своим писклявым голосом. Теперь на очереди бабулька. Поскольку их пятеро, она вынуждена вести бой с мастером Ричардсоном. Они сближаются, и мне кажется, что я вижу искорки азарта в глазах старой дамы, когда она делает прыжок с поворотом и наносит удар прямо в голову мастера Ричардсона, заставляя его откатиться в толпу сидящих позади него учеников. Я с трудом сдерживаю смех и, чтобы не расхохотаться, имитирую приступ кашля.

Время тянется мучительно долго. Я поглядываю украдкой на лобби, вижу, как рядом с первым столом установили другой стол, на который поставили ящик для денежных купюр. Мне нестерпимо хочется есть. Я мечтаю о сэндвичах с ветчиной и чае со льдом и возможности присесть хотя бы на несколько минут, пока я вижу, как накрывают стол. Человек в знакомой красной кепке и

оранжевом жилете ставит на стол оранжевые контейнеры с едой, а его помощник вытаскивает из пластиковых упаковок сэндвичи. Жилет и шляпа те же, что носила я, когда работала в компании *Luscious Lunches*¹ по доставке горячих обедов в Силиконовую Долину. Моё сердце взволнованно забилось. Мастер Ричардсон объявляет о перерыве, и мы направляемся к накрытым столам, к еде и воде, а лёгкий ветерок врывается через входные двери, на-шёптывая о чём-то своём.

Я ищу глазами Майкла и вижу его на другом конце комнаты. Он разговаривает по своему сотовому телефону. Я машу ему рукой, призывая присоединиться ко мне, но он окидывает меня презрительным взглядом и отворачивается. Прекрасно, думаю я, хватаю со стола сэндвич и бутылку воды и выскакиваю на улицу.

Там я вижу курьера доставки, который сидит на скамье и курит сигарету. Я присаживаюсь рядом.

— «*Luscious Lunches*», — произношу я вслух. — Я когда-то работала на ваших парней в Сан-Хосе.

Он поднимает глаза на меня:

— В Управлении?

— Неа. Я работала водителем, — говорю, продолжая жевать, глотать, запивать водой, затем протягиваю руку:

— Мелани.

— Ден.

— Почему так далеко от Сан-Хосе? — интересуюсь я.

— Мы только что открыли здесь филиал, — говорит он. — На самом деле, нам позарез нужны водители, и если Вы знаете хоть кого-нибудь...

— Я смогла бы, — говорю. — Послушай, ты не мог бы одолжить мне сигарету?

Он выуживает одну сигарету из пачки и зажигает её. Я делаю глубокую затяжку и начинаю сразу кашлять.

— Извини, сейчас пройдёт.

— Мне пора собираться, — говорит Ден, поднимаясь с места.

— Спасибо за курево, — благодарю его в ответ.

— Не за что.

¹ «*Luscious Lunches*», «Потрясающие вкусные завтраки» — название фирмы, предоставляющей услуги по доставке бизнес-ланчей. (Прим. пер.).

Я встаю и начинаю прохаживаться мимо окон клуба тем расслабленным шагом, который выдаёт курильщика, посматривая в окна и скользя задумчивым взором по лицам тех, кто находится внутри. Я вижу, как Дофин направляется к выходу, не сводя с меня детских холодных глаз. Он по-прежнему держит в руке сотовый телефон. Едва приблизившись ко мне, он заявляет:

– Я искал тебя. Обед уже закончился. Я думал, что ты кушишь мне ещё что-нибудь вкусненькое.

– Конечно, – я вытаскиваю двадцатку из своего кармана и вручаю ему.

– Я сказал папе, что ты меня не кормила завтраком. Я рассказал ему, как ты курила здесь сигареты. Папа хочет поговорить с тобой, – он вручает мне телефон.

Я беру его, нажимаю на кнопку End и возвращаю телефон Майклу. Затем я достаю ключи из своего кошелька и тоже вручаю ему.

– Мне пора обедать, а то скоро начнётся экзамен.

С этими словами я поворачиваюсь и иду назад к обеденному столу. Навстречу мне попадается Ден, который направляется к выходу с огромной миской салата в руках. Я подхожу к столу и плавным уверенным движением складываю остатки обеда в специальные сумки, перекидываю их через плечо и шагаю к выходу.

Дэн стоит за фургоном. Я прохожу мимо него и вешаю сумки на крючок, не глядя. Моя рука помнит, где это.

– Эй, – говорит он удивлённо.

– Сам ты ЭЙ, – отвечаю я. – Разрешите мне прокатиться с Вами до «Luscious»?

Он удивлённо пожимает плечами: «Да, конечно», – закрывает задние двери, а я привычно откидываюсь на спинку пассажирского кресла.

В салоне витают знакомые мне запахи, – так пахло когда-то и в моей машине. От сиденья исходит такой же запах. Я закрываю дверцу, пристёгиваю ремень безопасности, и чувствуя себя прекрасно, – как пойманная рыба, которую выпустили обратно в море...

НЕТ СО МНОЙ ТВОИХ РУК... За чёртой счастья

Джек сидит, опираясь локтями о столешницу и закрыв лицо своими огромными ладонями. Его плечи вздрагивают, он стонет и шмыгает носом, словно маленький ребёнок. Я ставлю на стол тонкий стакан, который намеревалась завернуть в обёрточную бумагу, и придвигаю свой стул поближе к нему. Усаживаюсь и робко гладжу его по голове. «Ну, перестань», – говорю я и пытаюсь взглянуть ему в лицо.

– Перестань, Джек! Если хочешь, я останусь. Я тихонько тяну его за рукав, но Джек упрямится. Он с силой прижимает ладони к губам, но они продолжают вздрагивать. Слёзы капают с его подбородка на дубовый стол из современной итальянской коллекции Formica. Он кивает головой в знак согласия, но затем снова горестно качает ею, тихо всхлипывает, затем громче и громче, пока тело не начинает содрогаться от рыданий. «Вспомни, Джек! Месяц назад я обещала остаться, хотя ты не просил меня об этом. Ты даже не сказал ни слова. Тебе нужно было лишь попросить». Он снова кивнул и залился слезами ещё сильнее. Его длинные пальцы, все в шрамах, схватывают мою ладонь и прикладывают ко лбу. Лоб влажный, как и его рука. Моя рука выглядит по-детски крошечной, белой и бледной, в его могучей и загорелой руке. «Ты никогда не просил меня, Джек». Я выдернула свою руку, встала и отправилась упаковывать посуду. Его рука выпустила мою, повисла в воздухе, затем театральным жестом снова прикрыла лицо. Эффектно играет на моих чувствах, подумала я, когда Джек взглянул на меня опухшими от слёз глазами. В его взгляде было что-то такое, чего я раньше не замечала: какая-то решимость с примесью отчаяния. Он взял меня за руки и привлёк к себе. И тут я вдруг поняла, откуда эта покорность во мне: больше не будет в моей жизни ни этого мгновения, ни этих слов, ни этих рук, которым надоело быть вместе, – надоело бесконечно упаковывать, распаковывать, раскладывать все вещи по местам...

Перевод с английского Иды Замирской

АНГЛИЙСКАЯ ВИКТОРИАНСКАЯ ПРОЗА

ИЗАБЕЛЛА (КРЕЙГ) НОКС (1831 – 1903)

Изабелла Нокс, в девичестве Иза Крейг – поэт, журналист, редактор и новеллист – родилась в Шотландии в Эдинбурге. Она была единственным ребёнком в семье перчаточника Джона Крейга. Девочка рано потеряла родителей и воспитывалась бабушкой. Уже в десять лет ей пришлось оставить школу, так как семья сильно нуждалась. Этот период своей жизни писательница определила, как “a life of toil.” Однако любовь к литературе скрашивала её нелёгкую, полную забот жизнь. Каждую свободную минуту она посвящала чтению, что помогло Изе развить свой литературный вкус. Среди писателей, которые оказали влияние на творчество будущей писательницы, были Шекспир, Мильтон, Аддисон, Бёрнс.

Ещё в раннем возрасте Иза начала публиковать свои стихотворения в различных периодических изданиях. Поэтические произведения, увидевшие свет в журнале «Шотландец», подписанные именем Изы, привлекли внимание читателей, и девушка получила возможность работать в этом издании. Иза Крейг писала литературные обозрения и статьи на социальные темы, которыми живо интересовалась.

В 1856 году вышел в свет её первый поэтический сборник, который был принят читающей публикой очень благосклонно. Изабелла Крейг была активной участницей женского клуба, поддерживала феминистское движение в борьбе за права женщин, в частности, за право замужних женщин на труд.

В 1857 году Изабелла Крейг приехала в Лондон, чтобы помочь г-ну Гастингсу (юристу, выступавшему за социальные реформы в стране) в организации Национальной Ассоциации для популяризации социальных наук. Она работала секретарём и литературным помощником до вступления в брак со своим кузеном, мистером Джоном Ноксом, который занимался бизнесом в Сити. Ещё до этого события Иза Крейг приняла участие в поэтическом конкурсе, посвящённом 100-летию со дня рождения Роберта Бёрнса. Она написала оду и заняла первое место среди 620 других участников. Иза настолько не рассчитывала на успех, что даже не приехала на церемонию награждения победителей конкурса, которая проходила в Хрустальном Дворце. Для многочисленных слушателей её оду очень эффектно представил г-н Фелпс, публика неоднократно прерывала его чтение горячими аплодисментами.

Незадолго до вступления в брак Изабелла Крейг начала работать в журналах, основанных Александром Стрехэном – «Гуд Вордз» и «Санди Мэгэзин» и в течение некоторого времени была редактором ежемесячного журнала «Аргоси», в котором публиковались эссе, заметки о путешествиях и стихи. В 1865 году Стрехэн опубликовал поэтический сборник «Герцогиня Агнес и другие стихи», который укрепил репутацию Изабеллы Крейг.

Стихи поэтессы отличаются необыкновенной свежестью чувств. Её сборник «Песни Утешения», увидевший свет в 1874 году, обнаружил способности автора в области духовной лирики, что, как известно, удаётся далеко не всем.

Подобно другим талантливым поэтам, миссис Нокс обратилась ещё и к прозе и получила признание и на этом поприще. Некоторые из её романов приобрели широкую известность. В них чувствуется мощный творческий потенциал, стиль автора отличается простотой и притягательностью. Повествования Изабеллы Нокс заставляют читателя задуматься о жизненно важных вопросах бытия, в них всегда присутствует некий нравственный урок. Кроме того, она обладала счастливым даром писать для детей в свойственной ей лёгкой и доступной манере.

Ольга Стельмак

ДА ИЛИ НЕТ?

ГЛАВА II

Прошло два месяца, в течение которых Гиацент Филд напряжённо работала и лишь изредка бывала у мисс Смит. Она учила на дому детей нескольких членов парламента, особенно нелегко ей приходилось во время парламентской сессии. Как-то вечером, когда она пришла навестить свою приятельницу, мисс Смит обратила внимание на её утомительный, немного нервный кашель и, заметив, насколько Гиацент выглядела бледной и измученной, настояла на их совместной поездке к морю, как только та освободится.

«Приют», куда мисс Смит привезла Гиацент, представлял собой дом, построенный её отцом на побережье в Сассексе. Постоянно в нём никто не проживал, тем не менее, он редко пустовал. В доме держали старую прислугу, и кто-нибудь всё время наезжал туда погостить на недельку, другую.

Это был непрятательный двухэтажный дом, расположенный в стороне от скалы, в одной из тихих, защищённых от ветра, чашеобразных лощин с меловыми отложениями. Вокруг дома был разбит огороженный сад, который за полстолетия заботливо-го ухода превратился в цветущий плодоносящий оазис. За ним простиралась зелёная безлесая местность. Всё это рождало чувство защищённости и в то же время ощущение пространства и единённости, сразу освежало, придавало сил и успокаивало.

«Мой племянник Фрэнк бывает здесь, – сказала мисс Смит, – когда он особенно не в ладах с миром».

Они сели обедать в красивой столовой, в окна которой заглядывали великолепные розы, прямо за ними лужайка спускалась террасами до обвитой плющом стены, а далее не было видно уже ничего, кроме моря и неба.

Мисс Филд сидела напротив окна, погрузившись в мечта-тельное состояние покоя и наслаждения, пришедшее на смену усталости. Хотя комната была обставлена дубовой мебелью, отли-чавшейся простотой, всё сверкало чистотой и свежестью. Стол был украшен цветами, принесёнными из сада; свежий виноград и персики лежали на серванте; белые занавески на окнах трепетали от лёгкого, дующего с юга, морского бриза, и комната наполня-лась смешанным ароматом, который витал и внутри её, и снару-жи.

Мисс Смит, глядя на свою юную компаньонку, была до-вольна тем, что та наслаждалась покоем. Она желала, чтобы все люди вкушали удовольствия жизни – это было её религией. Не-ожиданно мисс Смит заметила, что мечтательный взгляд Гиацинта сменился молниеносным удивлением, но не поняла причины та-кой перемены, пока на её плечо не опустилась рука племянника и мисс Смит не услышала его голос прямо над своим ухом: «Ну, тётушка, как поживаете? Я не знал, что вы здесь, но, надеюсь, приютите меня, по крайней мере, на ночь».

Войдя в комнату, Фрэнк молча поклонился мисс Филд и, по-хоже, не опасался, что может испытывать тетушкины нервы. Мисс Смит обыкновенно говорила, что родилась во времена, ко-гда нервы ещё не вошли в моду, она повернула к пришельцу своё безмятежное лицо и произнесла: «Лёгок на помине».

«А о чём вы говорили, можно мне поинтересоваться?» –

спросил Фрэнк.

«Да о том, что ты всегда появляешься здесь, когда особенно не в ладах с миром, то есть, если только ты, конечно, не на другом конце света», – сказала мисс Смит. – «Откуда ты явился сейчас?»

«Из дома. Я гулял». И он продемонстрировал свой заплечный рюкзак. Фрэнк мог пройти таким способом сотню миль.

«Тогда поспеши, иначе обед остынет».

«Я спущусь через минуту, – сказал племянник, торопливо уходя, – но не ждите меня».

Мисс Филд не видела Фрэнка Смита с того самого дня, когда она впервые обедала у его тети, за исключением мимолётной встречи. Однажды они столкнулись в дверях – он уже выходил, а она только собиралась войти, однако в течение следующих двух недель им суждено было видеться чаще.

Помимо чисто женских занятий у мисс Смит было одно увлечение – акварельная живопись. Она считала, что могла стать, более того, что она будет великим художником, – она написала много картин, и некоторые из них отправила на недавно открывшуюся Женскую художественную выставку.

На следующее утро, когда они с Гиацент в сопровождении Фрэнка отправились вместе на прогулку, мисс Смит обнаружила небольшой залив с меловыми скалами и поросшими зеленью склонами, голубой водой и белоснежными чайками – великолепный материал для акварельной композиции.

На другой день мисс Смит прихватила с собой свои принадлежности для рисования и принялась делать эскизы. Фрэнку с Гиацент было велено отправляться гулять в своё удовольствие, а после вернуться за ней.

Работа над эскизами и прогулки стали их повседневными занятиями, Фрэнк ни разу не обмолвился о своём желании покинуть их. Огибая утёсы, они с Гиацент проходили мили по поросшим невысокой пружинящей травой холмам, вдыхали аромат дикого чабреца, гуляли по пастбищам, спускались в лощины, подходили к самому краю утёса и наблюдали за белыми чайками, парящими в небе, словно в море, и скользящими по морю, как по небу.

Затем они возвращались обратно, захватывали мисс Смит и

её акварельные принадлежности и отправлялись в коттедж на ланч. После ланча они проводили время за домом в тенистом саду, благоухающем спелыми фруктами – сидели на сельской скамье и читали. Потом следовал обед. Затем они снова гуляли по утёсам или внизу по берегу, пока солнце не садилось в море.

И так каждый день с удивительной монотонностью, и даже погода совсем не менялась в те редкие солнечные недели. Ещё более удивительным было то, что Фрэнка Смита не утомляла эта монотонность. Они снова и снова повторяли одно и то же, но каждый день был приятнее предыдущего, как будто приближая их к какому-то мигу счастливого блаженства.

Осознавал ли Фрэнк, чем он занимался в эти дни? Едва ли. Пять лет назад он влюбился в подругу своей сестры, и этого опыта было с него довольно. Как ребёнок, раз обжегшись, впредь боится огня, так и чувствительный Фрэнк держался подальше от нежной страсти. Он пришёл к заключению, благодаря той молодой девушке и другим подобным ей, что женщины могут быть более стойкими в «этом отношении», чем мужчины.

Но не поэтому, однако, он чувствовал себя в безопасности с Гиацинтом. Дело в том, что она совсем не была подготовлена к «подобным вещам». Совершенно очевидно, что искусство флирта было ей не ведомо. В этом он нисколько не сомневался. Никто и никогда не смотрел в её глаза с любовью, никто, кроме отца, не касался губами её нежной щеки. Но Гиацинт исполнилось уже двадцать лет, душой и телом она была женщиной гораздо больше, чем те девушки, которые старались очаровать Фрэнка. Он и не думал о том, что это девичество представляло значительно большую опасность и для него, и для неё самой.

Однажды утром сильный ветер прогнал их с утёса. В лощине они его не чувствовали и отправились гулять как обычно, но очень скоро белый зонтик мисс Смит оказался в Ла Манше, и шляпа Гиацинта тоже едва не отправилась вслед за ним, благо Фрэнк вовремя успел схватить её. Прижимаясь друг к другу, эти трое отправились в укрытие и от души посмеялись над своим злоключением.

После обеда у Фрэнка впервые появилось определённое желание – покататься верхом на лошади. «Какой день для быстрой езды! – сказал он. – Вы ездите верхом, мисс Филд?»

«Нет, – ответила Гиацент. – Я никогда в жизни не пробовала ездить верхом. Но я часто думала о том, что это должна быть совершенная поэзия движения. Бег трусцой похож на метрический роман, а галоп напоминает величественную оду».

«Коня! Коня! – закричал Фрэнк. – Двух лошадей! Мисс Филд, вы должны поехать со мной кататься верхом». Он сразу же ушёл и отправил записку в небольшой городок, расположенный в трёх милях от утёсов. Фрэнк распорядился привести лошадей к завтрашней прогулке.

Наутро грум пригнал двух лошадей, а сам восседал верхом на третью. Как сказал Фрэнк, это были бедные, лишённые всякой резвости животные, что для Гиацент оказалось совсем неплохо. Мисс Смит одобрительно смотрела на неё сквозь очки, пока Фрэнк с Гиацент прохаживались перед лошадью, а затем девушка попробовала проехать верхом по кругу лёгким галопом.

Гиацент выдержала испытание, объявив, что это было ещё более восхитительно, чем она предполагала. Итак, они отправились на конную прогулку по холмистой местности. Фрэнк старался выбирать более удобный путь и держался поближе к подъёмам лошади Гиацент.

Наконец, оставив позади пастбища, они выехали на ровную дорогу, ведущую к фермерским угодьям в живописной долине. Их взорам открылся невысокий горный хребет, который пролегал посредине долины с тремя ветряными мельницами. Фрэнк рассказал своей спутнице историю каждой из них. Гиацент восхищалась серыми сельскими домами с весёлыми садами и обрамлявшими их стогами сена. Фрэнк знал каждого из их обитателей. Тем временем они въехали в красивое селение, где их приветствовали и взрослые, и дети.

Когда Гиацент обратила на это внимание, Фрэнк сказал просто: «Мы едем по земле моего отца. А там, доложу я вам, движется целая компания!» – воскликнул он, когда на дороге появился экипаж. «Моя мать с сестрой, – объяснил он, – и несколько гостей».

Повозка, так же, как и всадники, продвигалась вперед, наконец, они съехались и остановились. В экипаже были мать, старшая сестра Фрэнка и его кузина Этель Белфрэдж, но почётное место рядом с миссис Смит занимала незнакомка, молодая леди,

с которой Фрэнк церемонно раскланялся. Младшая сестра ехала следом верхом на лошади.

«Да ведь это Фрэнк!» – закричала она, подъезжая.

«Это мисс Филд, тётушкина приятельница», – сказал Фрэнк.

Миссис Смит сухо отреагировала на представление Гиацент. Молодые леди, сидящие рядом с ней, и вовсе проигнорировали спутницу Фрэнка, но его любимая младшая сестра протянула руку и просто сказала: «Рада познакомиться. Я не в восторге от езды за экипажем без компании».

«А куда вы направляетесь, Фло, можно поинтересоваться?» – спросил Фрэнк.

«Мы отправились на поиски тебя, сэр».

«Мы собираемся на обед в коттедж», – сказала миссис Смит. «Может быть, вы вернетесь с нами?»

«Хорошо», – ответил Фрэнк. Всадники объехали экипаж с боков и остановились позади него. Экипаж двинулся по дороге, а Фрэнк со своими спутницами поехали в ряд вслед за ними.

Пока они перестраивались, Фрэнк придерживал за поводья лошадь Гиацент, что не укрылось от внимания его матери. Молодые леди тоже обратили свои пристальные взгляды на происходящее – в них читалась воспитанная дерзость.

«Вы знаете её?» – спросила мисс Смит свою мать.

«Понятия не имею», – ответила миссис Смит раздражённо.

«Я нигде её не встречала», – сказала молодая леди, сидящая рядом с ней, грубым неприятным голосом.

«Одна из тётушкиных приятельниц, – ответила мисс Смит. – Тётушкины друзья обычно не вызывают опасений».

«Вы находите её красивой?» – спросила Этель Белфрэдж, растягивая слова.

«Да, а вы нет?» – ответила кузина, которая сама была очень хороша собой.

«У неё нет вкуса, – заметила мисс Понсонби, – ничего из себя не представляет».

«А вы обратили внимание на её костюм?»

«Оsmелюсь предположить, что она учительница или художница, которую подобрала тётушка», – сказала мисс Смит.

Меж тем, совершенно не испытывая зависти, ненависти, злобы или бессердечия, трое всадников наслаждались своей прогулкой верхом.

Вместо того чтобы следовать за экипажем, который двигался по дороге, они опять отправились через холмы, и хотя могли приехать в коттедж гораздо раньше, появились, тем не менее, лишь тогда, когда остальные уже сидели в гостиной «Приюта». Миссис Смит пожелела от досады, мисс Понсонби потеряла аппетит, а бедная малышка Этель Белфредж лишилась румянца и имела очень усталый вид ещё задолго до их появления — сияющих красотой, в хорошем настроении и в полном удовольствии.

«Ты такая возбуждённая, Флоренс», — неодобрительно сказала миссис Смит.

«Это ветер, мама, вы знаете, он всегда заставляет меня смеяться, — ответила Флоренс. — Мы устроили скачки наперегонки и от души повеселились. Лошадь мисс Филд была самой забавной, мы прозвали её «Верблюд». Она выписывала такие кренделя и так смотрела себе под ноги, как будто под ней был зыбучий песок».

«Она как раз подходит для меня, старушка, — сказала Гиацент. — Это был довольно опасный эксперимент — гонки по холмам впервые верхом».

«Вы же не хотите сказать, что в первый раз сели на лошадь?» — спросила миссис Смит.

«На самом деле, это так», — улыбаясь, ответила Гиацент.

«Я рада, что не знала об этом раньше, — ответила миссис Смит. — Если я чего-либо и опасаюсь, так это самонадеянных неопытных наездников».

«Мисс Филд — прирождённая наездница, мама», — воскликнула Флоренс. — полдюжины уроков и она будет замечательно держаться в седле».

Но миссис Смит больше не удостоила Гиацент своим вниманием. Вся компания отправилась на обед: одни — сияющие и счастливые, другие — хмурые и унылые. Не то чтобы мисс Понсонби была сильно огорчена; на столе их ожидал великолепный обед, которому она с усердием и посвятила себя. К моменту, когда молодая леди добралась до третьего блюда и второго бокала вина, она уже пребывала в совершенном довольстве и собой, и

всем миром. Мисс Понсонби была крупной женщиной не более двадцати пяти лет от роду, но её лицо отталкивало своей чувственностью. Вы не замечаете её глаза и лоб, так как они слишком мелкие. Но что на самом деле вас впечатляет, так это её нос, напоминающий клюв, массивная челюсть, толстая нижняя губа и огромный подбородок. Верхняя губа была коротка, уши – правильной формы. В осанке мисс Понсонби безошибочно угадывалось хорошее воспитание, но ничего не могло избавить вас от того, что она производила впечатление сластолюбки самого грубого пошиба. Вот во что превратили её многие поколения ничего не делающих бездельников. Бедная мисс Понсонби! Фрэнк называл её «Людоедка» и старался избегать возможности обедать с ней каждый день. А ведь эта леди была богата и благородного происхождения. Вот почему миссис Смит хотела женить на ней своего старшего сына.

«Думаю, что ты можешь вернуться домой с нами, Фрэнк» – сказала ему мать.

Но Фрэнк красноречиво покачал головой, значение этого жеста миссис Смит безошибочно поняла.

«Всему своё время, – ответил он не слишком почтительно. – Мисс Филд послезавтра уезжает».

Мисс Филд не была приглашена погостить в «Вэнок Плейс».

Наступил последний вечер пребывания Гиацент в «Приюте». Пора было возвращаться домой к матери и сестре в своё скромное жилище в центре Лондона. Они с Фрэнком отправились к морю на свою последнюю прогулку. Был отлив, вода отступила далеко от берега, и они хотели дойти до самого дальнего утёса, который был в пределах видимости.

«Мы должны успеть вернуться до прилива», – сказала Гиацент, когда они спустились на песчаный берег и отправились в путь.

«Давайте пойдём по прямому пути, избегая извилистых поворотов», – предложил Фрэнк. Они пошли по камням, покрытым скользкими водорослями и песком, затем вышли на морскую гальку, по которой могли идти свободнее. Солнце было уже за спиной, молодые люди шли там, где ещё час назад стояла вода, в совершенном молчании. Облака у самой кромки океана окраси-

лись в светло-лиловый цвет, на них играли мистические светотени. Удивительно ли, что Фрэнк и Гиацинт были менее склонны к весёлости и больше к нежности, чем обычно?

Они дошли до того места, куда планировали добраться, расчитали время, необходимое на обратный путь, посидели немнога на выступе утёса, затем отправились назад – перед ними на водной глади сверкала длинная солнечная дорожка.

Молодые люди шли не спеша, задерживались у заводей, разглядывали маленьких зелёных крабов и плавающие в воде разноцветные водоросли. Наконец Фрэнк, глядя в сторону моря, сказал: «Нам нужно поторопиться, скоро начнётся прилив».

«Надеюсь, мы не попадём в переплёт», – сказала Гиацинт, ускорив шаги, глядя на отвесную стену утеса в несколько сотен футов высоты.

«Нет, времени ещё достаточно», – ответил Фрэнк, но им пришлось идти быстрее, и было уже не до разговоров. «Мы как раз вовремя, – сказал Фрэнк. – Должны добраться, не замочив ноги. Это последний поворот».

«Мы шли слишком близко к воде», – сказала Гиацинт, когда волна с шипением подкатилась к её ногам.

«Так было легче идти», – ответил Фрэнк, и они снова пошли вперёд.

Самое страшное, что их ожидало, это возможность замочить ноги, но прилив подступил раньше, чем они смогли добраться до ступенек, ведущих вверх на скалу.

Недалеко от них были невысокие камни, которых ещё не коснулась вода. Фрэнк помог Гиацинту ступить на один из них, а сам пошёл рядом по мелководью. Между камнями было пространство, и он подал девушке руку. Гиацинт легко перепрыгнула на другой камень, но он всё ещё держал её за руку – он крепко держал за руку женщину, которая могла сделать его жизнь наполненной высокой цели и силы, и красоты, женщину, которая вернула ему веру в совершенную женственность и пробудила в нём благородную мужественность.

Как волны поднимались у ног Фрэнка, так теплыми волнами поднималась его саксонская кровь, но её нужно было укротить. Эта леди не могла быть легко завоёвана, она была достойна соблюдения всех устоев и обычая.

Последний закатный луч исчез на морской глади, появилась вечерняя звезда, невыразимо нежные сумерки разлились и в небе, и на море. Он молча вёл её наверх по ступенькам, потом на несколько мгновений задержал её подле себя. Фрэнк угадывал вечные знаки, смысл которых не мог быть выражен словами, и всё же в такие мгновения, как это, чувствовался в самой сокровенной глубине его души. Лишь на миг их взгляды встретились, открываясь друг другу – в них безошибочно угадывалось мужское страстное желание и женское невыразимое томление по любви.

Потом, как будто по обоюдному согласию, они пошли к дому порознь в задумчивом молчании. У каждого в поведении появилась какая-то нежная скованность. Хорошо, что завтра им предстояло проститься, потому что уже никогда больше они не смогли бы гулять вместе и иметь столь непринужденные отношения друг с другом.

На следующее утро мисс Смит проводила Гиацинта на станцию. Фрэнк попрощался с девушкой в присутствии тётушки, выразив надежду на то, что они ещё встретятся, надел свой рюкзак и отправился в освояси.

Была суббота. Гилберт Смит находился в Вэнок Плейс, мисс Понсонби не было. Женщины отсутствовали, и братья встретились наедине. Фрэнк, после своего обычного приветствия неожиданно задал вопрос: «Как ты думаешь, чем я мог бы заняться?»

«Что ты имеешь в виду?»

«Чтобы зарабатывать деньги», – ответил Фрэнк.

«Можно зарабатывать деньги на разных поприщах, если потратить время и потрудиться, как следует».

«Я хочу работать».

Мистер Смит, адвокат, издал продолжительный свист.

«Что, чёрт возьми, навело тебя на эту мысль?» – спросил Гилберт.

«Видишь ли, старина, я веду глупейший образ жизни в ожидании смерти нашего батюшки. Именно так, но Господь рассудил по-своему. Он проживёт ещё полсотни лет», – ответил Фрэнк.

«Об этом следовало бы подумать раньше, – сказал его брат.

Тебя не интересует служение церкви, в противном случае тебе было бы легко заработать себе на пропитание».

«Нет, старина, это не пойдёт, – торопливо сказал Фрэнк. – Я не хотел бы продать свою душу».

«Есть ещё военная служба, но ты не заработаешь там денег, скорее потратишь их. Это аксиома».

Фрэнк скривился и покачал головой.

«Для этого ты опоздал», – добавил брат. – Я снова возвращаюсь мыслями к юриспруденции. Войти в дело не представляет особой сложности, это благородно и даёт возможность достичь многое помимо юридической практики – правительственные посты, особые полномочия и тому подобное. Например, возможность работать за границей, тебе это как раз подойдёт».

«Я не хочу уезжать за границу, – сказал Фрэнк. – Сейчас я хочу обустроиться дома. Я уже достаточно по странствовал по свету».

«Я не имею в виду постоянное проживание, – сказал его брат. – Со временем ты сможешь работать в моей адвокатской конторе, я помогу всем, чем смогу».

«Спасибо, старина, – сказал Фрэнк. – Пожалуй, есть только одно, в чём ты мог бы мне действительно помочь – это научить, как ты умеешь распоряжаться своим денежным содержанием. Я начинаю думать, что являюсь довольно эгоистичным нищим, поскольку не могу обойтись своими пятью сотнями фунтов, в то время как ты живёшь на две».

«Лошади и ужины в клубе, – ответил его брат. – Что до меня, то я ем бараньи отбивные, которые готовит и подаёт мне одноглазая старуха».

«Это лучше, чем обедать всю жизнь напротив людоедки с двумя глазами», – засмеялся Фрэнк. «Ты расскажешь отцу о нашем разговоре? – добавил он. – Только подбирай, пожалуйста, выражения».

Перевод с английского Ольги Стельмак

СОВРЕМЕННАЯ ИСЛАНДСКАЯ ПРОЗА

СТЕЙНУНН СИГУРДАРДОТТИР (род. в 1950 г.)

Стéйнунн Сýгурдардоттир родилась в Рейкьявике. Окончила философский факультет и факультет психологии Дублинского университета. Её первая книга, сборник стихов «Непрерывности» (Sífellur), вышла в 1969 году. В 1995 году она была удостоена Исландской литературной премии за роман «Там, где сердце» (Hjartastaður). По её произведениям поставлено два телеспектакля и снят фильм французского производства. Работы Стéйнунн Сýгурдардоттир переведены на многие европейские языки.

ГОЛОСА НА ЛАВОВОМ ПОЛЕ

Скауту Оулавуру ничего не остаётся делать, кроме как сесть и взглянуть фактам в лицо: да, он отился от своего отряда, запутал в поросших мхами лавовых холмах, где-то на Хетлисхейди¹, без компаса, в тумане. Оулавур присаживается на кочку и пытается обдумать эту злополучную ситуацию.

Самое интересное, что он всегда как раз этого и опасался – вот так потеряться где-то без компаса. И Оулавуру припомнились много раз слышанные им истории о том, как часто с людьми случается то, чего они больше всего на свете боятся.

Оулавуру не холодно, и он не промок, потому что он в куртке и тёплом исландском свитере, но на душе у него невесело. Ведь для скаута-друженника нет постыднее ситуации, когда из-за него, зазевавшегося и отбившегося в походе, приходится вызывать спасателей.

Он достаёт из кармана «Спутник скаута», освежает в памяти скаутские кличи и клятвы, а потом, чтобы отогнать подступающие слёзы, начинает чуть слышно напевать «Гинг-гонг-гулигули»². Но стёкла его очков всё равно покрываются предательской влагой – ведь Оулавуру всего шестнадцать лет.

¹ Плоскогорье на юго-востоке Исландии. (Прим. пер.).

² Исландский вариант песни «Ging gang goolie», написанной основателем скаутского движения Р. Баден-Пауэллом. (Прим. пер.).

Как вдруг ему слышится, что вдалеке кто-то начинает за ним подпевать. Ему слышится многоголосое «Гинг-гонг-гули-гули», хотя здравый смысл подсказывает, что это не могут быть его товарищи.

Великолепно! Свихнулся в своих блужданиях – уже голоса ему чудятся! И Оулавур представил себе заголовки газет вроде: «Потерявшись в тумане на Хетлисхейди, с ума сошёл юный скаут», и подзаголовок: «Доставлен в Рейкьявик в смирильной ру-башке. В операции участвовало 200 спасателей». Теперь уже и явная слеза тихонько поползла вниз по мягкой пухлой щёчке. Но Оулавур всё же не прерывает пения и даже прибавляет громкости, стараясь заглушить доносящиеся с лавового поля голоса. Вряд ли это проделки дьявола, скорее всего это отряд из Ска-гафьордура¹, может, у них сейчас годовой слёт или ещё что-то. Но как Оулавур ни старается не утратить сарказма, вот уже и по другой его щеке начинает прокрадываться слеза.

Наконец, как истинный скаут, он решает все это дело разве-дать, хотя, скорее всего, единственный путь к тому – это вскрыть себе черепушку. Тем не менее, он идёт на голоса и видит впереди какие-то огоньки. Тут уж ему совсем перестаёт всё это нравиться: теперь уже и мерещится! Мелькающее впереди похоже на огонь или костёр, хотя у Оулавура ещё и теплится надежда, что это все-го лишь пробивающееся сквозь туман солнце.

Убедив себя в том, что тут уж ничего не остаётся, как только шагнуть навстречу этому свету и звуку, бедняга Оулавур, со-бравшись с духом, прибавляет шагу, и его взору наконец открывается такая картина: вокруг большого костра вытанцовывает какой-то низкорослый народец, выряжённый во что-то типа скаутской формы, а вдобавок выглядит так, будто каждый из таную-щих окружён лёгким золотистым сиянием.

Тут от толпы отделяется фигура и направляется в его сто-рону. Это удивительно красивая девушка, вокруг талии у неё – золотой поясок, а Оулавур, ошарашенный и испуганный, стоит и протирает очки.

– Привет, – обращается к нему девушка, – меня зовут Ван-да.

– Здорово! – отвечает Оулавур. – Меня зовут Оулавур.

¹ Фьорд на севере Исландии. (Прим. пер.).

– Ой, уж не лилейная ли роза¹? – спрашивает девушка и заливается смехом.

– Ну, прям! – хмыкает Оулавур. – Ещё чего!

– А ведь ты заблудился! – прибавляет она с лукавством.

– Чего новеньского скажи, тоже мне юмористка! – бурчит он.

– Так ведь это мы тебя заблудили, помнишь: «...заблужен он, закружен он»²?

– Что это за эльфийская ерунда такая? – спрашивает Оулавур обиженно и сердито. – Вы чё, глупые? Не соображаете, что спасателей вызовут?

– А то не наша забота!

– А что это за народ здесь снует в скаутской форме?

– Да мы же всегда и во всём подражаем человеческим скаутам.

– Кто это «мы»?

– Мы – отряд эльфов из Рангаурватласислы³, идём в Рейкьявик.

– Исландские эльфы?!

– Ага.

– Умереть, не встать!! Меня в психушку запрут!

– Не запрут, если не проболтаешься. (Они помолчали.) Слушай, а ты, может, к нам присоединишься? Мы тут мяско на гриле жарим. Эффи у нас специалист в этом деле – замариновал и всё такое.

– А где вы этому научились?

– Так мы это..., за дачниками наблюдаем.

– В общем, особой самостоятельностью в образе жизни вы явно не отличаетесь. А как почитаешь сказки, так там про вас совсем другое пишут.

– Ну так, мы, как все, не хотим отставать от прогресса, не хотим застревать в этом древнем барахле.

Она искоса поглядывает на него, постукивая пальцами по своему скаутскому ножику, который как раз на неделе стащила у одного толстенького волчонка⁴.

¹ Оулавур Лилейная Роза – герой старинной исландской баллады «Kvæði af Ólafi liljurós», повествующей о его встрече с эльфийской девой и гибели от её ножа. (Прим. пер.).

² Страна из вышеупомянутой баллады («Villir hann, stillir hann»). (Прим. пер.).

³ Область на юге Исландии. (Прим. пер.).

⁴ Волчата – название младшей скаутской группы. (Прим. пер.).

— А откуда у тебя этот ножик? — угрюмо насупившись, спрашивает Оулавур.

— Да будто у человека связей нет! — отвечает Ванда.

— Ага! — восклицает Оулавур, — За тобой глаз да глаз нужен! От Ванды и до вандализма недалеко!

— Ой-ой-ой, если ты такой строгий, я и обстругать могу! — каламбуром на каламбур отвечает Ванда.

А потом она предлагает ему отойти с ней в сторонку.

— Тут тебе не танцевальный кружок! — говорит Оулавур несколько заносчиво, но в то же время с насмешкой.

Однако Ванда не обращает на это никакого внимания, говорит, что ей расхотелось знакомить его с её эльфийской мясной артелью. Оулавур запихивает в карман скаутский справочник, и они отходят от костра и эльфов, если это, конечно, эльфы, которые как раз вовсю горланят: «Ну, вот и год прошёл, хотя и не прошёл ...»¹.

— Знаешь, Оулавур, — после долгого молчания, наконец произносит Ванда, — я очень переживаю за мир во всём мире.

— Ой! — пугается Оулавур. — Уж лучше сбиться со всех путей, чем разглагольствовать с эльфом об атомной войне! Будь добра, не начинай со мной об этом, на меня это такую тоску нагоняет!

Однако Ванда упрямая:

— Да, ладно тебе! Ты же сам понимаешь, что атомная война вполне может случиться!

И тут на Оулавура (первый раз в жизни!) нашло вдохновение:

— Да! Но случиться может и много чего другого! Например, может пойти дождь, и ты, Ванда-панда, вымокнешь, как цуцик, и поясок твой золотой скожится и лопнет, а тушь с ресниц размажется до ушей и будет так выглядеть, будто у тебя слюни текут, хотя это только дождик.

— О, Боже! Какой это ужасный мир! — вздыхает Ванда. — И полетим мы все к чертям собачьим!

— Вряд ли это эльфов касается.

— Думаешь, бомбы выбирать будут?

¹ Измененная песня исландских скаутов «Nú árið er liðið». (Прим. пер.).

Они уже довольно далеко отошли от эльфийской толчеи, и Ванда бросила на него взгляд, который Оулавур, будь он писателем, отсортировал бы к разряду загадочных.

– Ну раз всеобщая гибель уже не за горами, не стоит нам тянуть с этим делом! – говорит Ванда.

– Каким еще делом?

А Ванда снимает с себя золотой поясок.

– Что за...? – оторопел Оулавур.

А Ванда начинает расстегивать свою скаутскую курточку.

– Эй! Ты это... и не мечтай! Я к такому не приучен! К тому же говорят, что люди эльфов никак физически не чувствуют.

– А давай докажем обратное! – говорит Ванда, протягивая к нему руку, и обратное становится доказанным.

– Эй! Слыши! Ты это... прекрашай! И речи быть не может! – говорит Оулавур.

– Ну, ты что, будешь дожидаться, пока мы все помрём от радиации? – и она легонько шлёпает его своим золотым пояском.

Спустя несколько часов они, всё ещё раздетые, лежат во мху, и Оулавур не сводит с Ванды восхищённого взгляда:

– Когда мы поженимся, ты должна официально вступить в скауты!

– Думаешь, стоит? Они же там сразу увидят, что я – эльф.

– А ты можешь стать светлым эльфом¹!

Однако эта блестящая словесная находка Оулавура не вызвала у Ванды никакого восторга.

– Ну, ладно, зато наши дети могут стать скаутами – нет худа без добра! – добавляет Оулавур, стараясь сгладить свою неуклюжую шутку.

– Дорогой мой, всё погибнет до того, как они вырастут...

Вдруг Оулавур почувствовал, как здорово он продрог. Он сказал об этом Ванде, добавив, что ему пора одеваться.

– Хорошо, – ответила на это Ванда, приподнявшись на локтях так, что подпрыгнули её красиво округлённые груди.

Она и сама принялась собирать и натягивать на себя свои скаутские одёжки, и когда уже почти покончила с этим, как раз в тот момент, когда она собиралась надеть поясок, Оулавура вдруг как осенило. Он ясно увидел, какой это был дурацкий поясок, как

¹ В Исландии девочки-скауты в возрасте до 12 лет носят звание «Светлый эльф». (Прим. пер.).

он на самом деле ужасно не вязался со всей остальной скаутской формой, и что сам Оулавур никогда бы не смирился с таким вопиющим форменным нарушением. Ему подумалось, что Ванда, наверное, просто девчонка из рейкьявикских скаутов, у которой, как говорится, не все дома.

— Ты знаешь, Ванда, у нас с тобой ничего не получится, мне нужно возвращаться к своим, — рассудительно сказал Оулавур. — Ты извини, конечно, но все эти разговоры про детей — это так, бредни, как говорится, в пылу игры, и я очень искренне надеюсь, что ты по моей вине не забеременеешь.

Он видел, что у Ванды было влажное лицо, но была ли то её внутренняя влага или осевший на лицо туман, он сказать не мог. Она тут же отвернулась и пошла прочь, а он стоял и смотрел, как она постепенно растворялась в зелёном лавовом поле.

После этого Оулавур не нашёл ничего лучшего, чем сесть и снова вполголоса приняться за «Гинг-гонг-гули-гули». Между тем он беспрестанно вытирал с очков влагу и чувствовал себя последним подлецом. У него в кармане была припасена половинка шоколадки, и он решил покончить с ней одним махом — похоже, в его положении это уже не имело никакого значения. Потом он улёгся на мох и предался мечтам о Ванде, он тешил себя надеждой, что это была просто чокнутая скаутская девчонка и что он очень скоро опять на неё где-нибудь наткнется.

Оулавур уже засыпал, когда до него донесся собачий лай. Это прибыла поисковая собака и всё, что нужно было для спасения сбившегося с пути скаута. Человек с собакой на поводке стремительно приближался, а приблизившись, поспешил спросить, все ли у Оулавура было в порядке.

— Да-да! Все в порядке, в полнейшем порядке! — ответил тот, думая о Ванде. — Но вы даже не представляете, какое это невезение — оказаться без компаса!

ÓУСКАР ÁУРТНИ ÓУСКАРССОН (род. в 1950 г.)

Óускар Áуртни Óускарссон родился в Рейкьявике. Учился в исландском торгово-экономическом институте «Биврёст». Известен в Исландии как поэт, переводчик и мастер жанра путевых и житейских зарисовок. Его компактная малая проза скорее напо-

минает стихи в прозе, и поэтому её часто относят к поэзии. Первая книга «Полотенце на подоконнике» (Handklæði í gluggakistunni), вышла в 1986 году. С 1990 по 1994 год он был главным редактором издаваемого им исландского литературно-художественного журнала «Облако» (Ský).

ПУТЕШЕСТВИЯ

Он любил просиживать над географическими картами, мысленно пускаясь по ним в путешествия. Это было его самым страстным увлечением. Он собирал старые карты, пожелтевшие от времени схемы городских улиц и давно устаревшие расписания, а по вечерам карандашом прорисовывал на этих картах и схемах тот путь, который проделывал в каждом из этих своих воображаемых путешествий.

Путешествуя по карте, он видел птиц, взлетавших с опалённых солнцем полей, видел затянутое облаками небо в Марсельском порту, видел выглядывающую из окна в Гранаде девушку, одетого в голубую форму официанта в Вене, подзывающего для клиента экипаж, видел встающее над далёкой страной утреннее солнце.

Если он странствовал по старинным картам, то шагал пешком по пыльным дорогам, останавливаясь на ночь в постоянных дворах или устраиваясь на ночлег прямо в стоящем в поле стогу сена, где лежал, запрокинув голову и вглядываясь в бездонное ночное звёздное скопище.

Имелось у него и несколько особо любимых местечек, в которые он возвращался снова и снова, например, крохотная табачная лавчонка на боковой улочке в Праге, портовый городок в графстве Корнуолл, железнодорожный вокзал в Цюрихе.

Однажды, когда он, склонившись над старой картой Парижа, прогуливался по берегу Сены, его внимание привлекла женщина. Она сидела на скамейке у самой реки и читала книгу. Время от времени, оторвавшись от книги и подняв глаза, она задумчиво смотрела перед собой. При виде этой женщины что-то шевельнулось в его душе, ему вдруг очень захотелось подойти к ней и познакомиться, но, замешкавшись, он потерял её из виду. С тех пор он стал невольно высматривать её повсюду, куда бы ни от-

правился: в поезде по дороге в Москву, на уличных рынках в Стамбуле, в закопчённом лунном свете набережной Темзы... Иногда ему казалось, что её лицо промелькнуло в городской многолюдной толпе или на платформе глухого отдалённого полустанка...

И вот как-то раз, копаясь в старых атласах в букинистическом магазинчике на Вестургате в Рейкьявике, он заметил женщину, которая показалась ему знакомой. Да, именно – это была женщина на скамейке! Она, видимо, его не узнала и не обращала на него никакого внимания. Она рассматривала старую карту Дублина. Именно такая карта была у него дома! Он подождал, пока не убедился, что она купила именно эту карту. Он уже знал, что сегодня вечером отправится путешествовать по Дублину, по набережной Лиффи, и когда эта женщина тоже появится там, идя ему навстречу, он подойдёт и заговорит с ней!

Перевод с исландского Натальи Демидовой

БЕА ЛУИ ДЕ МЮРА (1665 – 1749)

Беа Луи де Мюра (Béat Louis de Muralt) – швейцарский дворянин, бывший на службе у Людовика XIV в швейцарской гвардии, некоторое время жил в Англии. В своих «Письмах об англичанах и французах»¹ первым среди европейцев дал сравнительное описание двух народов. Эти «письма» были очень популярны и неоднократно издавались в XVIII веке.

ФРАНЦУЗЫ И МОДА

Изо всех странных особенностей французов самая большая и включающая много других – это мода, что отличает их от всего остального мира. Мода – их тиран во всем её кажущемся неистовстве, играет с ними, испытывает и хвалится своим всемогуществом. Действительно, все народы подчинены этому обычаю, и это, несомненно, несчастье народов. И попав в такую зависи-

¹ Muralt, Beat Louis de (1665–1749) *Les Lettres sur les Anglais et les Français* (1725). Berne – Paris, 1897. pp. 165–179.

мость, достаточно делать как остальные, она избавляет от необходимости проверять, что делается, и самые порядочные люди те, кто мог бы поправить других, увлекаются общим потоком, опасаясь, что поступая иначе, они сойдут за чудаков. Но, по крайней мере, у всех этих народов привычка имеет нечто упорядоченное, и каждый знает, что она потребует от него. Во Франции не так, в обычай нет ничего устоявшегося, это поток, изменяющий своё направление, и всякий раз, выходя из берегов, он захватывает всю страну. Насытившись одной причудой, переходят к другой; и снова люди порабощаются новой могучей силой, которая во всех этих переходах держит людей в постоянном напряжении, чтобы снова подчинить их в следующий раз. Это занятие, в котором французы находят удовольствие, им кажется свободой, и походят они на заключённых, которым каждый день меняют цепи, и по этой причине они считают себя свободными. Откуда эта странность, скажете вы? Почему она чаще меняется во Франции, почему её сила там больше, чем в других местах? Это потому что французы, больше чем все другие народы, подвержены переменам и чувствительны к новизне, и в то же время стремятся к единобразию: каждый хочет быть как остальные. Они, может быть, с большей лёгкостью отказываются от некоторых свобод, чем другие. Всё это вместе покоряет французов моде, она объединяет их новизной и угождает их непостоянному характеру, и незаметно они поддаются ей во всем. Все признают её власть: и гранды, и король, как и прочие; мода похожа на судьбу, о которой говорят поэты, которая выше всех богов и которой подчиняется сам Юпитер.

И если захочет рассмотреть подробно всё, чем мода обязывает французов, это означало бы начать их описывать, так как всё, что делается во Франции и о чём я говорил в своих письмах, всё, что я могу вам ещё сказать, всё зависит от произвола моды, а эта область так богата, что весьма трудно определиться, о чём именно говорить. Начнем с одежды, которой французы придают важное значение.

Иностранный во Франции удивляется постоянным изменениям моды в этом вопросе. Он считает, что видит людей, постоянно примеривающих новую одежду и не могущих найти подходящую. Всякий раз, когда они переходят к новой моде, французы на

полном серьёзе уверяют и с резонами доказывают, что она лучше им подходит, что она удобнее той, которую они только что оставили, и можно было бы поверить, что в этом что-то есть. Тем не менее, после сотни перемен от хорошего к лучшему, они возвращаются к былым модам, то есть после многих пертурбаций, они оказываются там же, откуда вышли. Если что их и останавливает, так это подражающие им соседи: по манерам, которыми они утешают моду и находят удовольствие перещеголять французские новинки, кажется, что они замышляют скорее сделать карикатуру на французов, чем подражать им. Но это не так. Французы обходительны в своих изменениях моды: они подбирают в ней всё подходящее им, и всякий народ, подражая им, сам себя делает смешным. Кажется, что французы созданы для их одежды, и всегда для последней на них, а мы с каждой новой модой кажемся в ней посмешищем. Что в этом удивительного, так это то, что так много народов ими становится, стараясь приобрести себе смешные черты французов и обременить себя ими. Это заходит так далеко, что те из французов, которые предпринимают попытки оправдать свою нацию в вопросах моды, ссылаются на прибыль, которую она получает, дорого продавая свои безделушки остальному миру; и, надо признаться, это основательный довод, и, в конце концов, надо не столько смеяться над французами, сколько над самими собою, как смеются над простофилями, а не над шарлатаном, когда тот распродает им всякую дрянь для собственного обогащения.

Не менее часты перемены моды не только в одежде, часто они больше докучают, относясь к трудно заменяемым вещам. Один разоряется сменой мебели ещё новой, но уже больше немодной, другой меняет хорошо сделанную, вышедшую из моды посуду. Третьему уже до конца постройки не нравится дом, поскольку возникла новая манера строить дома. А вот эта увольняет слуг, которые хорошо ей служили, но уже не в моде, так слуг сменяют даже у женщин, где в этом отношении ничего бы не должно меняться. Мода позволяет им сменить их на мужскую прислугу, доставляя тем самым удовольствие что-либо изменить. В одно время это были малолетние слуги, в другое – уже лакеи взрослые, в третий раз это пажи, а уж некоторые захотели иметь арапов. Я совсем недавно слышал, что возникло желание соста-

вить прислугу из немых, и в это совсем нетрудно поверить: после некоторого типа слуг, которых, несомненно, не позволит французская учтивость ввести, судя по тому, какой оборот приобретают дела, немые должны им подойти. Перемены в моде не останавливаются на слугах; люди любого состояния опускаются и поднимаются с её приливами и отливами, и человеку следует иметь какие-либо выдающиеся заслуги, чтобы она не потеряла его из виду. И напротив, не бывает характера или таланта настолько отвратного, лишь бы он имел в себе что-нибудь заметное, чтобы нельзя было его когда-нибудь увидеть в моде. Даже сам ум, лелеемый кумир этого народа, зависит от этого ещё более великого идола.

Одно время в моде были остроты, в другое – экивоки; было время, когда в разговоре слышались одни пословицы, а некогда говорили загадками. Был и стиль жеманный, и стиль напыщенный. Может быть, нынешний блестящий стиль мода заменит простым и здравым, и уже есть некоторые французы, что осмелились забежать вперёд.

Язык их тоже зависит от моды и ощущает на себе её капризы, и умные люди, объединившиеся на его защиту, не смогли бы обеспечить его безопасность. Не только новые выражения, вводимые модой, не всегда возмещают те, от которых она избавляется, но вносимые ею изменения, вместо того, чтобы сделать язык более совершенным, обычно делают его более причудливым и странным до такой степени, что сами французы не всегда согласны в решении сомнительных случаев. Из всего этого происходит то, что лучшие писатели один за другим выходят из моды, то есть становятся смешными для большинства читателей. Деликатный слух француза с трудом выносит устаревающее слово; и есть такие, что портят ему целую страницу, а для некоторых сверхделикатных и целую книгу, как это уверяет один из французских авторов и, пользуясь случаем, исходя из этого, рекомендует чистоту стиля писателям, чтобы их читали. Впрочем, мода установила для писателей некий вежливый прием, что нужно отметить мимоходом, что теперь они не ставят собственных имён в заголовках своих произведений: больше уже нет пишущих Жанов и Пьеров, это было бы слишком естественно и старо. Авторы новых книг всегда или очень часто господа, они озабочены нас об этом

предупредить в заголовке их произведения или произведений, и где действительно больше господина, чем человека, тем больше словес, чем чувств и реальности, и названия соответствуют этой озабоченности и оправдывают их. Я, думаю, что французы обязаны этим политесом перехлесту моды на тему «господина», что она распространилась везде. Титул этот постоянно употребляем в книжном разговоре также оттого, что, называя часто кого-либо или слыша, как кого-либо называют, его начинают давать самому себе. Пока это делается только в книгах, и мода ещё делать так не пришла в обычный разговор, но мне кажется, что мы недалеки от этого. Уже жена, говоря о муже, называет его только господин (месье) или господин такой-то. И сам месье называет свою жену только мадам, и когда говорит о ней, она всегда госпожа (мадам) такая-то. Остаётся только один шаг, чтобы дать такой титул самому себе и превратить в господина (месье) и госпожу (мадам) все эти худосочные односложные слова. Эти *я, я (moi, je)*, так часто появляющиеся в разговоре, будучи недостойны обозначать изысканных персон, должны быть оставлены народу, которому и подходят. Бессспорно, это будет верх учтивости и не замедлит установиться в обычай.

Наконец, мода господствует одинаково и в самом большом, и в самом малом. Она господствует и над самими людьми, управляя их поведением и образом жизни, внешностью и манерами: и это по её повелению такой-то хочет стать безбожником или ханжой, учёным или невеждой; она относится к вину или к женщиным, к своей или чужой жене. И вот нынче мода во Франции запрещает привязанность мужа к жене, и, если на прогулке или в других случаях он подаёт ей руку, это будет крайне по-мещански и старомодно. Всякий женатый мужчина из бомонда должен предоставить другому заниматься его женой и говорить, что он находит её красавицей, как и он с его стороны – заниматься чужой женой и ей говорить о её прелестях. И прелести, они тоже зависят от моды. То они находятся в карих, то в голубых глазах. Было время, когда орлиный нос украшал лицо, но было и время, когда немного вздёрнутые или курносые носы были в милости и побеждали носы орлиные. Мода не останавливается на сём прекрасном пути, она находит новые шармы.

Теперь она сосредоточилась на груди, которую она извлекла из мрака на белый свет, как на одной из прелестей прекрасного пола, и, кажется, пока на этом остановилась. Может быть, на отдыхе она замышляет некую великую идею: как в своё время она триумфально господствовала над мужчинами, толкая их пародировать своей отвагой и с весёлым сердцем убивать друг друга, может быть, она замышляет завершить свой триумф и над женщинами, подтолкнув их выставить на божий свет ну все-все их приманки. И именно в этом случае женщины соседних стран, всегда готовые к исполнению всех желаний моды и более охоче, чем сами француженки, будут вынуждены удовольствоваться имитацией, без возможности и радости их превзойти. Вернёмся к другим постановлениям моды.

Как я уже сказал, они простираются очень далеко и заметны даже в позах и осанке. Есть правило, как возлежать или сидеть прямо в карете, прямо или склонившись, сидеть на стуле или в кресле. Когда-то французы носили головные уборы, и тогда были разные манеры их надевать и снимать. Теперь они их не носят больше, чтобы не испортить парик, к которому мода обращает особое их внимание и почтение, поскольку парик и есть ныне головной убор французов. Он есть удачное исправление мужской шевелюры, которую природа часто не балует изобилием. Есть правила еды по моде, обслуживать себя и других, что должно деляться с разными ужимками, выражающими изысканность. Особенно должно проявлять крайнюю внимательность к нуждам других, их предупреждать и не позволять, чтобы они были вынуждены к суровой необходимости самообслуживания. Но в этом, как и в другом, мода не останавливается только на поверхности, она подходит к существенному: и, в согласии с её уставами, одно блюдо полезно или вредно, пресно или вкусно, что оно должно быть приправлено так или иначе, подано в начале или в конце трапезы. После чего по моде следует игра, о которой я уже говорил; так как снова есть мода располагать временем и проводить его, и трудно было бы установить всем приемлемую моду, зависимость к которой была бы более добровольной. Она устанавливает род игры, в которую годится играть, и время от времени смену её. Это служит к возбуждению интереса новизной у тех,

кто утомлён старой, и для привлечения в игру того, кто ещё не играл.

А беседа, скажете вы, не зависит ли она от моды по теме или роду разговора? Не говорят ли больше по некоторым темам, которыми правит мода, чем по другим? Нет, сударь, здесь француз сохраняет свою свободу. Он разглагольствует о себе самом и обо всём, что ему приходит в голову, в той степени, как он находит подходящим, и я не думаю, что что-нибудь могло ему в этом помешать. Но чтобы мода не потеряла своё право на важность в разговоре, французы по своей доброй воле охотно начинают говорить о моде, и говорят о ней со всей прилежностью, какую заслуживает величие темы. Или, скорее, они уважают моду, чтобы не говорить о ней самой, о её происхождении и достоинстве, но они рассуждают об её установлениях, которые они называют модами. Они их одобряют и оправдывают перед тем, кто находит что-нибудь против. Они тщательно рассматривают и зрею взвешивают всё то, что в ней может быть не определённо или двусмысленно на эту тему. Вопрос о предпочтениях между «древними и новыми»¹, на чем они проводят параллели, великий вопрос, который занимает все светлые умы Франции, не больше обсуждается среди них, чем вопросы о былых и нынешних модах. Между ними проводятся параллели, делаются замечания на тему, как последняя мода больше к лицу по сравнению с прошлой. Приводятся резоны о контурах рукава, грациозности обшлага, о числе пуговиц на нём, и о подобных материях, коим устанавливают и придают цену с большой точностью.

Спор о древних и новых (полемика во Французской академии конца XVII века вокруг сравнительных достоинств литературы и искусства античности и современности).

Прилежно интересоваться деталями всех этих вещей, с точностью осведомляться о них – означает иметь вкус. Есть род соперничества и славы в этом отличиться. Не знать или пренебречь ими – это уже старо, или, как они говорят, из другого света, который судят совсем другим по сравнению с нашим, чтобы подозревать, что в нём подобные вещи не могут иметь места.

Одним словом, мода заправляет всем во Франции, и во всём французы ей совершенно подчиняются. О! Как забавна история

¹ фр. *Querelle des Anciens et des Modernes*, буквально «ссора». (Прим. пер.).

моды! Если бы она у нас была, тогда бы это божество заслужило храм в стране, где ей так религиозно поклоняются, но почему бы не захотеть воздвигнуть её храм в Париже, где она законодательствует, и где все собираются для коленопреклонений перед нею и приносят жертвы? Французы появляются в Париже образовать себя, и те, кто никогда не был в нём, – ненастоящие французы, презираемые провинциалы. Иностранцы тоже стекаются со всех сторон, чтобы образовать себя, приобрести звучное имя, внешность и престижные привычки для своих земляков, что прибавляет чести французам. В этом отношении манерами и привычками французы недалеки от всемирной монархии, будучи все её покорными подданными, если только они не как тот необузданный испанский язык:

Cuncta terrarum subacta,
Praeter atrocem animum Catonis¹.

Что не должно доставлять им менее удовлетворения, как если люди были бы им подчинены в другом смысле, поскольку манеры и привычки – главное для них, и что они считают себя в зависимости, если для этого должны подчиняться правилам других. Что в этом удивительно, так это то, что те же люди, которые, кажется, испытывают к французам только презрение и ненависть, подчиняются им и признают их превосходство в этом отношении. Это чудо, которое трудно понять: ненавидеть народ в его привычках и манерах, без ненависти к этим привычкам и манерам, мне не менее удивительно, как если бы мне рассказали, что молния расплавила золото в кошельке, не повредив кошелька.

Отдадим справедливость моде за добро и зло, достающееся от неё французам. Большое и всеобщее зло её для них в том, что она привязана к новизне точно так же, как и к пустякам и к новинке, независимо от блага, которое должно ему сопутствовать. Она доставляет неудобства и разоряет много людей, делает всякое отличие ненавистным, возвращает в толпу тех, кто хотел выйти из неё. Я даже не знаю, мешает ли мода здравому смыслу и свободе духа; по крайней мере, истина в том, что по мере того, как обычай начинает господствовать в стране, её жители должны становиться в большинстве своём более ограниченными и менее

¹ Всей земли разврятельница за исключением упрямого Катона (лат.).

склонными слушать доводы рассудка; и на этом основании не может быть, чтобы мода не делала плохо французам. С другой стороны, добро в том, что она время от времени устанавливает некоторые хорошие привычки, те, которые, может быть, народ не приобрёл, если бы они исходили от менее освящённого авторитета. Всеми этими переменами, что она последовательно вводит, даже теми, которые разоряют одних, делая благо другим, рабочим и торговцам, обогащающимися ею, и ещё многим другим, которым последние дают возможность существовать. Добавьте к этому, что мода доставляет много тем разговора бесконечному числу умных людей и светских любезников, которые оказались бы иначе в затруднительном положении для поддержания своей репутации. Есть народы, которые отвергают типографии, поскольку много людей заняты переписыванием книг и живут этим. Все эти люди, говорят они, были бы вынуждены нищенствовать, и можно было бы опасаться, что они станут разбойниками с большой дороги. Можно сослаться на подобный довод и тем, кто захотел бы ввести строго определённую одежду и манеры и отменить моду: сколько светских любезников, для которых мода – основная тема их разговоров, не нашли бы, что говорить, и стали бы бросаться на своих ближних. Одним словом, мода отвлекает беспокойный и изменчивый нрав этого народа от важных предметов, которые могли повлечь тяжёлые последствия, и направляет на вопросы гораздо меньшей важности и туда, где постоянные перемены своей новизной находят практическое применение. Тем самым, безделка получает цену и становится, в свою очередь, значимой, а поскольку французский характер постоянно занят пустяками, она некоторым образом возвышается в значимости. Будет ли, наконец, мода, со всем тем, что она имеет и низкого, и странного, благом для этого народа? В этом случае возможно ожидать разлива моды во Франции, как разлива Нила в Египте, разносящего повсюду ил – благодеяние природы для всей страны.

Прощайте, сударь, воистину ваш покорный слуга.

Перевод с французского Николая Епишикина

ЭДВАРД МУНК О ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Вся жизненная энергия Эдварда Мунка¹ целиком сосредоточилась на его творчестве.

Его краски кричат.

Его линии говорят, а слова оказываются способными выразить цвет, зрительное впечатление.

Мунк тонко ощущал духовные веяния и ритмы своего времени, разрабатывал новую эстетику, много экспериментировал и как творческая личность в широком смысле, и как художник-новатор, сознательно использующий различные технические приёмы и материалы.

Литературные тексты Эдварда Мунка очень разноплановы и хаотичны, часто написаны в состоянии алкогольного опьянения или сильных любовных переживаний. Его высказывания – не объективные научные истины, а сугубо художественные, существующие в рамках его сознания, его художественной системы. Утверждения, некие постулаты, раздумья весьма многообразны и, порой, прихотливы по форме, так что их жанр определить порой невозможно (комментарии, заметки, стихотворения в прозе). Эти плоды его причудливой фантазии сродни его эскизам, живописным и графическим наброскам. Часто записи велись разноцветными карандашами, параллельно с набросками, рядом с ними или даже непосредственно на каких-то рисунках.

Эдвард Мунк творил и стремился осмысливать процесс творчества, не думая о каких-то художественных манифестах. Читая написанное им, мы просто соприкасаемся с его художественным сознанием, проникаем в его творческую лабораторию.

Представляю небольшую подборку текстов прославленного норвежского художника.

Элеонора Панкратова

Дело в том, что в разное время мы смотрим на вещи по-разному. Одно дело – утром, другое – вечером. Наше восприятие зависит также от нашего внутреннего настроя...

Если человек утром выходит из тёмной спальни в гостиную, то он может начать видеть всё вокруг, например, в голубовато-синей дымке, несмотря на то, что кругом глубокие тёмные тени. Постепенно, когда он привыкает к освещению, тени становятся

¹ См. статью об Э. Мунке в журнале «Переводчик» № 13, 2013 (СС. 232–236). (Прим. ред.).

более отчётливыми. Если художник намерен создать полотно с определённым настроением, то он не может просто сидеть и пристально разглядывать окружающее, чтобы потом «изобразить всё, как есть». Он должен творить, как требует замысел...

В состоянии алкогольного опьянения все видится по-иному, замыслы и изображения сыплются из тебя, как из рога изобилия, окружающее кажется хаосом. И, действительно, в таком состоянии художник может многое видеть в искажённом виде... Если у него двоится в глазах, он может нарисовать два носа вместо одного. И если бокал видится склоненным, то он и должен изображать его таковым...

Стул может представлять не меньший интерес для художника, как и сам человек. Ведь на стуле может сидеть человек. И внимание художника может оказаться захваченным восприятием этого стула. И в этом случае художник должен рисовать не стул, а то, как человек себя чувствует на нём¹.

Ни к чему изображать интерьеры, мужчин за чтением книг или женщин за вязанием. Нужно изображать живых людей из плоти и крови.

Я создам серию таких картин. И они станут священными полотнами, перед которыми зрители захотят снять шляпу, как при входе в церковь.²

Фотография никак не может конкурировать с живописью, поскольку она не способна запечатлеть рай или ад³.

Всякое произведение искусства – это своего рода кристалл. У каждого кристалла есть своя душа и энергия, точно также и произведение искусства должно обладать этими качествами.

Умение представить внешний план и очертания предмета недостаточны для создания подлинного произведения искусства⁴.

¹ (Arne Eggum, Edvard Munch Malerier, skisser og studier, 1983, s. 57). Арне Эггум Эдвард Мунк Картинны Наброски, штудии, Осло, 1983, с. 57.

² Сент Клу, 1889 (N 63 © Copyright Munchmuseet).

³ Оргордстранд, приблизительно 1904 (N 63 © Copyright Munchmuseet).

⁴ Экелю, Скёиен, 1929 (N 63 © Copyright Munchmuseet).

Искусство противостоит природе.
В живописи я не подражаю природе, я черпаю из её сокровищницы¹.

Киркегор жил в фаустовское время.
Дон Жуан, моцартовский дон Жуан.
В те времена мужчина соблазнял невинную девушку.
Я живу в переходное время.
Наступает эмансипация.
Теперь женщина преследует, соблазняет и предает мужчину
– Время Кармен.
Теперь мужчина – слабый пол².

Я шёл вдоль дороги.
Слева был город, а внизу лежал фиорд.
Я был усталым и больным.
Стоял и смотрел на фиорд.
Солнце садилось в кроваво-красные облака.
И вдруг я ощутил крик, пронзающий природу, всё вокруг. И я изобразил кроваво-красные облака и цветной крик. Так появился КРИК во «Фризе жизни»³.

Я шёл ясным солнечным днём по улице Карла Юхана, звучала музыка, душа наполнилась ощущением праздника.

Весна, солнечный свет, музыка – все претворилось в единое ощущение счастья. Звуки музыки все больше и больше обретали цвет со всеми новыми и новыми оттенками. Я нарисовал картину, на которой цвета вибрируют в музыкальном ритме. Я изобразил краски дня такими, как я увидел их тогда⁴.

Я изображаю не то, что я вижу сейчас, а то, что видел рань-

¹ Кристиания, 1903–1904 (N 63 © Copyright Munchmuseet).

² 27-2-29 (T 1744 © Copyright Munchmuseet).

³ «Фриз жизни», цикл картин художника, по выражению датского культуролога Тойнера «история о любви, страхе и смерти». (T 72 © Copyright Munchmuseet).

⁴ (T 72 © Copyright Munchmuseet).

ше¹.

Я думал о том, что ничто нельзя измерять понятием малое – большое. Внутри каждого человека – целый мир. Из малого получается большое, из большого – малое. Каждая капля крови – это целый мир, в котором есть своё солнце, планеты и созвездия, и всё в одной капельке крови, маленьком элементе нашего организма. В нас бог, и мы сами – бог. И изначальный свет пронизывает всё, и там, где есть жизнь, есть и свет.

Всякого рода кристаллы рождаются и формируются, словно дитя во чреве матери – и даже в самом твёрдом камне теплится жизнь.

Смерть – начало новой жизни.

Кристаллизация.

Смерть – начало жизни.

Мы не умираем – это мир умирает, уходит от нас.

Смерть – это любовь к жизни и боль, эта артерия, по которой струится радость.

В своих мечтах и фантазиях я как лунатик, который идёт по острому гребню крыши. Меня не надо резко будить, ведь тогда я упаду с крыши и сломаю себе шею².

Каким образом цветовой спектр ощущает музыку в себе, а музыка – цвета внутри себя.

(Поэзия – это музыка и живопись, выраженные словами).

То, что мы слышим – это восприятие барабанных перепонок.

То, что мы видим – это световые волны, воспринимаемые зрительными нервами.

Поэзия – это зрительные и слуховые волны, переработанные нашим сознанием.

Живопись – это ментальные впечатления, полученные посредством зрительного восприятия.

Искусство противостоит природе.

¹ Кристиания 1890 (N57© Copyright Munchmuseet).

² (T2702© Copyright Munchmuseet).

Искусство суверенно в своём царствовании.

Искусство берёт от природы необходимое и отбрасывает всё лишнее.

Искусство – самостоятельная часть империи по имени природа.

Искусство подчиняет себе часть этой империи, обуздывая свою жажду кристаллизации.

Требование к форме – ограничение.

Природа – подспорье для творца.¹

Перевод с норвежского Элеоноры Панкратовой

СОВРЕМЕННАЯ ИСЛАНДСКАЯ ДРАМА

СВАВА ЯКОБСДОТТИР (1930 – 2004)

Свава Якобсдоттир – один из «столпов» исландского литературного модернизма. Автор романов, новелл и пьес – но также и филолог, в том числе, теоретик современной литературы, исследователь древней скандинавской словесности и фольклора. Перевод пьесы «Генеральная репетиция» печатается с любезного разрешения наследника Свавы, её сына Яакоба Йоунссона.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ (1983)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ари, инженер

Бета, его жена, преподавательница игры на фортепиано

Лилья, ученица Беты

Между актами играет музыка Белы Бартока.

¹ (T 2742 © Copyright Munchmuseet).

Ужас – и яма и петля для тебя, житель земли!

¹⁸Тогда побежавший от крика ужаса упадёт в яму; и кто выйдет из ямы, попадет в петлю; ибо окна с небесной высоты растворяются, и основания земли потрясутся.

¹⁹Земля сокрушается, земля распадается, земля сильно потрясена;

²⁰Шатается земля, как пьяный, и качается, как колыбель, и беззаконие её тяготеет на ней; она упадёт, и уже не встанет. (Книга пророка Исаи, 24, 17–20).

АКТ 1

Действие пьесы происходит в ядерном бомбоубежище в нижнем этаже подвала под большим особняком в Рейкьявике. У стен не найти пустого места: от пола до потолка – полки, набитые тем, что состоятельные люди считают предметами первой необходимости; всего этого хватит, чтоб прожить в бомбоубежище до полуго-да. В т. ч. там банки с консервами и другие продукты, гигиенические принадлежности, одежда. Кое-что из этого упаковано в ящики с подписями. Всё аккуратно расставлено и удобно разложено. На сте-не справа висят приборы для измерения температуры, уровня влаж-ности, кислорода и радиации. Там же висит карта Исландии с нари-сованными на ней кружками и значками, показывающими, что мо-жет произойти, если в районе Кеплавикского аэродрома сбросят ядерную бомбу. Под самым потолком на задней стене – вентиляци-онная труба. На левой стене – ручной насос для переносной ветряной электростанции, которая стоит во дворе. Впрочем, он задуман всего лишь как аварийное оборудование – на тот случай, если даст сбой автоматика. На стене у входа – мишень, которую после первого дей-ствия снимают.

В бомбоубежище двухспальная кровать, тумбочка с ящиком, складной стол, два удобных стула, компьютер и письменный стол Ари. В ящике тумбочки хранится пистолет. На полу зелёный тканый коврик. Он – единственный предмет в этом помещении, который ра-дует глаз. В одном углу убежища баллон с кислородом, а у входа ог-нетушитель. На полке у задней стены стоит микроволновая печка, там же – место, чтобы готовить пищу.

Вход в убежище расположен в середине задней стены и закры-вается стальной дверью в десять сантиметров толщиной. За этой дверью лестница и, когда она открывается, видна лестничная пло-щадка. Там на стене висят два защитных костюма и два противога-за. С правой стороны сцены вход в хранилище водорода, там поме-щаются водородный генератор и запасы водорода. Дверь в это по-

мещение всё время заперта. С левой стороны сцены дверь, ведущая в уборную. Там хранятся бочки с водой, там же запасной выход.

Потолок в убежище довольно низкий, а на полу мало свободного пространства.

В самом начале пьесы Ари один на сцене. Он сидит за своим столом и листает карточки в картотеке. Сверху доносится игра на фортепиано – менуэт Баха. Когда менуэт заканчивается, Ари поднимает глаза и только сейчас начинает к чему-то прислушиваться. Ари – аккуратный, внушающий доверие человек, в костюме и белой рубашке, 38 лет. Он собственными усилиями выился в люди и получил образование благодаря исключительному старанию и упорству. Весь его вид излучает уверенность в себе. Как это нередко бывает у людей, щедро наделённых сочетанием уверенности в себе, сильной воли и предпримчивости, он не считается с чувствами окружающих, он ни минуты не сомневался в том, что желания Беты совпадают с его собственными. Да и сама Бета всегда следовала его советам и слушалась его указов, не задаваясь вопросом об их правомерности, так как он управляет не с помощью ярости, а с помощью любви и заботы, которые она считает естественными. Входит Бета, одетая в шикарный домашний костюм, ухоженная, с уложенными волосами. Она необыкновенно красивая и привлекательная женщина, 35 лет. Лицо у неё умное, но в её мимике и жестах есть что-то инфантильное, что-то, что показывает, что ей в жизни не приходилось сталкиваться с большими трудностями.

АРИ: А, наконец, вот и ты. Я уже начал думать, что ты не придёшь.

БЕТА: Лилья только сейчас ушла.

АРИ: А почему ты, собственно, всё ещё даёшь уроки игры на фортепиано? Ты же вроде собиралась больше не брать учеников?

БЕТА: А я и не беру. Лилья единственная.

АРИ: Это тебя связывает по рукам и ногам.

БЕТА: Да... бывает...

АРИ (заботливым тоном): Прекращай с ней заниматься.

БЕТА: Ах, ты же знаешь: я такая – мне сложно сказать человеку «нет». Ведь тебе же я ни в чём не отказываю, милый, правда?

АРИ: А попробуй! (Легонько целует её).

БЕТА: Она такая заинтересованная! И такая целеустремлённая. Она добросовестно упражняется, старается из всех сил, но она, бедняжка, просто криворукая. Не знаю, начнёт ли у неё хоть когда-

нибудь получаться. Перед её уходом я сама сыграла для неё этот менуэт.

АРИ: Всё, нам пора приступать.

БЕТА: Я сегодня не в настроении. Может, завтра?

АРИ: «Завтра, завтра, не сегодня», – а завтра он уже в гробу.

БЕТА: Что ты такой мрачный?

АРИ: Да, я такой: мрачный, дотошный, правильный и люблю читать морали.

БЕТА: А откуда была эта цитата?

АРИ: Какая?

БЕТА: Ну, про то что «завтра он уже в гробу». Это где-то написано, или ты сам сочинил?

АРИ: Не знаю. Уж где-нибудь это точно написано.

БЕТА: Боже мой! После восхитительнейшего менуэта – сразу твои разглагольствования о смерти. Пойду-ка я отсюда... Да, кстати, а как тебе моё новое платье?

АРИ: Бета, мы должны довести всё до конца. Это может понадобиться в любой момент.

БЕТА: В любой?

АРИ: Отчего бы и нет? Что мы вообще знаем?

БЕТА: Но сперва скажи, как тебе моё платье?

АРИ: А тогда ты обещаешь потом со мной заняться проверкой?

БЕТА: Даю честное слово!

АРИ: Ничего себе платье.

БЕТА: Ничего себе? И всё?

АРИ: Шикарное. Но если б его покупал я, я не стал бы выбирать такой кричащий цвет.

БЕТА: По-твоему, это кричащее? Вечно ты хочешь, чтоб я носила только чёрное да белое.

АРИ: Вот если б оно было чёрным – было бы очень красиво.

БЕТА: Но это же просто домашнее платье.

АРИ: Да, но ты-то у меня особенная... ты – классика.

БЕТА: Что же ты не скажешь: «Ты – красивая женщина». Вот Лилья меня так назвала.

АРИ: Лилья?

БЕТА: Моя ученица.

АРИ: Она тебя прямо так и назвала?

БЕТА: Да. По-твоему, я никому не кажусь красивой, кроме тебя?

АРИ: И мелкие девчонки прямо такое говорят?

БЕТА: Ей уже лет двадцать.

АРИ: Двадцать? Она что – лесбиянка?

БЕТА: Никогда об этом не задумывалась.

АРИ: Говорил же я тебе, и не раз: немедленно прекращай эти уроки!

БЕТА: Знаешь, вообще-то, когда она смотрит на меня, у неё глаза страстно блестят, и в голосе появляется такая горячечность, когда она обращается ко мне. Она так жадно смотрит на меня, как будто выбирает себе рыбу на обед: «Вот красивая рыба».

АРИ: Отвратительно!

БЕТА: Родной, у меня она никакого вожделения не вызывает. Ведь рыбы его и не испытывают, правда?

АРИ: Если ты не прекратишь эти уроки музыки – к нам в дом такого народу наползёт!

БЕТА: Да я просто хотела подразнить тебя. Лилья не такая. Совсем не такая... А мужчины ревнуют к лесбиянкам?

АРИ: По-моему, это не смешно.

БЕТА: Но она мне вправду так сказала. В первый раз, когда пришла. Вошла, остановилась посреди гостиной, огляделась по сторонам, тщательно рассмотрела каждый предмет: картины, статуи, белый диван (итальянцы такие дивные вещи выпускают, я вот на днях кофту видела)... да, и столик с мозаикой, и восточные ковры, – а я просто стояла и смотрела, как она смотрит: ей бы за фортепиано сесть, но она уже заплатила за урок заранее и, в общем-то, сама должна была решать, на что ей потратить это время; но это уже стало выглядеть настолько странным, что я, в конце концов, взяла и спросила, как ей нравится наша гостиная, и она ответила: «Красивая». (*Как бы сама себе*). Но глаза у неё были безжизненные, как будто её ничего не тронуло, а потом она взглянула мне прямо в лицо точно так же, как будто я – мозаичная столешница или мраморная статуя, и сказала: «И ты – красивая женщина».

АРИ: И что?

БЕТА: И мы начали играть. До, ре, ми... Она тогда даже нот не знала. (*Начинает красить ногти*).

АРИ: Что ты себе не заведёшь накладные ногти? На твои собственные просто смотреть страшно: сострижены до мяса.

БЕТА: Прости. Но с ними возни много.

АРИ: Ты сможешь снова отрастить их, если бросишь играть.

БЕТА: Бросить играть? Ари, милый, из-за ногтей музыку не бросают.

АРИ: Нет, конечно, я не это хотел сказать. Но как бы то ни было, по-моему, тратить время на таких учениц глупо.

БЕТА: Она хорошая... бодрая. И мне с ней становится весело. К тому же, она дочь Дисы.

АРИ: Дисы? Какой Дисы?

БЕТА: Моей подруги. Помнишь, она с нами в Германии была. В университете училась в одно время с тобой. На биофаке.

АРИ: Эта хиппи?

БЕТА: Она была не хиппи, а просто... просто...

АРИ: Что ж ты мне раньше не говорила, что её дочь у тебя занимается?

БЕТА: Разве не говорила? А по-моему, говорила.

АРИ: Нет.

БЕТА: Значит, забыла сказать.

АРИ: Диса с тобой общалась?

БЕТА: Нет, мы не встречались с тех самых пор, как жили за границей, но Лилья сказала, что она обо мне рассказывала.

АРИ: Ну всё, начнём наконец.

БЕТА: Но это девушка необычная. В таком возрасте – и побежала учиться музыке. Уж не знаю, что ею движет? К тому же, у меня как раз свободного времени много.

АРИ: А как же балетная школа?

БЕТА: Да, но, родной, я аккомпанирую им на балете всего два часа в неделю. Это всего-то ничего. Сейчас стать известным можно только в том случае, если ты что-то делаешь... для собственного развития. Чтоб все вокруг не думали, будто ты вечно только стряпаешь или пылесосишь. Да ты, родной, и сам не хочешь, чтоб твоя жена была такая. Ведь у меня даже ребёнка нет. Не все это понимают.

АРИ: Ладно, ладно. А теперь, наконец, начнём.

БЕТА: Хорошо. Что нужно проверить?

АРИ: Сейчас все приготовления подходят к концу, но мы должны посмотреть, всё ли как надо и всё ли на месте – абсолютно всё.

БЕТА: Вот именно.

АРИ: Нам нужно... а ты дом заперла?

БЕТА: Да, конечно.

АРИ: Нам нужно сверить картотеку с записной книжкой, чтоб убедиться, что мы ничего не забыли.

БЕТА: Я-то ничего не забыла.

АРИ: Но всё же надо посмотреть – чтоб быть на все сто процентов уверенными. Если мы что-нибудь упустили – ты знаешь, чем это нам грозит.

БЕТА: Знаю. Ведь я добросовестно сделала всё, как написано в записной книжке – как ты велел. Я все продукты закупила. Они все

здесь.

АРИ: Ты черничное варенье не забыла?

БЕТА: Конечно же, не забыла, дорогой. Оно вон там. А ты ничего не забыл из того, за чем должен был проследить?

АРИ: Я?

БЕТА: Ах, да, это выяснится при проверке.

АРИ: А ты не забыла сразу же записать все покупки на карточки?

БЕТА: Не забыла. Более того: я всё наизусть помню. Ветчина – 45 банок, говядина – 45 банок, овечьи головы – 20, гуляш из баранины – 20, я думаю, столько нам хватит, всё равно консервированная баранина не очень хорошая.

АРИ: Всё сходится.

БЕТА: Язык говяжий, почки… да, а ещё я купила курятину – я тебе потом покажу кое-что – я сперва думала курятину не брать, потому что её в консервах не бывает… вообще, много чего в консервах не бывает, например приличных омаров, – видишь эту коробку? Сухая заморозка.

АРИ: Сухая заморозка?

БЕТА: Да, отлично придумано. Это комплексные обеды. Например, вот в этой – курица с рисом, горошком, грибами… со всем. Просто растворяешь в кипящей воде…

АРИ: Так ты только воду изведёшь.

БЕТА: Тогда её можно будет экономить как-нибудь по-другому, например, посуду не мыть.

АРИ: Или не умываться.

БЕТА: Это относится только к тебе, я лицо кремом мажу.

АРИ: Нет, серьёзно: нам придётся очень-очень сильно экономить воду. И кофе литрами почём зря не хлестать, не забывай.

БЕТА: Одна чашка на человека по пять раз в день: к завтраку, к обеду, дневной кофе, к ужину и вечерний кофе.

АРИ: Минимальная норма считается два литра воды на человека в день. А я рассчитывал так, чтоб было не в обрез.

БЕТА: А ещё у нас есть бутылки с газированной и другой водой. Всё же будет нормально, правда?

АРИ: И горячую пищу мы будем есть всего один раз в день. Нам придётся экономить буквально всё – и электричество тоже.

БЕТА: А разве мельница не будет вертеться?

АРИ: Это она сегодня вертится.

БЕТА: Наверно, об электричестве не стоит так уж сильно тревожиться. В нашей стране всегда дует сильный ветер.

АРИ: Бета, ты что, не понимаешь, насколько всё это серьёзно?

БЕТА: Да, милый, но, по-моему, тревожиться – это больше по твоей части.

АРИ: Ладно. Ну, наконец-то! Начнём!

БЕТА: Я не могу листать карточки. У меня лак не высох.

АРИ: Тогда читай записную книжку.

БЕТА (*читает из книжки*): Абрикосы.

АРИ (*ищет по картотеке*): Абрикосы?

БЕТА: На букву «Ф» – фрукты. Без косточек.

АРИ: Есть.

БЕТА: Артишоки. (*Молчание, пока Ари ищет*). На «О» – овощи.

АРИ: Обязательно было всё так усложнять?

БЕТА: Усложнять? Так же гораздо проще. А ещё это согласно тому, где что хранится: вот тут полки с овощами, тут мясо, тут...

АРИ: Хорошо. Надо только понять эту систему. Я уж начинаю жалеть, что не научил тебя пользоваться компьютером. Так было бы проще.

БЕТА: Ананасы. «Ф» – фрукты.

АРИ: Я уже понял... Есть.

БЕТА: Альбом.

АРИ: Да.

БЕТА: Арбузы.

АРИ: «Ф» – фрукты.

БЕТА: Нет, «Л» – лакомства.

АРИ: Ты в своём уме?

БЕТА: Шучу, шучу. Конечно, фрукты.

АРИ: Есть.

БЕТА: Кусочками.

АРИ: Тут написано, 20 банок.

БЕТА: Будем их есть только по воскресеньям и праздникам.

Чтоб экономить место.

АРИ: Дальше.

БЕТА: Аспирин.

АРИ: Есть.

БЕТА: Батарейки.

АРИ (*ищет*): Что?

БЕТА: Батарейки.

АРИ: Не нахожу.

БЕТА (*дразнится*): А говоришь, ничего не забыл!

АРИ: Ничего не понимаю: я же батарейки записывал!

БЕТА: Они там на «З».

АРИ: На «3»?

БЕТА: На «3» посмотри: «Зарядные устройства».

АРИ: Бета! Ты мне карточки поменяла?

БЕТА: Только эту. А другие твои записи я не трогала.

АРИ: Зачем ты это сделала?

БЕТА: А по-моему, так звучит лучше: «Зарядные устройства».

АРИ: Ну ладно, что там дальше?

БЕТА: Алкогольные напитки.

АРИ: Есть. А какие именно?

БЕТА (*быстро пролистывает записную книжку; ей уже надоело это занятие*): Всякие. А ещё покрывала, фонарики, тазы, мыло, зубная паста, полотенца, салфетки, унитаз и туалетная бумага – в синий цветочек – бинты, мусорные вёдра… это всё здесь… всё, что нам нужно… А ЕЩЁ,,,

(Бета выхватывает из верхнего ящика тумбочки пистолет и стреляет в мишень на стене. Она так быстро всё это проделывает, что ничего не подозревавший Ари бросается на пол).

АРИ: Ты чтотворишь?!

БЕТА: Да ничего. Это шутка такая. Небольшой оживляж. Чтобы не мне говорить «пистолет», а чтоб он сам за себя сказал. Я не собиралась тебя пугать.

АРИ: Меня пугать?! Ты о чём вообще думала?!

БЕТА: Прости меня!

АРИ: Да ещё патроны попусту тратишь!

БЕТА: Прости!

АРИ: Что, прямо в яблочко?

БЕТА: Ага.

АРИ: Хорошим же ты стала стрелком!

БЕТА: Я много тренировалась. Ари, милый, прости, я не хотела…

АРИ: Бета, родная, не надо. Я не испугался.

БЕТА: Зато я как испугалась!

АРИ: Девочка моя. Вот видишь: нельзя ничего совершать, не подумав. Потому что так дело не пойдёт. (*Собирается продолжать проверку*).

БЕТА: А нам обязательно всё заканчивать сейчас?

АРИ (*вновь обрёл уверенность в себе*): Бета, мне пришло в голову…

БЕТА: Что?

АРИ: Ну, я вот что подумал: когда я всё расставлю, и все приготовления закончатся, нам нужно провести репетицию.

БЕТА: Какую репетицию?

АРИ: Какое-то время пожить здесь. Посмотреть, как тут всё будет работать.

БЕТА (*ошарашено, с ноткой недоверия*): Это из-за того, что я напортачила?

АРИ: Конечно же, нет. Мне нужно испытать электросистему. У нас должно быть достаточно электричества, даже если оно будет нам нужно только для того, чтобы работала вентиляция.

БЕТА (*всё ещё не может понять, насколько серьёзно его намерение осуществить эту идею*): Да, но ведь ты был так доволен всем. Я думала, у тебя уже всё-всё готово.

АРИ: Я не могу с уверенностью сказать, на какую силу ветра рассчитывать.

БЕТА: А это вообще можно узнать?

АРИ: Можно, родная. Это можно рассчитать с поразительной точностью, но для этого потребуется вести наблюдения.

БЕТА: Какие наблюдения?

АРИ: Ну, мне надо будет выяснить, сколько энергии ветряная электростанция, вероятно, произведёт за определённый период – скажем, за этот месяц.

БЕТА: Да, но мы не знаем, какая будет погода... тогда.

АРИ: Не суть. Надо всё сопоставить и узнать, какие бывают отклонения. (*Берёт со стола данные Гидрометцентра и показывает ей*). Здесь показана частотность направлений ветра: это за весь год, чаще всего – восточный, около 7%, переменный 0,1% и штиль 7,1%, разве непонятно? Это роза ветров...

БЕТА: Какое название красивое: «роза ветров»!

АРИ: Эти замеры произведены на Рейкьявикском аэродроме, а мы всё-таки находимся в нескольких сотнях метров от него. Так что у нас данные могут оказаться не такими.

БЕТА: Да, а другое электричество?

АРИ: Другое электричество?

БЕТА (*указывая на дверь водородохранилища*): Ну, вон то... в чулане.

АРИ (*мягко поправляет Бету*): Водород... Но, прежде всего, нам придётся рассчитывать на ветер. Водородный генератор – на крайний случай. Он включится только, если ветряная станция остановится. Но я не могу хранить бесконечные запасы водорода. Поэтому мне надо узнать, сколько она может производить... Ах, доверься в этом деле мне.

БЕТА: Меня продавец в магазине на днях спросил, зачем у нас

ветряная мельница в саду.

АРИ: Надеюсь, ты не сказала ему, зачем?

БЕТА: Конечно, нет. Я просто ответила, что мы вместо Энергосбыта перешли на ветер – чтобы экономить энергию.

АРИ: А он что сказал?

БЕТА: А он просто сказал: «Ишь, до чего эти инженеры додумались!»

АРИ: То есть, он ни о чём не подозревает?

БЕТА: А вот интересно, что люди скажут, когда эта мельница вдруг опустится под землю, а потом обратно наверх, и вниз, вверх-вниз, туда-сюда как маятник?

АРИ: Да не будет она туда-сюда. Я её спущу в цилиндр под землю только, когда мы закончим репетицию.

БЕТА (*набирает в лёгкие побольше воздуха: она поняла, что Ари говорит про репетицию на полном серьёзе*): А эту репетицию обязательно устраивать? Разве всё это не будет контролировать компьютер?

АРИ: Но ведь он может сломаться. К тому же, я должен убедиться, что в программах нет никаких дефектов – а это возможно только при полной имитации ситуации. А также необходимо проверить много всего другого. Стоит лишь одной детали сбиться – и всё: весь остальной труд наスマрку. Какой-нибудь важной детали. Вдруг мы что-нибудь забыли или у нас что-нибудь кончится... Вдруг мы в чём-то просчитались?

БЕТА: Ну, очевидно, не просчитались.

АРИ: Терпеть не могу ошибки.

БЕТА: Ты их и не делаешь, Ари, родной.

АРИ: Что же тебя так смущает в том, чтобы проверить, как всё работает?

БЕТА: Сидеть здесь? А потом все запасы придётся обновлять?

АРИ: Нет, запасы, которые здесь, мы трогать не будем. Брать можно будет только то, без чего не выжить. И большим резервуаром для отходов тоже не стоит пользоваться.

БЕТА: Тогда это невозможно.

АРИ: Мы можем держать запасы в верхнем этаже подвала. Я буду подниматься наверх один раз по утрам за дневной порцией еды и выносить туалетное ведро и мусор.

БЕТА: Ну, тогда эта репетиция будет не настоящая.

АРИ: Это будут единственные исключения.

БЕТА: А почему именно ты? Почему не я? Мне что – здесь киснуть?

АРИ: Разумеется. В этом весь и смысл. Когда всё будет по-настоящему, ты оттуда – ни ногой. Что бы ни случилось.

БЕТА: А это долго будет?

АРИ: Этого никто не может предсказать. Я так думаю, месяца три... в крайнем случае, шесть.

БЕТА: Я про эту репетицию. Долго ли...?

АРИ: Месяц.

БЕТА: Месяц! А как же всё там, наверху? Мне же надо в балетной школе играть!

АРИ: Найди себе замену.

БЕТА: А людям я что скажу? Маме, Лилье...

АРИ: Лилье?

БЕТА: Моей ученице.

АРИ: Не стоит об этом так беспокоиться. Скажи ей, что тебе надо в отпуск для поправки здоровья. Скажи, что тебе надо провести месяц во Флориде.

БЕТА: Во Флориде! Нас не спросят, отчего это мы постоянно торчим в этой Флориде?

АРИ: Вздор. Мы туда давно ездили.

БЕТА: Мы там были осенью.

АРИ: Ну и что?

БЕТА: А ты? Ты-то можешь исчезнуть на месяц?

АРИ: Вот что значит – «сам себе господин». „My own boss“, понимаешь? Конечно, нехорошо столько времени где-то пропадать, но я загружу народ в конторе работой и... и, может, я скажу им, что собираюсь в Японию для закупки роботов.

БЕТА: А я больше хочу на Кипр. Я никогда там не бывала.

АРИ: Ну ладно: Кипр так Кипр.

БЕТА: Нет, я серьёзно. Я больше хочу провести месяц на Кипре, чем здесь.

АРИ: Мы потом съездим на Кипр. Обещаю.

БЕТА: А ты правда уверен, что это нужно?

АРИ: Да, и чем больше я об этом думаю, тем больше проникаюсь такой уверенностью. Не забывай: речь идёт о нашей с тобой жизни. Всё будет не так уж плохо. Здесь можно приятно проводить время. Только мы вдвоём. Одни.

БЕТА (*видит его непоколебимость и спасается бегством в мир игры и фантазии*): Тогда это должно быть романтично: на Кипре, под горячим солнцем в пальмовых рощах.

АРИ: Не забывай: бомба уже взорвалась. Спастись нельзя нигде, только здесь. А наверху мерзость запустения, атмосфера опасна для

жизни... тебе нельзя наверх... и сюда никому нельзя.

(Затемнение).

АКТ 2

(Первый день в бомбоубежище. Ари и Бета сидят за накрытым столом. Стол покрыт белой скатертью. Кроме столовых приборов на нём фонарь или другой электрический источник света, для украшения, и бутылка красного вина. Ари и Бета одеты в выходную одежду. На Бете короткое вечернее платье, чёрное или чёрно-белое, на Ари – тёмный костюм и белая рубашка).

АРИ: Замечательный ужин. У тебя даже в бомбоубежище всё получается изысканно.

БЕТА: Это с картонными тарелками и пластмассовыми вилками?

АРИ: Зато бокалы настоящие. Выпьем! А почему у нас не пластмассовые стаканчики?

БЕТА: Красное вино – в пластмассовые стаканы? Ой, да мне бы такое и в голову не пришло! Тем более, сегодня воскресенье.

АРИ: А наши запасы воды? Нам же нельзя много тратить на мытьё посуды.

БЕТА: А на мытьё бокалов у нас пойдёт та вода, которую мы не выпили, потому что пили вино. Ясно ведь? Так что можем пить вино хоть каждый день.

АРИ: Давай!

БЕТА: Э-э, нет, милый, у нас вина не так много!

АРИ: А верно! У тебя стала такая железная логика, что просто жутко берёт.

БЕТА: А ещё мне неохота гробить время на мытьё посуды и прочую суетню. Мы же с тобой в отпуске?

АРИ: Да, родная, в отпуске.

БЕТА: Ты мог представить себе жизнь без посудомоечной машины! Боже мой!

АРИ: Я не могу представить себе жизнь без тебя, милая.

БЕТА: Знаешь, что? Порой я не могу решить, что для меня было бы труднее: жить без тебя или без посудомоечной машины.

АРИ: Не верю!

БЕТА: Да я это просто так сказала, чтоб тебя подразнить. На самом деле я так не думаю... А ведь мы с тобой дурака свалили, что не принесли сюда хотя бы холодильник.

АРИ: Нет. Даже если с электричеством проблем не будет, любая вещь может сломаться. А нам с тобой нельзя зависеть от слишком большого количества вещей, которые могут выйти из строя. Помнишь, как у нас с тобой в Иннсбруке в позапрошлом году сломался морозильник?

БЕТА: Да. Боже мой!

АРИ: Насколько я помню, ты даже не смогла подойти к нему, чтоб его вымыть.

БЕТА: Господи, мне тогда так дурно стало!

АРИ: Я его едва не выкинул вместе со всем содержимым. Если бы такое произошло здесь – мы бы так и сидели с полным холодильником тухлятины, а с выносом мусора тут сложности.

БЕТА: И правда... ничего не попишешь... Я просто подумала, что рано или поздно ведь надоест всё время открывать одни банки... А не попить ли нам кофе?

(Бета убирает со стола и выбрасывает одноразовые тарелки и вилки в мусорное ведро. Отмеривает в чашки кофейный порошок и кипятит воду в микроволновке).

АРИ: И всё-таки, в этих консервах разнообразия больше, чем в каких-нибудь пайках для чрезвычайных ситуаций. Я тут на днях читал в бюллетене Международного комитета по гражданской обороне, что в Швейцарии для общественных бомбоубежищ запасают питательный порошок. Его просто разводят водой, 350 грамм в день. Вот тебе бы такое хлёбово понравилось?

БЕТА *(вынимает воду из микроволновки и проверяет её количество)*: Ой, я неправильно рассчитала. Тут получилось по полторы чашки на каждого.

АРИ: Слишком много воды скипятила?

БЕТА: Да.

АРИ: Чтоб больше такого не повторялось.

БЕТА: Там получилось всего на децилитр больше, чем надо.

АРИ: Всё равно. Придётся оставить её на потом.

БЕТА: А потом она остынет.

АРИ: Понимаешь, воду надо экономить. Отмеряй порции тщательно. Измерения должны быть абсолютно точными.

БЕТА (*подаёт ему кофе*): Вот, держи. (*После небольшой паузы*).
А ты можешь себе представить, каково это – оставаться без воды?

АРИ: Мы без воды не останемся. Если будем бережливыми.

БЕТА: Я хочу сказать, после того, как...

АРИ: После чего?

БЕТА: Когда бомба взорвётся.

АРИ: Бета, бомба *уже* взорвалась. Всё серьёзно, не забывай.

БЕТА: Ну, а как же, если земля превратится в сплошную пустыню. Или вода станет радиоактивной... опасной для жизни?

АРИ: Это только на первых порах. К тому же, нам об этом беспокоиться не стоит. У Исландии всё-таки есть одно преимущество: у нас есть море. Риск, что морские животные окажутся облучёнными, минимален. И чем больше глубина, тем лучше. А ещё у меня есть моя лодка. В надёжном месте.

БЕТА: Да, знаю.

АРИ: А мы в безопасности. Мы спасёмся. Не переживай. Пусть каждому дню довлеет злоба его.

БЕТА: Да. (*Короткая пауза*). А это откуда цитата?

АРИ: Что?

БЕТА: Это. Что каждому дню довлеет злоба?

АРИ: Не знаю. Не по моей части – такое знать.

БЕТА (*встаёт*): Ну, пора бы заняться хозяйством. Мытьё посуды: два бокала.

АРИ: Да-да, хозяйством. (*Встаёт и проверяет показания всех приборов и записывает в свой дневник, пока Бета моет и убирает бокалы*). Ветровое реле работает, как будто нанялось. На самом деле мне надо было бы устроить так, чтобы запасать электроэнергию здесь. Радиационный фон... повезло мне, что я достал самоочищающийся фильтр. Не придётся самому менять всю эту мутотень. Это самое опасное. Температура: умеренная, влажность: в норме. И кислорода достаточно.

БЕТА: А почему это не делает компьютер?

АРИ: Он не включен.

БЕТА: А почему?

АРИ: Мне больше самому нравится.

БЕТА: А тогда всё не собьётся?

АРИ: Милая Бета, компьютер сам по себе не более совершенен, чем я. Ведь это я его программировал.

БЕТА: Ах, да.

АРИ: Удивительно, так людям трудно понимать компьютеры. А ведь они делают всего лишь то, что им велит делать человек.

БЕТА: То есть, кто понимает людей, поймёт и компьютеры?

АРИ: Ну, разумеется. Только представь себе компьютер, который говорит: «Меня жена не понимает!»

БЕТА: Вот пусть он у тебя так и скажет... забавы ради.

АРИ: У меня не было желания программировать его на это. И он не должен замещать меня абсолютно во всём.

БЕТА: Ари, родной. Да как ты мог такое сказать? Я же тебя всегда понимаю.

АРИ: Я не собираюсь прямо сейчас уступать ему командование. Я хочу приятно проводить время с женой.

(Они садятся каждый на свой стул, улыбаются друг другу и молчат, а Ари окидывает взглядом убежище с нескрываемой гордостью и удовлетворением).

АРИ: Ну, как тебе?

БЕТА: Что?

АРИ: Всё вот это.

БЕТА: Отлично.

АРИ: Знаешь, что меня больше всего не устраивает? Что приходится скрывать его от других... Что нельзя показать это бомбоубежище всему свету. Знаешь, раньше я о таком даже и не мечтал... это просто превыше всех похвал. И это моя работа... моё творение. Да они бы все от зависти лопнули!

БЕТА: Кто?

АРИ: Мои коллеги. Только нос задирают и думают, что всё могут. Им бы вот на это взглянуть!

БЕТА: Тебе есть чем гордиться.

(Молчание).

БЕТА: А тебе из Японии уже ответили?

АРИ: Собственно, нет.

БЕТА: То есть, ты не знаешь, дадут ли тебе закупать эту технику?

АРИ: Робототехнику, Бета.

БЕТА: Ну, роботов. Дадут или нет?

АРИ: Прогнозы положительные.

(Молчание).

БЕТА: Интересно, что сейчас по телевизору?

АРИ: Никаких передач нет.

БЕТА: Как это? Сегодня же не четверг¹.

АРИ: Телестудии больше нет. Её взорвали. Была ядерная война, не забывай.

БЕТА: Ага... Ну, наверно, на Кипре нет телевидения.

АРИ: На Кипре?

БЕТА: Мы же с тобой на Кипре, не забывай.

АРИ: А я забыл.

БЕТА: Интересно, как там на Кипре?

АРИ: Очевидно, жизнь бьёт ключом. (*Встаёт, садится за письменный стол и начинает вычислять и чертить*).

БЕТА: А какой там ландшафт? Мы должны знать. Мне следовало бы узнать об этом перед тем, как... перед отбытием.

АРИ: Небось, такой же, как и везде в солнечных краях.

БЕТА: Должно быть, там растут пальмы. (*Она вдруг оживляет-ся, встаёт, берёт швабру и ставит её у стены. В своей игре она становится по-детски радостной*). Можно мне листочков... два... всего два? (*Из листов, которые дал ей Ари, она делает пальмовые ветви и вешает на швабру*). Красивая пальма, да? И плодовые деревья... Апельсины, инжир.... (*Роется в мусорном ведре, находит этикетку от банки с персиками и наклеивает на швабру*). Персики. Красивая роща получается? А что ещё? Ари? Ари!

АРИ (*Он не слишком внимательно следил за тем, что она делала, и отвечает отстранённо, но всё же ласково*): Пляж.

БЕТА: Ты знаешь, что ещё растёт на Кипре? Эй, Ари!

АРИ: Нет... Наверно, там горы и партизаны.

БЕТА: Ну, зачем ты так. Не хочу, чтобы горы и партизаны. Хочу, чтоб была трава: зелёная, тёплая, мягкая. (*Опускается на колени и гладит руками зелёный коврик. Перекладывает его как можно ближе к «роща»*).

АРИ: И дискотека.

БЕТА: Музыка. Я буду играть тебе, а ты лежать в роще и слушать. (*Ари сидит за своей работой и не двигается*). Ари, над чем ты сейчас работаешь?

АРИ: Думаю: а не использовать ли для лодочного мотора водород.

БЕТА (*ложась на коврик*): Да, но сегодня воскресенье. Мы же собирались приятно провести тут время. Чтоб всё романтично. Смотри, как тебе?

АРИ (*откладывая работу*): Прямо райский сад.

¹ В 1980-х гг. в Исландии не было телевещания по четвергам. (Прим. пер.).

БЕТА: Райский... А Змей?

АРИ (*вставая*): Змей? В нашем бомбоубежище, на глубине трёх метров, в подвале под другим подвалом, со стенами в 95 см толщиной и с арматурой? С потолочной плитой в 95 см толщиной, за стальной дверью в 10 см толщиной? Нет, сюда ни один змей не прoberётся!

БЕТА: Дать тебе яблоко, Адам?

АРИ (*снимает галстук, сбрасывает ботинки и опускается на колени рядом с Бетой*): Знаешь, в молодости я поклялся, что если я женюсь на женщине, которая мне по-настоящему будет нравиться – которую я буду любить сильнее всего на свете – то я буду делать для неё всё. И ведь я исполнил свою клятву, Бета, правда?

БЕТА: Рассказать тебе нашу историю?

АРИ: Да, расскажи мне нашу историю.

БЕТА Жил-был мальчик, и звали его Ари. И была у него лодка, а вёсел не было.

АРИ: Нет, были у него вёсла!

БЕТА: Ну, хорошо: у него были вёсла.

АРИ: А почему у него были вёсла?

БЕТА: Потому что у него лодка была вёсельная.

АРИ: А почему у него была лодка вёсельная?

БЕТА: Наверно, потому, что когда я с тобой познакомилась, я думала, что ты вырос у моря... И вот, поплыл наш Ари по морям – по волнам...

АРИ: А почему он поплыл по морям – по волнам?

БЕТА: Потому что у него была лодка.

АРИ: А почему у него была лодка?

БЕТА: У него была жена.

АРИ: Это потом.

БЕТА: Да, это уже потом. А сперва он был один на свете, один-одинёшенька в лодке посреди моря, – а потом у него появилась жена. И эта жена была чародейка и умела превращаться в каких угодно существ. Когда ему случалось проголодаться, она превращалась в рыбку, которая подплывала к самому борту, чтоб он мог изловить её на ужин. Когда он уставал, она превращалась в птицу, которая пела ему колыбельные и укрывала его своими крыльями от волн и дождя, пока он спал, а когда она была женщиной, то она была ни рыба, ни...

АРИ: А просто женщина.

(Любовные ласки на зелёном коврике. Затемнение).

Перевод с исландского Ольги Маркеловой

АНАСТАСИЯ ШАШИНА

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ КИТАЙСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЁН И ОСОБЕННОСТЯХ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ

Ошибки, связанные с неверной передачей в переводе имён собственных, являются довольно распространёнными при изучении китайского языка. Имена собственные и названия составляют значительную часть словарного состава любого языка. Они по-своему отражают исторические, культурные и этнографические особенности той страны, которой принадлежат. Проблема адекватной передачи имён собственных при переводе представляется достаточно актуальной. Например, в печатных СМИ и репортажах информационных агентств очень часто можно встретить фамилии китайских политических и общественных деятелей, которые с ошибкой переданы на русский язык, а подобные ошибки, допущенные при переводе личной документации, могут лишить её юридической силы.

Особенности звучания имён в разных языках специфичны. При переводе имён собственных главную трудность составляет передача звукового содержания, которая часто реализуется с помощью транскрибирования. Наиболее известными транскрипционными системами являются – КФА, МФА, ТРТ (сегодня именуемая Системой Палладия) и английская система Уэйда-Джайлса. Они позволяют автоматически переводить китайские слоги из одной системы транскрипции в другую.

Разработанная английским дипломатом и лингвистом Томасом Уэйдом во второй половине XIX века и получившая повсеместное использование после выхода китайско-английского словаря Герберта Джайлза в 1892 году, транскрипционная система Уэйда-Джайлза сменила более раннюю систему романизации стандартного китайского языка (путунхуа), широко распространённую в странах Запада до введения китайской системы пиньинь.

Международный фонетический алфавит (МФА) – система знаков для записи транскрипции на основе латинского алфавита. Разра-

ботан и поддерживается Международной фонетической ассоциацией. МФА разработан для отображения только тех качеств речи, которые являются различительными в устной речи: фонемы, интонация, разделение слов и слогов. Главный принцип МФА – предоставить отдельный символ для каждого различимого звука (или сегмента речи). То есть он не использует комбинации букв для отображения одного звука или одну букву для отображения нескольких звуков (как «х» для [ks] или [gz] в английском). В нём нет букв, звуковые значения которых зависят от контекста (как «с» в английском и других европейских языках). И наконец, в МФА обычно не встречается различных букв для двух звуков, если ни один из известных языков не делает между ними различия (это свойство известно как «селективность»).

КФА – фонетическая транскрипция китайского языка пиньинь (拼音, pīnyīn; букв.: «запись звуков китайского языка») был принят в Китае в 1958 г., а с 1979 г. он используется во всём мире в качестве официальной латинской транскрипции имён и названий из китайского языка. Фонетический алфавит пиньинь заменил существовавшую ранее транскрипцию Уэйда-Джайлза и признан Международной организацией по стандартизации (ISO) в качестве основной латинской транскрипции китайского языка.

Транскрипционная система Палладия была преобразована от Традиционной русской транскрипции (ТРТ), созданной Н. Я. Бичуриным и изданной в 1835 г. в первой грамматике китайского языка на русском языке. Н. Я. Бичурин (о. Иакинф) дал наряду с другими разделами подробное описание звуковой системы китайского языка и указал способы транскрибирования китайских звуков русскими буквами (1).

Учитывая условность любой научной транскрипции, следует по-разному подходить и к оценке различных фонетических алфавитов, применяемых к китайскому языку. Основы традиционной русской транскрипции, установленные в XIX в. Н. Я. Бичуриным и уточнённые П. И. Кафаровым и П. С. Поповым, остаются достаточно рациональным способом передачи специфических китайских звуков и звукосочетаний. В отличие от западноевропейских транскрипционных систем и МФА, эта транскрипция даёт вполне приемлемые и системные обозначения китайских звуков исключительно буквами русского алфавита, без диакритических знаков, с незначительным количеством буквосочетаний.¹ Таким образом, именно система Палладия, на наш

¹ Л. Р. Концевич. Китайские имена собственные и термины в русском тексте. (Пособие по транскрипции). – М.: Муравей, 2002. – 263 с.

взгляд, является наиболее удовлетворительной транскрипционной системой для использования в русском языке.

Китайские имена собственные, переведённые на русский язык, изменяются в связном тексте по правилам русской грамматики с теми отклонениями, которые допускаются для иноязычных названий. В русском тексте они приобретают морфологические особенности русских слов, т. е. имеют грамматический род, образуют форму множественного числа и изменяются по падежам. Род и склонение часто связаны с наличием в китайском собственном имени номенклатурного термина. Выбор грамматического рода китайских собственных имён во многом определяет тип их склонения, согласования с русскими прилагательными и глагольными формами, а также замену китайских названий местоимениями там, где это необходимо.

К существительным мужского рода относятся фамилии и имена (включая прозвища, псевдонимы, мифологические имена и др.) лиц мужского пола, титулы императоров и другие названия должностей и титулов, географические названия, оканчивающиеся на *-н*, *-й*, *-р*; к существительным женского рода – женские имена, названия династий, археологических культур и т. д., например: династии Южная Тан, Восточная Хань, Северная Ци, Восточная Чжоу, культура яншо.

Л. Р. Концевич предлагает в зависимости от характера окончания (финали), в том числе и нулевого, разделить транскрибируемые китайские слова на следующие группы: абсолютно несклоняемые: слова, оканчивающиеся на гласные *-е*, *-э*, *-о*, *-у*, *-ю*, *-ы* и сочетания гласных типа *-ю*, *-яо*, *-оу*, *-уа*, *-юэ*; предположительно склоняемые: слова, оканчивающиеся на *-а*, возможно, *-я*, *-и*; склоняемые только по одному типу: слова, оканчивающиеся на *-н*, *-й*, *-р*; допускающие возможность склонения по двум типам: слова, оканчивающиеся на *-нь*.

Значительная часть китайских собственных имён, независимо от принадлежности к тому или иному роду, относится к первой группе, т. е. не изменяется по падежам в русском языке. К ним относятся несклоняемые слова, оканчивающиеся на простые гласные *-о*, *-э*, *-и*, *-у*, *-ы* и дифтонги *-е*, *-ю*, *-я*, *-ао*, *-яо*, *-оу*, *-уа*, *-юэ*, например: Лао Шэ, Су Дунпо, Ду Фу, Жань Боню, Лао-цзы, Хуан ЧАО, Бань Бяо, Чжуан Чжоу, Чжан Цзюэ и т. п.

Существуют и личные имена, относящиеся ко второй группе, т. е. оканчивающиеся на *-а*, *-я* и *-и*. Такие имена, хотя теоретически они и могут изменяться по падежам (особенно слова с окончанием на *-а*), предпочтительно, однако, не склонять во избежание изменения конечного слога. Во всех падежах их следует писать в их изначальной

форме, например: Чжоу Дуньи (а не Т. п. – Чжоу Дуньем), Шан Цзя (а не Т. п. – Шан Цзяем) и т. д.

Китайские имена третьей группы, т. е. оканчивающиеся на *-н*, *-й* и *-р* и относящиеся к мужскому роду, изменяются как русские слова мужского рода по склонению образца *стол*, *сарай*, например: Ван Говэй, Ли Эр. При склонении китайские имена не отделяются от русского окончания апострофом или дефисом, а пишутся слитно, т. е. Ван Говэя, Ли Эра (а не Ван Говэ'я, Ли Эр'a); конечный *-й* при этом выпадает, как и при склонении русских слов, оканчивающихся на *-й*. Китайские имена с теми же окончаниями, относящиеся к женскому роду, не склоняются.

В склоняемых китайских мужских фамилиях и именах (прозвищах и т. п.) изменяется по падежам только последний слог имени, например: Сунь Ятсеном (а не Сунем Ятсеном). Если встречается одна фамилия (без имени) или одно имя (без фамилии), то они склоняются по общим правилам, т. е. Чжану, Таньтаю, Вану и т. д.

Последняя, четвёртая группа вызывает наибольшее число расхождений морфологического и синтаксического порядка. Китайские собственные имена с конечным *-нь* (в слоговых окончаниях *-ань*, *-инь*, *-уань*, *-унь*, *-энь*, *-юань*, *-юнь*, *-янь*) попадают в класс имён существительных с основой на мягкий согласный, а такие слова в русском языке относятся либо чаще всего к женскому роду (*лань*, *сень*, *тень*) и изменяются по склонению образца *соль*, либо реже к мужскому роду (*день*, *лунь*, *ясень*) и склоняются по образцу *зверь*. При этом зависимость самого китайского названия или номенклатурного термина от русского грамматического рода часто лишь подразумевается. Мягкий знак (ь) при склонении выпадает. При словоударении китайских имён собственных нужно учитывать следующий момент: в двусложных собственных именах словоударение всегда находится на последнем слоге, например: Ли Хунчжан, Цзэн Гофэнь и т. д.

Кроме ошибок, связанных с транслитерацией имён собственных и их склонением, встречаются также ошибки, связанные с разрывом многосложных имён и фамилий на два отдельных слога или написание между ними дефиса. Для того чтобы не допускать такого рода ошибки, необходимо понимать структуру китайских имён и фамилий. С точки зрения структуры, китайские имена делятся на две части: фамилия и имя (фамилия + имя). Китайские фамилии всегда ставятся в начале, а имена – в конце, что обозначает уважение к предкам. Китайские фамилии бывают односложные (Чжан, Ван, Ли, Чжао) и многосложные (Сыма, Ювэн, Оуян, Дунфан, Наньгун). В большинстве случаев китайские фамилии односложные.

Имена китайцев также могут быть односложными (Фан, Сю, Ли, Лун) и многосложными (Цайюнь, Цзинмэй, Цинфэн, Гоцян).

Для того чтобы дать точный перевод китайского имени, представляется необходимым произвести предпереводческий анализ, который включает в себя следующие пункты: анализ структуры китайского имени; перевод китайского имени из системы пиньинь в систему Палладия; анализ характера окончания (финали) китайского имени и его соотнесение с одной из четырёх групп, определяющих, каким образом склонять имя.

Литература:

1. С. А. Мацаев, В. Г. Орлов. Пособие по транскрипции и правописанию китайских слов. Издательство «Наука» главная редакция восточной литературы. – Москва, 1966.
2. Л. Р. Концевич. Китайские имена собственные и термины в русском тексте. (Пособие по транскрипции). – М.: Муравей, 2002. – 263 с.

В КОПИЛКУ ПЕРЕВОДЧИКА

АШОТ САГРАТЯН

ЖРЕЦЫ-ТОЛКОВАТЕЛИ

Возможно, так в Древнем Египте именовали носителей тайного знания. Божьим даром считывать с глиняной таблички и листа потаённый смысл наделён именно переводчик, вдумчивый ретранслятор информации, идущей из глубин прасознания в его языковых различиях. Двуязычие уже само по себе есть индикатор соответствия чего-то чему-то. Работа переводчика в том и состоит, чтобы привести это соответствие в равновзвешенность смысловой равнозначности. Предпочтительней – и в ключе интонационном, чтобы в сохранности остался рисунок речи на вдох и выдох. «Пунктуация» этих вдохов на выдох и составляет основу так называемого логического акцента. К примеру, в языке урартов знаков препинания, как таковых, не существовало, но «жестомимика» речи позволяла в нюансах передать мир чувствований. Дошедшие до нас письменные памятники – клинописью, или ещё раньше – криптограммами, кодированы сакральным шифром эпохи.

Площадь глиняной таблички или папируса, геометрически выверенная, требовала каллиграфического уважения к себе.

Мозг переводчика производит мгновенное **синонимическое** считывание оттенков смысла. Такова матрица соотнесённых величин. В литературе художественной диффузируют этнические равнозначности по силе воздействия на органы чувств, на образ мыслей. Здесь уместно поговорить и о **системе исполнения настроений**, заложенных в исходном тексте. Истинность, как подлинность, пропадает тотчас же. Сбережением энергии замысла, вот чем занимается переводчик, носитель энциклопедических знаний. Это его первейшая обязанность, иначе другим пользователям её не передать. Исключается какая бы то ни было подзамена ценностей. Никакого заместительства! Потому что важно воссоздать **картину увиденного автором в заданном ракурсе**. Никто ведь не пытается исполнить произведение, написанное в фа мажоре, в ми миноре. Ключ, он и есть исток. Что и как дальше ширится или сужается, относится больше к области интерпретации, когда каждым нервом осязаешь сопряжения подобного рода и

уровня, вполне органично вписываясь в известную и часто приводимую формулу Василия Жуковского: «Переводчик в прозе – раб, в поэзии – соперник». Но не настолько дословную, чтобы искажать смысл **явленного в образе**. В этой связи, при всём уважении к личности Антона Павловича Чехова, смею оспорить его утверждение: – «Я каждый день по капле выдавливал из себя раба». Имел ли он в виду раба божьего, не могу знать. Что до меня, то я не давал выдавливать из себя человека как божьей субстанции.

Точно так же непотребно выдавливать из текста автора **его мироощущение**, подменяя его своим. Если подлинник чужд переводчику по духу или он с чем-то там не согласен, это ещё не даёт ему права заниматься самодельством, выставляя автора не тем, кто он есть как категория философская. Речь идёт о серьёзной литературе, в первую очередь. Остальная литература – за исключением литературы философского толка – ознакомительный перевод, который читатель как-нибудь переварит, даже если даём общее представление о предмете или сути происходящего.

Кто имел дело с инкунабулой и культурой составления книг в древности, знает, как важно правильно расположить текст на листе. В монастырских скрипториях древней и средневековой Армении в сшитой уже книге, готовой стать рукописью, всенепременно оставляли ещё и место для нотописи – хазов. Книга в древности была трудом коллективным. Потому и ценилась, потому и охотились за ней завоеватели из мудрых. Украшатель книги, живописец, видел площадь листа и «калибровал» орнаментальный рисунок, ритмизуя творение рук и ума ещё и цветом – с переходом в оттенки и полутона.

Посетители Ереванского Матенадарана, хранилища древних манускриптов, могут видеть и календарь, весом в 14 граммов, и двухпудовую книгу, сшитую из 600 козлиных шкур.

Таргман – слово не из простых. В духовной истории армян с ним связано искусство толкования Священного Писания. Не случайно армянские философы и теологи, с шестого века начиная, неоднократно возвращались именно к труду переводчиков-толкователей сокрытого, носителей тайного знания. Личность переводчика-таргмана, грича – переписчика книг во все времена была окружена ореолом почтения. Армянская Апостольская Церковь, учредив ещё в 5 веке День Святого Переводчика, воздала должное служителям Слова одухотворённого, этому Святому Воинству Слова Божьего.

Посему ремесленнические потуги в нашем деле неуместны. Не случайно знаки препинания служат своеобразной азбукой Морзе на столь многотрудном поприще.

Институт жреческого служения Слову, которое есть Бог обще-
ния, возник не вчера, но наша профессиональная порядочность при-
звана дать ему жизнь вечную.

НИКОЛАЙ ВОРОПАЕВ

КИТАЙСКОЕ ИМЯ: ГДЕ ИМЯ, ГДЕ ФАМИЛИЯ

В этой статье постараюсь кратко остановиться на важных мо-
ментах специфики китайских имён и их использования. А для под-
робного ознакомления буду давать ссылки на соответствующие по-
лезные статьи, которые уже существуют в книгах или Интернете.

Носителям русского языка, которые не изучали китайский
язык, очень трудно совладать с китайскими именами, и часто никак
не получается понять и запомнить, где имя, а где фамилия, как об-
ращаться к китайцам, как во время выступлений корректно обозна-
чать представителей Китая. Учитывая же глобальную активизацию
Китая, на многих мероприятиях с участием представителей этой
страны рабочим языком является английский и/или другие запад-
ные языки. И я уверен, что коллегам-переводчикам, работающим с
английским языком и другими языками, будет полезно приобрести
навыки работы с именами китайских делегатов.

Хотя имена китайцев очень короткие, но фонетический состав
китайского языка очень сильно отличается от русского и, например,
такое имя, как *Лю Циньцзе*, с первого раза запомнить сложно. Здесь
уместен анекдот:

Знаете, как китайцы выбирают себе имена?

Они бросают ложки, поварёшки и кастрюли вниз по лестнице [1].

Да, действительно, имена очень короткие, но не все такие
«звонкие». Например, нынешнего министра иностранных дел Китая
зовут **И** (毅), фамилия у него **Ван** (王). Полностью его имя **Ван И** (王毅). А бывшего заместителя премьера Госсовета Китая зо-
вут **У И** (吴仪). У неё имя тоже **И** (仪), а фамилия **У** (吴).
Только записываются имена разными иероглифами: **毅 ≠ 仪**.

Итак, основное правило, которое касается имён: в китайском
языке порядок частей в официальном наименовании человека фик-
сирован и определён грамматикой языка. Согласно китайской
грамматике, **сначала всегда идёт фамилия, дальше имя**. Вариан-

ты для проверки – имена известных всему миру китайцев: **Мао Цзэдун, Дэн Сяопин.**

Для запоминания этого правила можно опираться на такую широко известную идею: *китайцы очень чтут своих предков (у них культ предков)*. И значит, фамилия (наименование рода) у них всегда на первом месте!

Фамилии, как правило, односложные и их ограниченное количество. Двусложные фамилии встречаются чрезвычайно редко, можно почти с полной уверенностью сказать, что первый иероглиф (слог) из 2-х или 3-х – это фамилия, и тогда оставшиеся два или один – имя. Имена бывают односложные (состоят из одного слога [слогоморфемы или иероглифа] или двусложные (состоят из двух слогов [слогоморфем или иероглифов].

Следует заметить, что у нас с китайцами вообще много чего наоборот. Вот и с именами и фамилиями всё наоборот. У них большое разнообразие имён, родители могут моделировать самые разные сочетания слов (иероглифов)¹.

А вот распространённые фамилии, можно сказать, чётко ограничены количеством около 100. У нас же, как всем известно, наоборот: много людей носят имя, например, Николай, Сергей, Наталья, Елена, Мария и т. д., тогда как фамилии бывают просто невообразимые, и на протяжении всей своей жизни мы встречаем всё новые и новые самые удивительные, если не сказать сильнее, фамилии.

На тему «русско-китайского *наоборот*» можно писать отдельные статьи, здесь лишь приведу примеры из разных сфер жизни:

- порядок написания даты у китайцев: год→месяц→день (число);
- у нас большинство юношей не очень горят желанием идти в армию для исполнения обязательной воинской повинности, в Китае, наоборот, большое население, и кандидатов для службы в войсках тщательно отбирают из большого числа желающих;
- у нас заранее с днём рождения не поздравляют, китайцы, наоборот, считают, что чем раньше поздравишь (дня за три), тем больше уважения проявишь;
- мы по торжественным случаям дарим нечётное количество цветов, они чётное (стремление к симметрии и гармонии во всём); на похороны всё наоборот.

¹ См. об этом подробнее: <http://magazeta.com/2016/01/chinese-names/>. (Прим. пер.).

- у китайцев подарить пожилому здравствующему родителю участок на кладбище (в древности красивый гроб) – самый лучший подарок почтительного сына или дочери в традиционном Китае, у нас едва ли такой подарок оценят по достоинству.
- у нас цвет траура чёрный, в традиционном Китае – белый (хотя глобализация постепенно меняет их отношение к белому цвету).
- у нас букет из белых и (или) жёлтых цветов считается красивым, в Китае цветы таких цветов используют только в ритуальных целях;
- в России большинство кушают свежие помидоры с солью, в Китае с сахаром и т. п.

Но вернёмся к именам.

Благодаря тому, что фамилий не так много и самые распространённые это, например, Ван (Wang), Ли (Li), Лю (Liu), Чжан (Zhang), Сун (Song), Сунь (Sun), Го (Guo), Бай (Bai), Хэ (He), Чэн (Chen), У (Wu), Сяо (Xiao), Линь (Lin), Сюй (Xu), Цао (Cao), Хань (Han), Юй (Yu), Гао (Gao), то и некитаисту порой не составит большого труда вычленить в китайском имени фамилию и затем имя.

Ну и ещё один практический аспект, который многих интересует – как обращаться к китайцам.

Надо знать, что обращаться по полному имени к китайцам – это невежливо и даже грубо. Согласно китайскому этикету, обращаются по фамилии плюс название социального статуса/должности (инженер, доктор, профессор, академик, посол, учитель, мастер, бригадир, директор и т. п.) или общее обращение (господин, товарищ, госпожа). Например, господин У (по-китайски: У сяньшэн), госпожа Чжан (по-китайски: Чжан нюйши).

Необходимо дать пояснения по поводу слова *товарищ* в современном китайском языке. В последние годы в обыденной жизни китайского общества слово *товарищ* «тунчжи» (同志 приобрело значение, подобное слову *голубой* у нас, то есть у них сейчас «*товарищ*» – это гомосексуалист, причём со стилистическим оттенком, как у нас слово *голубой* или заимствованное *гей* (gay) (то есть не научный термин, а простонародное обозначение). Этому явлению уже лет 15 или больше. Китайское общество уже давно (с 90-х годов прошлого века) перешло на слова господин (先生 сяньшэн) и госпожа (女士 нюйши). Но лидеры страны и коммунистической партии по-прежнему используют слово *товарищ*, у них это теперь как внутренний термин обозначения своих членов, а это народное зна-

чение как бы не замечается¹.

К незнакомым девушкам и женщинам, юношам, мужчинам из сферы услуг (официантам, продавцам, горничным) следует обращаться словом 服务员 (*фууюань*) «1) обслуживающий персонал 2) официант; коридорный».

В деревнях, посёлках пожилые китайцы ещё обращаются к девушкам словом 姑娘 «девушка» (*гуниан*), а к юношам 小伙子 «парень» (*сюхуоцзы*). Но эти слова используются всё реже и реже.

К таксистам, парикмахерам, ремонтникам и т. п. обычно обращаются словом 师傅 «мастер» (*шифу*).

В официальных ситуациях, на переговорах, во время деловых встреч, в деловой переписке необходимо ко всем, даже и к очень молодым, обращаться *господин/госпожа*.

В некоторых учебниках рекомендуют при обращении к девушкам использовать слово 小姐 «барышня» (*сюоцзе*). Раньше это слово использовалось как нейтральное обращение к девушке, но с начала 90-х годов прошлого века оно стало приобретать другое значение. Сейчас, услышав это обращение от соотечественника, девушка китаянка может его и отругать, так как внутри китайского социума так называют девушек-escortниц (проституток). Иностранные же это слово могут использовать, и китайские официантки и другие девушки, возможно, не будут на них обижаться, полагая, что иностранцы используют слово из словаря и ничего под ним не подразумевают (так как они вне китайской жизни), а имеют в виду именно значение «барышня». Но всё же если человек желает ощущать себя в Китае своим (и особенно если он обладает азиатской внешностью и его могут принять за китайца), то лучше обращаться с помощью слова *госпожа* или *официантка/обслуживающий персонал*.

По имени у китайцев обращаться можно только к родственникам или очень близким людям, давним знакомым.

В семье родители сына или дочь могут называть по имени или с добавкой перед именем или частью имени слова 小 «маленький» (*сюо*). Часто китайские родители зовут своих детей словами 宝宝 (*баобао*) «1) маленький ребёнок, младенец 2) малыш» и 宝贝 (*баобэй*) «1) редкая и дорогая раковина 2) ценная вещь, сокровище 3) дорогой, любимый; золотко (часто о детях), малыш». Если родите-

¹ См. информацию по ссылке: <http://www.rosbalt.ru/main/2010/06/10/744292.html>. (Прим. пер.).

ли сердятся на ребёнка, то они показывают ему это тем, что называют его по фамилии и имени (это звучит для китайца жёстко). В школе учителя обращаются к ученикам тоже по фамилии и имени (чтобы не расслаблялись и жизнь мёдом не казалась), и одноклассники, которые не близки или находятся в конфронтации, тоже называют друг друга по фамилии и имени. Теперь становится понятным, как неприятно для китайца звучит обращение по фамилии и имени или только по имени к нему незнакомца или иностранца. А ведь очень часто наши, не знающие этих тонкостей, люди обращаются к китайцам крайне небрежно. Поэтому золотое правило: узнайте фамилию китайца и обращайтесь по формуле **господин/госпожа + фамилия**, это самое хорошее обращение. Если нет возможности узнать фамилию, тогда можно просто к любому китайцу обращаться *господин/госпожа*. И вы будете самым вежливым человеком.

Кроме того, следует также обратить внимание ещё на некоторые нюансы, характерные при обращении в семьях и между дальними знакомыми. Чужие, знакомые (не члены семьи) **не могут** обращаться по имени и обращаются по установленным формулам. Например, если фамилия девушки **Ма**, то чужой (знакомый) называет её, и при разговоре с другими и обращаясь к ней, *сю Ма* (*маленькая, младшая Ма*), если она младше его. Если она старше, то надо к ней обращаться **Ма цзе** (*старшая сестра Ма*, слово старшая сестра «цзе» идёт после фамилии). И тому подобное. При обращениях между родственниками используются разные термины родства (уже без фамилии): старший брат, тётя, дядя и т. д., причём система этих терминов очень разнообразна в китайском языке и здесь много нюансов.

В общественной жизни, как я уже отмечал выше, к фамилии добавляются обозначения должности, учёного звания и т. п., например, председатель совета директоров, директор и т. п., например: **Лю лаоши** (*учитель Лю*), **Си чжуси** (*председатель Си*), **Су си чжужэнь** (*декан факультета Су*). Есть ещё особенное слово **老 лао** «уважаемый, почтенный», это слово ставится перед фамилией, например: **лао Лю** (*почтенный, уважаемый Лю*), **лао Чжан** (*почтенный Чжан*). Его обычно используют, когда говорят о человеке в его отсутствие. Обращаться же к нему так могут только равные ему по возрасту и статусу или превосходящие его по этим параметрам. Если человек чрезвычайно уважаем и ему за 70 лет, то, чтобы подчеркнуть его большую важность и величие, слово **лао** идёт после

фамилии, например: **Лю лао**. Эта формула используется и при обращении к нему, и при разговоре о нём с другими людьми.

Стоит заметить, что обращения, представляющие собой многосложные слова (обычно состоящие из 3-х слогов-иероглифов) часто сокращаются, например, председателя совета директоров (ПСД) по фамилии **Ли** подчинённые между собой, да и обращаясь к нему, будут называть **Ли-дун** (ПСД по-китайски *дун-ши-чжсан* 董事长), то есть остаётся только один слог из трёх, а генерального директора по фамилии **Чжан**, будут называть **Чжан-цзун** (генеральный директор по-китайски *цзун-цзин-ли* 总经理)¹.

Обычно если не известны регалии и возраст, а также если не совсем ясны родственные связи, то при знакомстве, встрече китайцы всё это тщательно выясняют между собой и договариваются, как будут друг к другу обращаться в дальнейшем.

Необходимо также отметить в современном Китае тенденцию англизации китайских имён. Здесь, полагаю, играет роль то, что английский язык активно работает как язык международного общения и уже невольно подминает своими нормами под себя структуры прочих языков во многих лингвистических аспектах. Например, в китайском языке запросто используются английские аббревиатуры типа APP, GDP, HSK (экзамен на уровень знания китайского языка), PPT и т. п., как в письменной, так и устной речи. В Китае составляются специальные словари таких слов².

Англизация также коснулась и имён. Часто на разных международных мероприятиях в списках или материалах китайские участники записаны на английский манер: имя впереди, потом фамилия. То есть, образно говоря, из привычного нам всем **Мао Цзэдун** делают **Цзэдун Мао**. Сами понимаете, как это воспринимают китайцы в первую минуту, когда видят своё исковерканное имя, записанное латинскими буквами, но они не возмущаются, понимают, что трудно иностранцам сообразить, что, где и как. А потом догадываются, что это из-за английского языка так выходит.

Тем не менее, стоит отметить, что китайцы не всегда мирятся с этим явлением. Например, известно, что во время Олимпиады в 2008 году в Пекине было специальное требование к англоязычным и прочим изданиям, СМИ, операторам давать имена китайских спортсменов только в правильной китайской последовательности,

¹ См. подробнее об этом явлении в реферате автора по ссылке: <https://www.vokitai.ru/wp-content/uploads/2010/08/referat1.pdf>, а также на персональном сайте www.vokitai.ru. (Прим. пер.)

² См. книгу А. Н. Алексахина [2]. (Прим. пер.).

так как коверкание имён на английский манер в самом Китае в таких масштабах стало приводить к тому, что китайцы перестали упоминать своих выдающихся спортсменов в сводках новостей или на электронных табло.

Многие китайцы, наиболее продвинутые и постоянно участвующие в разных международных заседаниях, уже к этому привыкли. Но нам надо стараться всё-таки записывать китайские имена правильно. Для этого соответствующим отделам следует запрашивать их паспорта и по ним (по российским визам в них) уточнять, где фамилия, а где имя, и на табличках и в списках участников заседаний записывать имена китайцев как положено.

Рекомендую ознакомиться со статьёй по ссылке¹, которая будет полезна в связи с изложенным выше.

Если вообще говорить об именах собственных, то порой излишне творческий подход китайских родителей к выбору имени ребёнка может создать проблемы переводчикам. Если для имени был (если имя односложное) или были (если имя двусложное) выбраны очень редкие иероглифы, то при переводе, например, паспорта, водительского удостоверения и прочих документов переводчик вместо 5 минут перевода по шаблону, на поиске чтения редких незнакомых иероглифов может потратить намного больше времени. Поэтому рекомендую даже за однотипные документы брать достойную оплату, так как кроме антропонима (имени человека) топонимы (например, место рождения в водительском удостоверении – какой-нибудь глухой уезд или горное село) тоже могут подбросить сюрприз и отправить переводчика на поиски чтения редких иероглифов минут на 30.

Почему же китайцы стараются подобрать ребёнку особенное имя? Ответ прост: чтобы избежать ситуации, когда у их ребёнка будет огромное количество полных тёзок (одинаковая фамилия и имя). Но ограниченное количество фамилий и некоторые культурные стереотипы при выборе имён (многие китайцы в силу традиций по-прежнему зацикливаются на традиционных «именных» иероглифах с хорошими значениями) всё-таки не позволяют достичь соответствующего количеству населения разнообразия в именах. Для иллюстрации приведу историю из книги Людмилы Исаевой.

«В последнее время в газетах специалисты пишут о том, что в

¹ См. статью по ссылке: <http://magazeta.com/2012/10/v-labirintah-kitayskogo-imeni/>. (Прим. пер.).

Китае существует большая проблема – огромное количество однофамильцев. В настоящее время *ханьцев* (самая многочисленная национальность) насчитывается 1 миллиард 100 миллионов человек и имеют они всего 3000 фамилий. Причём у большинства китайцев – самые распространённые – несколько десятков фамилий; таким образом, получается, что однофамильцев и людей с одинаковыми именами очень много.

Говорят, только в Пекине количество людей, носящих фамилию и имя **Ван** Шучжэнь (王淑珍 «Князь Красивое сокровище») более 13 тысяч, а людей с фамилией и именем «Лук для стрельбы Красивое сокровище», то есть **Чжан** Шучжэнь (张淑珍) – более 11 тысяч. Или, например, **Ван** Шунин (王淑英 – «Князь Красивая героиня») – более 12 тысяч. Кстати, **Чжан** (张) – самая распространённая фамилия в Китае, её носят 100 миллионов человек.

Такое количество людей с одинаковыми именами и фамилиями приносит множество хлопот различным ведомствам. Так, в одном городе органы безопасности собирались схватить человека по имени Сяо Цзюнь (萧军 Хладнокровный Военный), подозреваемого в убийстве, но на этой же улице, оказывается, проживали 4 человека с точно такими же именами и фамилиями. И тот, кого они схватили, вовсе не был убийцей. Пока они поочерёдно разбирались ещё с 3-мя личностями по имени Сяо Цзюнь, которые тоже не имели никакого отношения к данному делу, настоящий преступник, давно понявший, что его разыскивают, исчез, словно испарился! Но самым ужасным было то, что первый схваченный как раз собирался жениться и невеста, узнав, что жениха схватили за убийство, попыталась покончить с собой, приняв яд. К счастью, её успели спасти.

Или другой случай. Однофамильцы с одинаковыми именами лежали в больнице, и им дали не те лекарства, перепутав пациентов, в результате чего один из них тоже чуть не скончался.

А в банках были случаи, когда выдавали деньги совсем не тем людям. Один человек даже занимался мошенничеством, пользуясь сходством своих имени и фамилии с именем и фамилией другого, в результате не только был нанесён ущерб государству, но и опозорено имя ни в чём не повинного человека [3].

Но вернёмся к спискам китайских делегатов разного рода международных форумов и симпозиумов. Часто там рабочие языки английский и русский. Поэтому коллегам я рекомендую ресурс, где можно, введя имя китайца, записанное латинскими буквами, полу-

чить вариант на русском языке¹:

Если списки даются уже на русском языке, то останется только вычислить, где фамилия и где имя. В основном, всегда достаточно узнать только фамилию и обращаться и называть китайских делегатов по фамилии, добавляя слова господин или госпожа, профессор или доктор (господин Чжан, госпожа Ван, профессор Ли, доктор Фу) и т. п.

В особенно трудных случаях, например, в таких, когда имена китайцев с Тайваня записаны латиницей по другой системе транскрибирования (об этом в книге Л. Р. Концевича [4]), и когда по воле некомпетентного товарища часть имени становится частью фамилии, то в таких случаях лучше за консультацией обращаться к китаистам. Например, на одном мероприятии в списках имя тайваньского китайца было записано так: **Yin-Nan Huang**. В программе на русском языке имя преобразовали в такой вид: Ин Нанхуан. А на самом деле через дефис в варианте на латинице **Yin-Nan** это было имя, а **Huang** – фамилия. То есть это стандартный случай англизации китайского имени. Но кто-то решил, что до дефиса это имя, а остальное фамилия. Вот и разорвал имя, и часть имени присовокупили к фамилии, то есть из **Мао Цзэдуна** сделали **Цзэ Дунмао**. Причём ещё неправильно передали некоторые звуки. Переднеязычный -п на конце слогов имени Yin-Nan на русский передаётся мягкими н, то есть должно быть **Инь-Нань**. Таким образом, правильно по-русски это имя будет **Хуан Иньнань**. Дефис по современным нормам записи китайских имён в русском языке не используется. Раньше писали **Мао Цзэ-дун**, теперь следует писать **Мао Цзэдун**. То есть элементы (слоги) двусложного китайского имени дефисом не разделяют.

Необходимо обратить внимание и на звуковой план китайского языка, который в записи традиционной русской транскрипцией (ТРТ) представляется не совсем привлекательным для русскоязычного уха. Взять хотя бы такие имена, как Сунь Хуэйнань, Ли Хуэй, Лу Хуэй, Фу Чунълянь. В ТРТ многие китайские имена, да и многие слова, действительно, звучат не очень благозвучно и, главное, не точно. Для понимания и ощущения истинного звучания китайских имён, слов и вообще звуков этого языка лучше смотреть на их запись латинскими буквами и слушать аудиозапись (или говорящего на этом языке). Дело в том, что ТРТ в большинстве случаев не пе-

¹ См. <http://palladius.ru/>. (Прим. пер.)

редаёт точное звучание китайских слов, например, китайское слово *небо* 天 tian средствами ТРТ передаётся как *мянь*, тогда как реально оно звучит как *тхъен*. Но имена собственные в русских текстах и официальных документах по традиции необходимо передавать средствами ТРТ согласно требованиям соответствующих государственных органов нашей страны, да и другой транскрипции у нас нет. Поэтому и в научных статьях на русском языке китайские слова также передаются ТРТ. В этом и прелест ТРТ, она обеспечивает единобразие записи китайских имён и слов во всей документации на русском языке на протяжении длительного времени. Об этом аспекте восприятия китайских имён и вообще китайского языка русскоязычными людьми приглашаю прочитать в моей статье № 42 «Новый подход к звуковой презентации китайских слов в российских разговорниках» (некоторые размышления о проблеме сложности и непрятательности звукового плана китайского языка для русскоговорящих и наш авторский подход к презентации китайских слов) в разделе «Научные работы»¹.

Полезным и надёжным учебником для ознакомления с китайской фонетикой будет классический учебник Т. П. Задоенко и Хуан Шуин. Там, кстати, и объясняется, что «в финалях *-ii*, *-ip* гласный *e* [Э] довольно ясно слышен, особенно в слогах 3-го и 4-го тонов» [5]. Поэтому написание в русском языке, например, имени нынешнего посла Китая в России Ли Хуэя (李辉 Li Hui) именно таким образом, обусловлено не только и не столько стремлением избежать неблагозвучия слогоморфемы *hui*, сколько реальным звучанием этого слога в китайском языке. Хотя на слух для неподготовленного русскоязычного человека эта проскальзывающая между «*i*» и «*i'*» «*e*» не так заметна, и некоторые китаисты настаивают на написании этой слогоморфемы в русском языке также, как и алфавитом на латинской основе *пиньинь*, и тогда имя посла выглядит как Ли Хуй, смотрите, например, [6]. Тем не менее, в потоке речи и с реализацией музикального тона, и эта слогоморфема *hui* звучит прекрасно в китайском языке. Слогоморфемы с таким звуковым составом активно используются в китайском языке, и их частотность в потоке речи высока. Приведём некоторые основные значения, которые передаются в китайском языке слогоморфемами *hui*, выраженными, естественно, разными иероглифами и имеющими разные этимологические (музыкальные) тоны: 辉 *Hui* (первый тон) – «блеск; сияние» (имя

¹ См. информацию на сайте www.vokitai.ru. (Прим. пер.).

посла), 徽 *hui* (первый тон) – «эмблема; герб», 彙 *hui* (второй тон) – «возвращаться», 毁 *hui* (третий тон) – «разрушить; уничтожить», 汇 *hui* (четвёртый тон) – «переводить (деньги)» (например: 电汇 *dian hui* «телеграфный перевод»), 慧 *hui* (четвёртый тон) – «умный; мудрый», 贿 *hui* (четвёртый тон) – «взятка; подкуп», 会 *hui* (четвёртый тон) – 1) «встречаться», 2) «собрание, заседание, конференция, совещание», 3) «общество, союз, комитет» 4) «уметь, мочь; владеть (языком)», 5) *перед глаголом указывает на будущее время*.

Тем не менее, для русскоязычной аудитории частое возникновение в потоке речи данной слогоморфемы не всегда комфортно. Разумеется, что на встречах и переговорах в корпорациях и прочих местах, где люди часто встречаются с иностранцами и привыкли к подобным совпадениям в разных языках, реакция на это сочетание звуков ограничивается улыбкой про себя. Но мне довелось испытать на себе угрозу применения силы от одного подвыпившего господина, когда я был вынужден принять важный звонок из Китая в маршрутном такси Балашиха-Москва. Речь шла о будущем перечислении денег. Поэтому в моих репликах активно фигурировали, например, такие слова и словосочетания как: 汇款 *hui kuan* '1) «переводить, перечислять деньги; 2) денежный перевод; транзакция' и показатель будущего времени глаголов (会 *hui*). Господин, услышав такое частое и свободное с моей стороны повторение знакомого и родного слова в общественном месте, громко возмутился и призвал меня прекратить ругаться матом при людях и пригрозил «набить мне морду», если я не послушаюсь. Естественно, я тут же прервал разговор.

Недавно мне довелось переводить на китайский язык свидетельство о рождении гражданина РФ, где отца, который китаец, зовут *Хуэй Цзиньсун*, то есть у него фамилия *Хуэй* и она достаточно редкая: 惠 *hui* (четвёртый тон) – «доброта; милость». Мама русская, и сыну дали русскую фамилию, но отчество от отца, и зовут нового гражданина Тихон Цзиньсунович. Как видим, для великого и могучего русского языка даже китайские имена не помеха. А одна супружеская пара граждан Китая даже в своё время рождённому в Москве сыну в свидетельстве о рождении РФ прописала по российской традиции отчество и получилось *Цзян Мо Чжэнюевич*. Хотя в отчество, к сожалению, закралась ошибка, так как по правилам ТРТ имя отца следует записывать *Чжэнъюй*, то есть следует разграни-

чить слоги *Чжэн* и *юй* твёрдым знаком, в противном случае *Чжэн-юй* можно интерпретировать и как *Чжэ-нюй*, и как *Чжэн-юй*, так как все эти слогоморфемы в китайском языке присутствуют. Причём если верить, что имя записано ТРТ верно, то остаётся только один вариант *Чжэ-нюй*, но, к сожалению, имя другое – *Чжэн-юй* (здесь дефис я использовал только в целях «разбора полётов», как уже писал выше, сейчас дефис в китайских именах в официальных русских текстах не используется). Разумеется, когда мы видим имя, записанное иероглифами или правильно записанное алфавитом на латинской основе, все сомнения исчезают.

Одним словом, если вы разберётесь с китайской фонетикой, то даже самые неблагозвучные китайские имена заиграют для вас новыми чудесными красками и нюансами.

Для того чтобы понять, как специфика фонетической системы китайского языка влияет на образ мышления и формирование языковой картины мира китайцев, приглашаю ознакомиться с моей небольшой статьёй на эту тему по ссылке данной ниже¹:

Понятно, что всегда могут встретиться нестандартные случаи, не укладывающиеся в общие рамки. Поэтому если у кого-нибудь возникнут затруднения с китайскими именами, фамилиями или просто словами, то я постараюсь помочь. Можно обращаться ко мне через мой персональный сайт www.vokitai.ru

Литература:

1. Эти вездесущие китайцы. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 160 с. С. 22.
2. Алфавит китайского языка путунхуа. Буква. Фонема. Звук. Слог: для начинающих и продолжающих изучать китайский язык / А. Н. Алексахин. – М.: АСТ: Восток-Запад; Владимир: ВКТ, 2008. – 96 с.
3. Жизнь среди символов / Людмила Исаева. – М.: Агентство «Диалог культур», 2006. – 320 с. : ил. – (Серия «Моя китайская коллекция»). С.С. 147–189.
4. Концевич Л. Р. Китайские имена собственные и термины в русском тексте (Пособие по транскрипции). – М.: Муравей, 2002. – 263 с.
5. Задоенко Т. П., Хуан Шуин. Начальный курс китайского языка. Часть I. – 4-изд., испр. и доп. – М.: Восточная книга, 2007. – 303 с.
6. Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит, 2006.

¹ См. статью <https://www.vokitai.ru/archives/368>. (Прим. пер.).

О КИТАЙСКИХ ЗНАКАХ ПРЕПИНАНИЯ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПАУЗЫ

Знаки препинания – это знаки, необходимые для записи речи, неотъемлемая часть письменной формы языка. Знаки препинания обозначают на письме паузы, интонацию, а также указывают на функцию слов в предложении. Как было отмечено ранее¹, графическое изображение китайских пунктуационных знаков во многом своеобразно. Не менее интересным представляется название знаков препинания и правила их употребления.

В китайском языке насчитывается шестнадцать наиболее употребительных знаков препинания, которые условно можно разделить на две группы: знаки препинания, обозначающие паузы **点号** (diānhào *досл.: точечный знак*), отмечающие всякую остановку в чтении, и стандартные знаки препинания **标号** (biāohào *досл.: стандартный знак, знак правила*), которые предназначены для выделения какой-либо номинативной информации². Семь знаков препинания, обозначающие паузы, являются знаками разного рода смысловых пауз, используются для разметки текста, служат для отделения каждого предложения друг от друга в тексте и выделения смысловых отрезков в предложении.

Для оформления отдельного предложения как законченного используются три пунктуационных знака: точка, вопросительный знак, восклицательный знак. Пунктуационные знаки конца предложения также обозначают интонацию говорящего и общую модальность высказывания, употребляются в конце разных по цели высказывания предложениях. Постановка этих знаков препинания в китайском предложении имеет ряд особенностей.

Пауза в конце повествовательного предложения на письме обозначается точкой – **句号** (jùhào *досл.: знак предложения*). Как известно, китайская точка «。» представляет собой маленький кружок, пустой внутри, поэтому часто называется китайской /пустой /круглой точкой.

¹ Статья «О китайских знаках препинания» Научно-художественный журнал «Переводчик». Выпуск 16. – Чита: ЗабГУ, 2016. – 254 с.

² 2 中华人民共和国国家标准《标点符号用法》 Государственный стандарт КНР «Правила употребления пунктуационных знаков» GB/T15834-2011.

Её разновидностью считается маленькая чёрная точка «.», которая, как правило, употребляется в научно-технической литературе. Такая замена «круглой» на «чёрную» точки обусловлена особенностями научно-технического текста, в частности, наличием в нём цифровых, процентных и разнообразных символьных обозначений, с которыми круглая точка может быть перепутана.

Вопросительный знак – 问号 (wènhào досл.: знак вопроса) ставится в конце вопросительных по цели высказывания предложений, например: *Ты видел когда-нибудь золотистую обезьяну? 你见过金丝猴吗?* Вопросительный знак также ставится в конце предложения, содержащего риторический вопрос: *Разве ты ещё не понял меня? 难道你还不了解我吗?*

Восклицательный знак – 叹号 (tànghào досл.: знак, выраждающий восхищение/вздох) ставится и в конце восклицательных предложений и побудительных предложений, имеющих высокую степень императивности, а также в конце риторических вопросов с высокой степенью эмоциональности, например: *В чём я могу с ним сравняться! 我哪里比得上他呀!* Часто постановка восклицательного знака сопровождается оформлением той или иной экспрессивной частицей (в зависимости от характера выражаемой автором эмоции), которыми изобилует китайский язык.

Стоит отметить, что одной из особенностей менталитета китайцев, обуславливающих национальную специфику речевого поведения, является сдержанность в выражении эмоций, поэтому многие высказывания восклицательного характера не маркируются соответствующими знаками. Примером могут быть поздравления или обращения, отмеченные особой модальностью и выразительностью, всегда сопровождаемые в русскоязычных текстах восклицательными знаками, в китайских текстах остаются интонационно нейтральными. Спокойная ритмомелодическая тональность и низкая степень императивности некоторых побудительных предложений также требует постановки точки.

К пунктуационным знакам, обозначающим паузу, также относятся четыре пунктуационных знака, которые указывают на границы смысловых отрезков предложения, а их расстановка обусловлена действием определённых грамматических правил. К числу наиболее употребительных знаков-маркеров особых грамматических связей в

китайском языке относится запятая, каплевидная запятая, точка с запятой и двоеточие. Это своего рода разделительные знаки препинания, которые справедливо можно считать знаками-маркерами определённых грамматических правил.

Как и в русском языке, запятая – 逗号 (dòuhào досл.: знак остановки) служит для разделения простых предложений в составе сложного, однако часто используется при необходимости разделения паузой в речи смысловых отрезков, например, групп подлежащего и сказуемого (топика и комментария), или разделения групп сказуемого и дополнения. Нередко запятая используется для выделения паузой в речи обстоятельства места или времени.

Каплевидную запятую – 顿号 (dùnhào досл.: знак паузы, расстановки по порядку) можно считать разновидностью обычной запятой, однако следует помнить, что такая запятая употребляется только при перечислении, т.е. служит для разделения однородных членов предложения, например: *Амазонка, Нил, Миссисипи и Янцзы – это четыре самых крупных реки в мире.* 亚马孙河、尼罗河、密西西比河和长江是世界四大河流。 Каплевидная запятая очень часто «облегчает» работу переводчика, указывая на специфический характер грамматической связи между словами.

В китайской пунктуации точка с запятой – 分号 (fēnhào досл.: знак деления) представляет собой знак препинания, разделяющий части сложного предложения, имеющие характер перечисления, например: *Языком люди пользуются для выражения чувств и мыслей; письменными знаками – для фиксации событий.* 语言，人们用来抒情达意；文字，人们用来记言记事。 Точка с запятой очень часто употребляется в китайских письменных текстах официального характера, содержание которых связано с указанием регламента, или наличием рубрикации, в таких случаях параллельные перечисления пунктов также разделяются исключительно точкой с запятой.

Как и в русском языке, двоеточие – 冒号 (màohào) употребляется в предложении при оформлении прямой речи, отделяя слова автора, например: *Он очень удивлённо сказал: «А, так это ты!»* 他十分惊讶地说：“啊，原来是你！” Двоеточие также ставится после обобщающего слова, указывая на нижеследующее описание, например: *Запретный город в Пекине имеет четыре городских стены:* Умэнь

(южные ворота запретного города), Шэнъумэнь (северные ворота), Дунхуамэнь (восточные центральные ворота) и Сихуамэнь (западные центральные ворота). 北京紫禁城有四座城门：午门、神武门、东华门和西华门。

Кроме того, есть ряд особенных правил постановки двоеточия в китайском предложении, например, в китайском письменном тексте обращение, как правило, отделяется двоеточием, обозначая переход к основному тексту.

Двоеточие, как и точка с запятой, часто является атрибутом исключительно письменных текстов узкой функциональной направленности (объявления, бланки, свидетельства и др.), например, ставится после слов-указателей, подпунктов, требующих детального описания:

日期 : Дата проведения: **时间** : Время проведения:

Пунктуационная система китайского языка отличается от соответствующей русской не только набором знаков, входящих в нее, но и правилами расстановки пунктуационных знаков. Условия выбора знака препинания – это грамматические, смысловые и интонационные особенности предложений и их частей. Безусловно, существуют сходства в постановке точек в конце предложения и запятых на границах сложных предложений. Однако грамматические особенности китайского языка как языка изолирующего типа своеобразно отразились на правилах расстановки запятых и обособлении отдельных грамматически значимых групп в составе предложений.

Таким образом, знаки препинания обеспечивают однозначное понимание предложения и текста, поэтому при выполнении перевода на них необходимо обращать особое внимание. Это связано с тем, что, с одной стороны, они могут стать своеобразными ориентирами обособлений разных с точки зрения коммуникативного членения предложения частей. С другой стороны, пунктуационные знаки – это неотъемлемый специфический компонент оформления частей высказываний в текстах функционально ориентированной направленности.

Литература:

1. Государственный стандарт КНР «Правила употребления пунктуационных знаков» 中华人民共和国国家标准《标点符号用法》GB/T15834 — 2011.
2. Правила употребления часто встречающихся знаков препинания 常用标点符号用法 [Электронный ресурс] // www.zdic.net/appendix

ЕВГЕНИЯ СЛАВОРОССОВА

В этом выпуске мы знакомим читателя с творчеством одного из наших самых постоянных авторов – Евгении Славороссовой (Москва). С 2012 года в журнале «Переводчик» опубликованы поэтические переводы Евгении с польского (лирика К. М. Сенявского) и английского (лирика и юмористические стихи Р. Л. Стивенсона, Т. Гуда, С. Ловера, Б. К. Брауна, старинные английские баллады).

Евгения Славороссова окончила философский факультет Московского государственного университета им. Ломоносова. Поэт, переводчик, журналист. Долгое время работала шеф-редактором журнала «Детская школьная академия» и была членом редколлегии журнала «Первоклашка». В настоящее время работает литературным редактором журнала «ЧИП – детям» (приложение к журналу «Чудеса и приключения»). Стихи и переводы её печатались во многих центральных журналах, газетах, альманахах и коллективных сборниках. Автор книги стихов «Утренний поезд», детской книги «Детективное бюро мистера Спича», нескольких сказочных повестей и многих статей на темы литературы, искусства и др. Получила звание «Лучший автор года» в журнале «ЧИП – детям». Дипломант открытых международных конкурсов: «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013), «Поэтическое определение перевода» (2016).

ПЕРЕВОД С НЕБЕСНОГО

Недавно мне попалась мысль Иосифа Бродского, близкая моим давним размышлениям, что поэзия сама по себе – перевод. Бродский говорит об особом языке души, который надо перевести на человеческий.

Марина Цветаева утверждала, что писать стихи – это и значит перелагать. И уточняла, что ангельский язык ей роднее всех. Великой Марине вторят польские поэты Кшиштоф Мария Сенявский, писавший о переводе с ангельского, и Константы Ильдефонс Галчинский, называвший лирику ангелологией.

О поэзии как переводе с божественного языка говорили многие поэты разных национальностей. Все эти совпадения неслучайны. По-

эты ощущают себя переводчиками с высокого небесного – божественного языка, а переводчики поэзии просто не могут не быть поэтами (даже если из скромности не рискуют писать или показывать свои стихи). Этим объясняется парадокс: – зачастую поэты утверждают, что перевод вещь невозможная, и в то же время охотно переводят зарубежную поэзию. Но для них «невозможное возможно» (Блок), ведь вся их деятельность – это «обыкновенное чудо» (Шварц). Переводы рождаются из творческого чтения, из погружения в мировую культуру, из душевного отклика на чужую поэзию, ставшую близкой. А может быть, как предположил Борис Заходер:

Поэтов нет, а есть один поэт.
Различными он пишет письменами
И разными зовётся именами,
Но он один: поэт.
Другого нет.

Поэтому поэтическая рубрика в журнале «Переводчик» не только уместна, более того, она необходима.

Евгения Славороссова

Между прочим, между делом,
Между разумом и телом,
Как трава и лопухи,
Проросли мои стихи,

Неприметно и случайно
Ореол зелёной тайны
В предназначенный свой срок
Раскрывая между строк.

И из почвы невзрыхлённой,
Словно лёгкий дым зелёный,
Отрываясь от земли,
В Божий мир они ушли.

Как волнует всё невероятное –
Ведь без чуда реальность пуста.
Невозможно обятье необъятное,
Но лишь этим душа занята.

Страсть к познанию неудержимая
Жжёт и мучит, запреты круша...
Недоступно всё непостижимое,
Но лишь к этому рвётся душа.

ПЕРЕВОДЧИКИ

К-М. Сенявскому

Пишу «Любовь», ты переводишь: "Miłość",
А говорим всегда мы об одном.
И вот случилось то, что и не снилось,
Вернее, снилось, долгим детским сном.

То, что собрать пытались я по крохам,
Вдруг наводненьем затопило свет.
На крик: «Люблю!» ответит эхо: "Kocham!"
И не придётся долго ждать ответ.

Пришельцы, хоть по облику земляне,
Бродяги, заклинатели удач,
Меж звёзд на зачарованной поляне
С тобою мы играем в лунный мяч.

Я луч ловлю, зажмурясь от испуга,
Я свет верну – лети к нему, лети!
Ах, та игра – одаривать друг друга –
Давно в подлунном мире не в чести.

«Не может быть! – я думаю со вздохом. –
Жестока жизнь, и я надеюсь зря ...»
Но я узнала, что такое "Kocham",
И обойдусь теперь без словаря.

Познать в ночной тиши
Вкус боли и беды –
Терзание души,
Страдание звезды.

Дотла себя отдать,
В порыв себя вложить.
Всему дано страдать,
Страдать – и, значит, жить.

Алексею Кебадзе

Это настолько сильней меня,
Словно меня и нет.
Это возникший в душе огня
Непостижимый свет.
Как это просто: в глаза смотреть,
И как легко простить,
Если судьбою дано гореть,
Если дано светить.

ПРЕКРАСНОЕ ПРОШЕДШЕЕ

«Прекрасное прошедшее» –
В грамматике какой
То время сумасшедшее
Отыскивать с тоской?
Живое, совершенное,
И длящееся всё ж,
Не знала совершенно я,
Что ты в себе несёшь.
В той форме грамматической,
Любезной сердцу столь,
Горчащий мёд аттический,
Что растворяет соль.

Всё стоящее, спящее,
Очнётся в нём опять.
Минует настоящее,
Чтобы минувшим стать.
Надежды обманувшие
Навеки сохранит
Лишь милое минувшее –
Магический магнит.
Сиюминутно-пошлое
В душе сгорит огнём.
А королевство Прошлое
Всё больше с каждым днём.
И, в памяти нашедшее
Последний бастион,
Живёт во мне прошедшее –
Времён прекрасный сон.

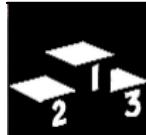
Ещё вы не читали классики,
В чернилах не марали пальчиков,
Все девочки играли в «классики»,
А мальчики пускали «зайчиков».
Не мнили вы себя поэтами,
Не знали ни высот, ни низости,
И, может, именно поэтому
Жила поэзия поблизости.

Жемчужная болезнь моллюска,
Таится тусклый блеск на дне.
Высокая болезнь искусства
В какой скрыта глубине?
Когда глаза разъело солью
И крик нельзя сдержать уже,
Мы обволакиваем болью
Осколок, ноющий в душе.

А жизнь своим инстинктом мудрым,
Коснувшись плоти нежной столь,
Покроет бледным перламутром
Живую скорченную боль.
Она не утихает долго,
Но загоняем внутрь её.
И вот смертельного осколка
Навеки скрыто остриё.
И снова тайна равнодушно
Глядит из тёмной глубины...
Где что-то светится жемчужно,
Чему на свете нет цены.

КОРАБЛЬ ПОЭТОВ

Аполлинер, Рембо, Рабле
Плынут на «Пьяном корабле»,
Они уже упились в дым,
Но что оракул скажет им:
«Пойти ко дну» иль «Сдаться в плен»?
С Бодлером чокнулся Верлен,
И, как приманка для ворон,
На рее Франсуа Вийон.
Болезнь морская, дьявол с ней,
Недуг души куда страшней.
Кому нет места на земле,
Найдут приют на корабле.
Плыви, наш пьяный пилигрим,
Над лбами злобных субмарин,
Меж лайнерных дебелых туш
Плыви, кораблик вольных душ,
Без документов, пошлин, виз,
Свершая дерзкий свой круиз,
Чтоб, навсегда уйдя от пут,
Исчезнуть около Бермуд.

КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ...!!!

КОНКУРС ПЕРЕВОДОВ ЧЕСЛАВА МИЛОША

Поэтические конкурсы перевода в настоящее время очень популярны не только в России, но и во многих других странах мира. Они позволяют привлечь внимание к творчеству замечательных мастеров слова, которые внесли значительный вклад в развитие как национальных литератур своих стран, так и всемирной литературы. Целью таких мероприятий, на которые приглашаются и зарубежные участники, является знакомство с лучшими поэтическими переводческими образцами, обмен опытом, мастер-классы, приобщение к культурным ценностям и взаимообогащение. Нередко зарубежные конкурсы ускользают от нашего внимания и в этой связи полезно вспомнить, как проходят подобные мероприятия за рубежом.

Алла Чучина, один из авторов нашего журнала, поделилась воспоминаниями о своём участии в поэтических мастер-классах, которые прошли после конкурса на лучший перевод стихов Чеслава Милоша в связи со 100-летним юбилеем поэта.

ЧЕСЛАВ МИЛОШ (1911 – 2004)

Чеслав Милош – всемирно известный поэт, эссеист, писатель, переводчик. Его произведения переведены на 44 языка народов мира. Он родился 30 июня 1911 года в городке Шетени Ковенской губернии, входившей в состав царской России (сейчас Литва). Поляки по происхождению, его отец Александр и мать, урожденная Вероника Кунат, жили в многонациональной стране, богатой противоречивыми традициями. В результате – Чеслав говорил не только на своём родном польском языке, но и на литовском, еврейском и русском.

Милош получил строгое католическое воспитание, в течение семи лет он прилежно изучал латынь, а в 1929 г. поступил в университет в Вильно (тогда территория Польши) на гуманитарный факультет. Уверенный в своём призвании поэта, юноша, тем не менее, решил изучать право и социальные науки. В печати дебютировал стихотворениями в студенческом журнале «Alma Mater Vilnensis» в 1930 году.

В 1934 г. после защиты диплома юриста Милош получает стипендию и уезжает в Париж для изучения литературы.

С 1935 года работал на радио в Вильне, через год был уволен за левые взгляды. В 1937 году после поездки в Италию переехал в Варшаву, где начал работать на радио. В сентябре 1939 года как работник радио отправился на фронт. С вступлением Красной армии на польскую территорию из Румынии перебирается в Литву и живёт в Вильнюсе. После присоединения Литвы к СССР нелегально пересекает границу, перебирается в Варшаву, где участвует в подпольной литературной жизни.

После подавления Варшавского восстания 1944 года живёт в Кракове до конца Второй мировой войны, становится одним из редакторов ежемесячного литературного журнала «*Twórczość*».

В 1945–1951 годах служит в министерстве иностранных дел Польской Народной Республики в качестве атташе по культуре в Нью-Йорке и Париже. В 1951 году, выехав в официальную командировку в Париж, обратился к французским властям с просьбой о политическом убежище.

В Париже жил до 1960 года, сотрудничая с журналом Ежи Гедройца «Культура». В этом же году по приглашению двух американских университетов выехал в США и стал профессором отделения славянских языков и литературы в Калифорнийском университете в Беркли. В 1980 году был удостоен Нобелевской премии по литературе, а в 1989 году награждён Национальной медалью США в области искусств.

Израильским национальным мемориальным центром Яд ва-Шем Чеслав Милош был причислен к праведникам мира за помощь евреям во время Холокоста. Милош, написав ставшее широко известным стихотворение «*Campo di Fiori*» (Кампо ди Фьори), одним из первых среди деятелей польской культуры отреагировал на восстание в Варшавском гетто в 1943 году.

В 1993 году писатель окончательно вернулся в Польшу. Был награждён рядом литературных премий, в 1994 году получил орден Белого орла.

Умер 14 августа 2004 года и был похоронен 27 августа в Крипте церкви святого Станислава в Кракове – месте захоронения выдающихся поляков.

По отзывам ценителей творчества Чеслава Милоша, его поэзия подкупает своим тематическим многообразием и интеллектуальным богатством; сочетанием рассудочности и лиричности; конкретно-чувственной образностью и диалектической мощью; моральной силой и убежденностью. Его поэзия впитала в себя многое: тут и своеобразие традиций Восточной Европы – его родины, влияние христианства,

иудаизма, марксизма, в неё вошла вся кровавая история XX в. и мучительный опыт эмиграции.

Терек де Пре писал в журнале «Нейшн» (1978), что «для Милоша всё пронизано историей – люди, города, вещи. Судьба для него – это человеческая судьба... Я не знаю поэта, более склонного к возвеличиванию человека и потому более страдающего... Благодаря своему искусству, Милош нашёл решение наиболее актуальной духовной дилеммы нашего времени: как нести бремя исторической памяти и не впасть в отчаяние».

Литературные критики отмечают, что поэзия для Милоша не только эстетическая, но и нравственная категория, она переводит страдания отдельного человека на тот уровень ценностей, который защищает от скептицизма и бесплодного гнева, а, следовательно, от соблазна идеологии.

Вот что осталось в памяти. Место проведения мастер-классов – город Вроцлав. Организаторы: Польский институт книги совместно с руководством города Вроцлав и Фондом «За вашу и нашу свободу» (8–16 ноября 2012 года).

Прошло более четырёх лет, а в памяти остались события и люди, о которых хочется рассказать. Прежде всего, это Наталья Горбаневская – замечательный человек, правозащитник, легендарная личность, которая ушла от нас в 2013 году. Наталья Евгеньевна кратко представила свою книгу «Мой Милош». В книгу вошли переводы поэзии и эссеистики Милоша, которые собирались ею на протяжении многих лет, впрочем, некоторые тексты она перевела специально для сборника. Горбаневская очень бережно относилась к тексту автора, учила молодых переводчиков вчитываться, вслушиваться в содержание, знакомиться с исторической обстановкой и окружением поэта. Свои рекомендации она присыпала нам на электронную почту, иронично называя их «Открытыми посланиями». Всего их было три. Она много курила, любила крепкий кофе и очень трогательно относилась к тем, кто, как и она, был увлечён польской литературой. По её мнению, славянские языки вообще, а русский в особенности, – порождают поэзию. Свободе языка, ткущего самые причудливые и новые комбинации смыслозвука, учила нас этот мастер перевода.

Остался в памяти доклад Кшиштофа Чижевского «Другая верность Чеслава Милоша», о пожизненной верности Милоша местам своей юности – в том числе городку Красногруде, куда он приезжал на каникулы, где пережил первую, несчастливую любовь. А также выступление одного из классиков польского литературоведения, ведущих специалистов по творчеству Милоша, личного друга поэта –

Александра Фьюта. В его докладе «Милош известный и неизвестный» речь зашла о параллелях в биографиях Милоша и Мицкевича; в обсуждении доклада этот вопрос поднимался не раз. Собственно «Милош неизвестный» появился именно в пространных ответах на вопросы: здесь говорилось о дружеских связях поэта, его жизни в Америке, его семье, реакции на Нобелевскую премию и даже алкогольных предпочтениях.

И, конечно, для всех нас было огромным удовольствием и честью познакомиться с Тони Милошем, сыном Чеслава Милоша, специально приехавшим из Америки. Он подробно рассказал о жизни своего отца во Франции и Америке, о времени, когда в Польше Милоша считали изгоем и вычёркивали из энциклопедий. А диплом участника мастер-классов, полученный из рук сына Нобелевского лауреата по литературе, теперь занимает почётное место в моём домашнем архиве.

Нелёгкая судьба поэта отражена в его стихотворении «Жизнестойкий», перевод которого представляется вашему вниманию.

Алла Чучина

ЖИЗНЕСТОЙКИЙ

1.

Умом не блестал он, но избран судьбою,
Язык стародавний народа продвинул,
Хранимый молитвою иль ворожбою
В годину войны, лихолетья, не сгинул.

2.

В руках у судьбы человек лишь игрушка,
Как карта пойдёт, не поймёшь наперёд.
Награды и слава – всего лишь ловушка,
Не ожидал он царственных од.

3.

Набожный мальчик, чуть-чуть суеверный,
Таким простодушным он будет вовек.
Наивность его все считали болезненной,
Такой несуразный, смешной человек.

4.

В реестре народов – поляк он литовский,
Языческий житель преданий и мифа.
Он с детства наслушался песен старинных,
Усвоил, не ведая, тайны санскрита.

5.

Дымилась войной, изнывала отчизна.
Тогда говорили, что боль нас очистит.
А он всё мечтал о совести чистой,
О вере и чести, о миссии высшей.

6.

Страдал, но всё думал, что мало страдает.
Пытался пройти сквозь толпу неподвижных,
Страдает за них и стыд ощущает,
За то, что живёт и больше их мыслит.

7.

О нём бы сказали: «людьми восхищался,
Любил человека и был с ним на «ты»»,
В конечном итоге для них он старался,
Отбросив абстракцию красоты.

8.

В своих рассуждениях, немного запутанных,
Он слово сказал, примирив поколения,
Очень нужны нам шаманов напутствия,
Без их заклинаний как двигать идеями?

9.

Строилось здание, раньше невиданное,
Из вздохов и окриков, гимнов и жалоб,
Дом для всех праведных и обиженных,
Для укрощения примитивных страхов.

10.

Попросту верил, что есть мерило
Или весы судилища главного,
Когда наконец-то предстанем нагими,
Без притворства и мировоззренческого жеманства.

11.

А позже лелеял мечту воздаяния
За то, что старый, глухой и хромой
Поиски смысла не оставлял он
Жить не хотел по накатанной.

12.

А много было недопонято,
Хотя бы двойственность стремлений и желаний,
Пока же память и сознание не покинули его,
Последним словом было «Для чего?»

ВАЛЬС¹

Уже зеркала закружились, послушные голосу вальса,
Подсвечники, тихо качнувшись, отчалили в зал,
Смотрите: подсвечников сотня в тумане маячит,
И сотня зеркал отражает танцующий бал.

И розовый отблеск, как яблони цвет, на ладони,
И жёлтый, вплетённый в вращения круг,
Раскинут широко, как крестик в агонии,
Вихрь плеч из фарфора, мундиров, сплетения рук.

И кружат, в прикрытые очи всмотревшись,
Шелка заструились по телу – повтор.
И перья, и жемчуг, и шёпот, круженье,
И звуки, и ритмы – гудящий простор.

¹ Отрывок из стихотворения (Часть 1. Перевод для конкурса 2011 г.), часть 2, перевод для конкурса 2014 г.). (Прим. пер.).

Забудется всё, кроме светлого зала
И вальса, цветов, огоньков и утех,
И сотня свечей, отражаясь в бокалах,
И очи, и губы, круженье и смех.

Вальс (Часть 2)
Год 1910

Год девятьсот десять. Для нас уж час пробил.
В песочных часах застревают года.
Пришло время гнева, мехи переполнив,
Горящим кустом в жизнь вошла к нам беда.

А где-то в глубинке поэт народится,
Совсем не для них он напишет их гимн.
Дорогою Млечной ночь к избам струится,
От свары собачьей качается тын.

Ещё не родился, когда ещё будет.
Ты, милая, в такте качаешься с ним.
И будешь в легенде навечно кружиться,
В боль войн вплетённая, в ужас и дым.

Вот он возникает из плена истории,
И тихо на ушко он шепчет: смотри.
Не сразу поймёшь, чем душа отзовётся,
То вальса напев иль слёзы внутри.

Стань тут у окошка и, шторы раздвинув,
Взгляни сквозь стекло на бушующий мир.
Вальс ползает, золотом листвьев согбенный,
И в раму стучится холодный их вихрь.

Заря осветила замёрзшее поле,
И вдруг раскололась, рассыпалась ночь.
И толпы бегущих в смертельной погоне,
Но крика не слышно, бегут они прочь.

Телами их устлано поле до неба,
Кровь снег обагрила, сковав словно цепь.
Над каменным месивом убиенных,
Горящее солнце возносит свой цеп.

В реке, что подёрнута льдами и снегом,
Под синею тучей чернеет вода.
И красное солнце полки освещает,
И гонит рабов блеск суровый кнута.

Там в этих шеренгах, молчаньем объятых,
Твой сын поскользнулся, едва не упал.
Щека окровавлена и поцарапана,
Безумства улыбка, звериный оскал.

Кричи, дорогая! Сын твой в рабском обличии.
Осознавай, вот страданья предел.
С улыбкой такой человек обезличился,
И трудно понять, что он сделать хотел.

Есть отупение в скотской покорности.
Он смотрит на небо, на звёзды и знать не знает,
Хоть многие умерли, смириться не может,
Что медленно, медленно сам умирает.

Я верю, родная, тебя не коснётся сей ужас и страх.
Пред зеркалом старым стан твой взовьётся,
На утренней зорьке звезда улыбнётся,
И зазвенит колокольчик в санях.

Перевод с польского Аллы Чучиной

ИТОГИ XXII РЕГИОНАЛЬНОГО КОНКУРСА МОЛОДЫХ ПОЭТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ 2017 ГОДА

Формула успеха: «Знания + Умения + Вдохновение!»

31 марта 2017 года на факультете филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета по инициативе Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России состоялся традиционный конкурс молодых поэтов-переводчиков Забайкалья и других регионов России.

Призеры: (*с английского*) Василиса Бедова, Геннадий Шипко, Анастасия Семёнова, Татьяна Малышева, Анжелика Ким, Екатерина Белоплотова, Кристина Яковлева, Кристина Бишерева, Арюна Чимитцыренова; (*с немецкого*) Лилия Краус, Елена Саранина, Ирина Ерёменко, Елизавета Кузнецова, Анастасия Жеребцова; (*с китайского*) Елена Артамонова, Екатерина Фёдорова, Татьяна Бут; (*с русского на немецкий*) Лилия Краус.

Переводы с английского языка

**BLANCHE SHOEMAKER WAGSTAFF
(1888 – 1959)**

WILDNESS

Love forged for me a golden chain
To bind my straying feet.
I dwelt in scented rose-leaf rain
And found the young years sweet.

But when I hear the wind sweep by
Or see the white clouds pass –
The spaces of the open sky –
Birds soaring o'er the grass –

There is a little place in me
That cries like any child,
To be as forest things are, free
Lonely, and strange, and wild!

Перевод Софьи Ляпуновой

НЕОБУЗДАННОСТЬ

Любовь, что пленила меня,
Золотыми сковала цепями,
Обитал в вечной юности я
В лепестково-цветочном дурмане.

Но когда слышу голос ветра
Иль смотрю вовслед облакам,
Открывает пространство неба
Птиц паренье моим глазам.

И частица моей души,
Как ребёнок, зальётся криком,
И к свободе в лесной тиши
Устремится в порыве диком.

Перевод Василисы Бедовой

ВОЛЬНОСТЬ

Любовь, как цепь, стопы моя сковала,
Чтоб странствовать по свету я не мог.
Моя душа благоуханье роз вдыхала,
И сладок был зари моей поток.

Но лишь зефир управит облаками,
Я вижу, как чиста небес граница,
Весёлых птиц, поющих над цветами,
Но есть внутри меня одна частица,

Что ищет счастье в вольности природы,
А в дикой странности блаженство обретя,
Внутри меня, лишенная свободы,
Рыдает горько, будто бы дитя.

LOUISA MAY ALCOTT
(1832 – 1888)

Love comes to all soon or late,
And maketh gay or sad;
For every bird will find its mate,
And every lass a lad.

Перевод Татьяны Малышевой

Познаем все когда-нибудь
Любви бальзам иль яд.
Друг друга голубки найдут,
А девушки своих ребят.

Перевод Анны Немеровой

Любовь приходит рано или поздно.
Приводит к радости иль грусти вас она.
Для каждого найдётся половинка,
Для птицы – птица, для души – душа.

Перевод Кристины Яковлевой

Любовь придёт к вам поздно или рано,
Подарит радость или грусть.
Пускай для каждой птицы будет пара,
Для женщины мужчина будет пусты.

Перевод Анастасии Семёновой

Любовь ко всем приходит поздно или рано,
То грусть, то радость принося с собой.
Когда-нибудь найдется каждой птице пара
И свой для каждой девушки герой.

Ella Wheeler Wilcox
(1850 – 1919)

THE WORLD'S NEED

O many gods, so many creeds,
So many paths that wind and wind,
While just the art of being kind
Is all the sad world needs.

Перевод Кристины Бишеревой

Перевод Геннадия Шипко

Тем нужен бог, а тем – кумир.
Не счастье извилистых путей.
Когда искусство быть добрей –
Всё, в чём нуждается наш мир.

Так много богов и символов веры,
Так много путей что приносят ветра,
А в мире, в котором печаль и нужда,
Лишь доброта служит высшою мерой.

ANONYMOUS POET

Перевод Анастасии Семёновой

A SMILE

Let others cheer the winning man;
There's one I hold worth while;
'Tis he who does the best he can,
Then loses with a smile.

Beaten he is, but not to stay
Down with the rank and file;
That man will win some other day,
Who loses with a smile.

УЛЫБКА

Позволь всем чествовать того, кто победил.
Но я другого поддержать желаю.
Того, кто изо всех старался сил
И проигрыш с улыбкою встречает.

Не сдастся он и, будучи побитым,
Путём всех проигравших не пойдет.
В другой день станет знаменитым
Тот, кто викторию с улыбкой ждёт.

Перевод Анжелики Ким

Перевод Геннадия Шипко

УЛЫБКА

Пусть победителя приветствует другой. Пусть другие победителей приветствуют;
Есть тот, кто ждёт поддержки в этот миг. Я ценю того, кто в этой жизни зыбкой;
Он сделал всё, но проиграл свой бой, Сделал всё, но под напором бедствия,
С улыбкой принял крест – но он не сник. Проиграл с печальною улыбкой.

Он побеждён, но не побит, –
Другой взошёл на пьедестал.
Наступит день – он точно победит,
Тот, кто с улыбкой нынче проиграл.

УЛЫБКА

Он проиграл, но он не остаётся
Среди других терпевших поражение;
Ему потом удача улыбнётся –
И он ответит ей без промедления.

ANONYMOUS POET

ALWAYS FINISH

If a task is once begun
Never leave it till it's done.
Be the labor great or small,
Do it well or not at all.

Перевод Геннадия Шипко

ВСЕГДА ДО КОНЦА

Если себе поставил ты задачу
Иди к ней до конца, ибо нельзя иначе.
Возьмись за труд спокойно и умело,
Все сделай хорошо иль вообще не делай.

Перевод Арюны Чимитцыреновой

Если за дело взялся однажды.
Цель – не переделывать дважды.
Великим иль малым может быть труд –
Твои старания горы свернут!

ANONYMOUS POET

Перевод Белоплотовой Екатерины

LEND A HAND

Lend a hand to one another
In the daily toil of life.
When we meet a weaker brother,
Let us help him in the strife.
There is none so rich but may,
In his turn, be forced to borrow;
And the poor man's lot today
May become our own tomorrow.

ПОМОГИ БЛИЖНЕМУ

Протяни свою руку другому
В повседневной тяжёлой борьбе.
Если встретишь, ты брату земному
Помоги в его трудной судьбе.
И с богатым порою бывает,
Может всякое быть, милый брат.
Иногда судьба роли меняет –
Станет бедным, хоть был он богат.

Lend a hand to one another:
When malicious tongues have thrown
Dark suspicion on your brother,
Be not prompt to cast a stone.
There is none so good but may
Run adrift in shame and sorrow –
And the good man of today
May become the bad tomorrow.

Lend a hand to one another:
In the race for Honor's crown;
Should it fall upon your brother,
Let not envy tear it down.
Lend a hand to all, we pray,
In their sunshine or their sorrow;
And the prize they've won today
May become our own tomorrow.

Протяни свою добрую руку,
Когда злобные слухи пошли
В подозрении тёмном на друга,
Не злорадствуй ты, а помоги.
Ведь и ты можешь сам оступаться,
Оказаться ты можешь плохим –
Людям свойственно ошибаться,
И хороший становится злым.

Протяни свою руку соседу,
Если к славе он честно стремится.
Пусть все празднуют брата победу –
Не позволь слезам зависти литься.
Протяни свою руку ты людям
В будни радостей их иль в горе.
Пусть сегодня их праздник будет,
Ну, а твой, может статься, вскоре.

Переводы с немецкого языка

HEINRICH HEINE
((1797 – 1856))

Im wunderschönen Monat Mai,
Als alle Knospen sprangen,
Da ist in meinem Herzen
Die Liebe aufgegangen.

Im wunderschönen Monat Mai,
Als alle Vögel sangen,
Da hab ich ihr gestanden
Mein Sehnen und Verlangen

Перевод Ирины Ерёменко

Когда в прекрасный месяц май
Бутоны распускались,
Тогда и в моём сердце
Чувства пробуждались.

Перевод Елены Сараниной

Когда пришёл чудесный май,
Цветы все распустились,
Тогда и в сердце у меня
Любовь на свет явилась.

Когда в прекрасный месяц май
Все птицы щебетали,
Одной лишь ей доверил я
Желанья и печали.

Когда пришёл чудесный май,
Птиц гомон доносился.
В своей тоскующей любви
Я ей тогда открылся.

EDUARD MÖRIKE
(1804 – 1875)

FRAGE UND ANTWORT

Fragst du mich, woher die bange
Liebe mir zum Herzen kam,
Und warum ich ihr nicht lange
Schon den bittern Stachel nahm?

Sprich, warum mit Geisterschnelle
Wohl der Wind die Flügel röhrt,
Und woher die süße Quelle
Die verborgnen Wasser führt?

Banne du auf seiner Fährte
Mir den Wind in vollem Lauf!
Halte mit der Zaubergerde
Du die süßen Quellen auf!

Перевод Елены Сараниной

ВОПРОС И ОТВЕТ

Спросишь ли, откуда трепет
И любовь ко мне пришли,
Почему лишь робкий лепет
Был ответом на шипы?

Отчего движением быстрым
Ветер крылья подхватил,
И куда течением быстрым
Тайный ручеёк скользил?

Ты веди его следами,
Ветер, друг, что хватит сил!
Задержи ты чудесами
Тот источник, что мне мил!

Перевод Анастасии Жеребцовой

ВОПРОС И ОТВЕТ

Спросишь ты, ну как пронзила
Моё сердце вновь любовь?
Поразить уж был не в силах
Жало горькое я вновь?

Почему так торопливо
Ветер крылья распахнул,
И сладостный родник играво
Воды тайные вернул?

Ты поймай тот след от ветра,
Что стремглав вперёд летит!
Задержи источник светлый,
Что сладко чарами манит!

JOSEPH VON EICHENDORFF
(1788 – 1857)

DER VERLIEBTE REISENDE

Da fahr ich still im Wagen,
Du bist so weit von mir,
Wohin er mich mag tragen,
Ich bleibe doch bei dir.

Da fliegen Wälder, Klüfte
Und schöne Täler tief,
Und Lerchen hoch in den Lüften,
Als ob deine Stimme rief.

Die Sonne lustig scheinet
Weit über das Revier,
Ich bin so froh verweinet
Und singe still in mir.

Vom Berge geht's hinunter,
Das Posthorn schallt im Grund,
Mein Seel' wird mir so munter,
Grüß dich aus Herzensgrund.

Banne du auf seiner Fährte
Mir den Wind in vollem Lauf!
Halte mit der Zaubergerete
Du die süßen Quellen auf!

Перевод Лилии Краус

Перевод Елизаветы Кузнецовой

ВЛИОБЛЁННЫЙ ПУТНИК ВЛИОБЛЕННЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

Моя повозка тихо шла,
А ты так далеко,
Куда б она не увезла,
С тобой я всё равно.

Ущелья мимо и леса,
Долин глубоких вид,
И жаворонком в небесах
Мне голос твой звучит.

Меня увозит поезд,
А ты – так далека.
Куда бы не увёз он,
С тобой я навсегда.

Летят леса, долины,
Красивые поля,
И птичий переливы
Напомнили тебя.

Сияет солнышко, смеясь,
Всё озарив вокруг,
Слезами радость пролилась,
Петь песни стал я вдруг.

С горы я еду вниз. Трубит
Почтовый рог в логу,
Всё это душу мне бодрит,
Привет сердечный шлю.

И солнце светит ярко,
Даря свои лучи,
Как этим я растроган,
И всё поёт внутри.

С горы несётся поезд,
В долине горн звучит,
А из души бодрящий
Привет к тебе летит.

Перевод с французского языка

GERARD DE NERVAL
(1808-1855)

Перевод Олега Терёшина

CHANSON GOTHIQUE

Belle épousée,
J'aime tes pleurs !
C'est la rosée
Qui sied aux fleurs.

Les belles choses
N'ont qu'un printemps,
Semons de roses
Les pas du Temps !

Soit brune ou blonde
Faut-il choisir ?
Le Dieu du monde,
C'est le Plaisir.

ГОТСКАЯ ПЕСНЯ

Невеста-краса
На румянце слёзы,
Словно роса
На бутоне розы.

Скоротечно всё так:
Наше счастье, мы сами...
Времени шаг
Усеем цветами.

Волос твоих цвет
Не имеет значенья.
Бог на весь свет –
Наслажденье.

Переводы с китайского языка

朱自清 (1898 – 1948)
ЧЖУ ЦЗЫИН

光明

风雨沉沉的夜里，
前面一片荒郊。
走尽荒郊，
便是人们的道。
呀！黑暗里歧路万千，
叫我怎么走好？
“上帝！快给我些光明摆，
让我好向前跑“！
上帝慌着说，
“光明？我没处给你找！
你要光明，
自己去造！“

Перевод Елены Артамоновой

СВЕТ

Ветер с дождём бушуют в ночи,
Только лишь пустошь нас ждёт впереди.
Но до пустынных земель добрести –
Это и есть суть земного пути.
Сколько неверных дорог в темноте!
Как же пройти этот путь на земле?
Господи, света немногого мне дай,
Позволь убежать в непроглядную даль!
И мне ответил растерянно Бог:
Свет для тебя найти я не смог.
Если же в свете нуждаешься ты,
То должен сам ты его обрести!

Перевод Екатерины Фёдоровой

СВЕТ

Тихой ночью бушевали плач дождя и ветра вой.
Край пустынный, край печали распростёрся предо мной.

Впереди – стена безлюдья, нити жизненных дорог,
Мириадами распутий у моих стелятся ног.

Сеть путей неисчислимых. Как средь них мне свой найти?
Бог великий! Бог незримый! Жизни путь мне освети!
Пусть прольётся в тьме глубокой света тонкая струя,
Чтобы мог своей дорогой впредь идти по жизни я!

В тот же миг сквозь дождь и ветер отвечал мне глас с небес:
«Просиши ты меня о свете? Где найду его тебе?
Путь свой сквозь ветра и стужу, ты один силён избрать.
Раз уж свет тебе так нужен – сам изволь его создать!»

Перевод Татьяны Бут

不足之感

他是太阳，
我像一枝烛光；
他是海，浩浩荡荡的，
我像他的细流；

他是锁着的摩云塔，
我像塔下徘徊者。
他像鸟儿，有美丽的歌声，
在天空里自在飞着；
又像花儿，有鲜艳的颜色，
在乐园里盛开着；
我不曾有什么，
只好暗地里待着了。

НЕСОВЕРШЕНСТВО

Он – горячее солнце,
Я – лишь пламя свечи.
Он – безбрежное море,
Я – лесные ручьи...

Он высокая дивная пагода,
Я бродяга у запертых врат её.
Он птица, вольно летящая,
С чудной песней парящая в небе.
Он цветок, что в раю распускается...
А я – жалкий бедняк и скиталец я.
Давно участь моя мне ясна –
Оставаться во тьме до конца.

Перевод с русского на немецкий язык

Забайкальская поэзия. Василий Никонов (1921 – 2007)

10 лет назад в 2007 году ушёл из жизни Василий Григорьевич Никонов, патриарх Забайкальской литературы, патриот родного края, человек удивительной судьбы.

Первое крупное поэтическое произведение вышло в свет в 1952 году¹, а через пять лет первое прозаическое произведение – повесть «Семья Крыловых», рассказывающая о жизни авиаторов. В последующие годы были изданы романы и повести: «Любовь остаётся с

¹ <https://zabkradet.jimdo.com/>

нами», «Шилка», «Шалый плёс», «Прииск Дражный», «Медный кряж», «В горах моё сердце» и многие другие.

Писатель любил свой край, особенно Забайкальский север, тайгу, бурные реки. И эту любовь он стремился передать детям, подарив им замечательные книги: «Как я был у папы на заводе», «Вадимка», «Приключения сохатёнка», «Сын каюра», «Сохатёнок». Одна из детских книг – «Сын каюра» была издана в ГДР. Герои его книг – дети, которые живут в таёжных посёлках, они многое умеют, знают всё о тайге, любят и берегут природу.

В последние годы Василий Григорьевич вновь обращается к поэзии. Издаются такие сборники стихов, как «Романсы осени», «Рябина в снегу», «Свет родного края». Стихи его покоряют своей задушевностью, лиризмом. Поэтому на его тексты многие забайкальские композиторы писали музыку. Особой задушевностью, напевностью отличаются такие песни: «Дальние синие горы», «Край любимый», «Олёкминский вальс», «Забайкальская саранка» и многие другие.

Известен писатель и как переводчик, благодаря которому читатели познакомились с бурятскими, монгольскими, якутскими авторами. Много лет он был бессменным руководителем и вдохновителем творческого объединения молодых литераторов «Надежда». С 1957 по 1964 годы Василий Григорьевич возглавлял Читинскую писательскую организацию.

Последняя книга В. Г. Никонова «Как рождаются песни» вышла в 2008 году. Эта книга автобиографична, рассказывает о творческих встречах автора с известными писателями, композиторами. Его труд отмечен наградами, он имеет звание Заслуженный работник культуры РФ, Почётный гражданин Читинской области.

A. C. Вайкус

Перевод на немецкий язык Лилии Краус

НАДЕЖДА

Белую иву склоняют
Крылья весенних ветров.
Нежно меня обнимают
Вера, Надежда, Любовь.

Помнятся светлые ночи,
Берег целует вода.

DIE HOFFNUNG

Flügel der Frühwinden neigen
Die weiße Weide so nieder,
Zärtlich, mich umarmend, bleiben
Glaube, und Hoffnung, und Liebe.

Sind im Gedächtnis die Nächte,
Wie Wasser das Ufer küsst,

Счастье нам, милый, пророчит
Яркая в небе звезда.

Вечной любви не бывает,
Короток радости век.
Белая ива роняет
Жёлтые листья на снег.

Жизнь обернулася новью:
Где ты, мой милый, родной?
Взял мою Веру с Любовью,
Надежду оставил со мной.

Жизни не хочется прежней.
Надежда! Мне надо суметь:
Ты умираешь последней, –
Не дам я тебе умереть.

Und grellen Sterne vom Himmel
Sagen uns vor unser Glück.

Es gibt keine ewige Liebe,
Freudezeit ist kurz. O, weh!
Und weiße Weide verlieren
Die gelben Blätter auf Schnee.

Verwandelt in's Neue das Leben,
Wo bist du mein Lieber, sag es!
Nahmst du die Glaube und Liebe,
Hoffnung hast du mir gelassen.

Will nicht das vorige Leben.
Hoffnung! Das muss ich vermögen-
Du werdest am letzten sterben,
Ich lasse dir nicht wegkommen.

Словари в помощь переводчику

НИКОЛАЙ ВОРОПАЕВ

**СЛОВАРЬ-МИНИМУМ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЁН
КИТАЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА**

ЧАСТЬ II

В настоящем словаре представлен базовый арсенал прецедентных имён (ПИ) китайскоязычного дискурса, сформированный на основе первой части корпуса словаря Чэнь Сяньчунь «Прецедентные персонажи и события в культуре Китая» [Chen 19–99: 3135].

Структура статьи: 1. Имя прецедентного персонажа на китайском языке, с транскрипцией *ханьюй пиньинь* и на русском языке. 2. Инвариант восприятия ПИ в китайскоязычном дискурсе. Здесь представлены на русском языке инварианты, которые мы сформулировали в ходе исследования, опираясь на соответствующую литературу и данные опросов информантов-носителей китайского языка [Воропаев 2013]. 3. Инварианты восприятия ПИ на китайском языке, зафиксированные в словаре Чэнь Сяньчунь. 4. Референты ПИ. 5. Основные произведения (если были нами обнаружены), которые посвящены референту ПИ или в которых упоминается референт ПИ; указаны в соответствии с данными словаря Чэнь Сяньчунь и с привлечением другой научной литературы.

Полагаем, что два референта в 4-й части некоторых статей (Референт₁ ПИ и Референт₂ ПИ) следует выделять в случаях, когда референтом ПИ является историческая личность [событие] и эта историческая личность [событие] используется в прецедентном художественном литературном тексте или в дискурсе как важный или центральный персонаж [эпизод] и наделена в тексте или дискурсе дифференциальными признаками, которыми референт-историческая личность [событие] не обладал, например: Цао Цао как реальная историческая личность и Цао Цао как персонаж романа «Троецарствие» или

В. И. Чапаев как реальная историческая личность и В. И. Чапаев как персонаж советских и российских анекдотов.

Mm

马泊六 Ma Boliu Ma Болю (также 马伯六 или 马百六) – человек, который обеспечивает незаконное сватовство или отношения мужчины и женщины (сводник/сводница) 马泊六是指撮合不正当男女关系的人, 与“拉皮条的”同义

- Референт данного ПИ не установлен. Основные письменные памятники, в которых данное ПИ используется для характеристики: 1) роман «Речные заводи» (《水浒传》) (написан в середине 14 века), 2) многочисленные рассказы династий Мин (1368–1644 гг.) и Цин (1616–1911 гг.).

马大哈 Ma Daha Ma Даха – олицетворение небрежного, невнимательного, недобросовестного и несерьёзного в делах человека 马大哈是指粗心大意、办事不认真的人

- Референт ПИ – персонаж юмористического рассказа «Покупка обезьяны» (《买猴儿》) (написан в 1953 году).

毛遂 Mao Sui Mao Суй – олицетворяет тип людей, которые способны сами вызываться на трудные дела и сами себя рекомендовать, самовыдвигаться в позитивном значении этого слова 毛遂是自告奋勇、自我推荐的典型

- Референт ПИ – историческая личность, талантливый дипломат Мао Суй (285–228 гг. до н. э.). Основной письменный памятник, упоминающий референт ПИ – книга «Исторические записки» (《史记》) (книга была завершена в 91 г. до н. э.).

穆桂英 Mu Guiying Mu Гуйин – легендарная героиня, отважная мужественная женщина, выдающаяся личность 穆桂英是传说中的巾帼英雄, 女中豪杰

- Референт ПИ – персонаж книги «Повесть о генералах семьи Ян» (《杨家将演义》) (книга была завершена в середине династии Мин (1368–1644 гг.)) и книги «Повествование о династии Северная Сун» (《北宋志传》) (книга была написана в период династии Мин (1368–1644 гг.)). Возможно, референт данного ПИ – историческая личность, но на данный момент достаточных фактов, чтобы это подтвердить, не обнаружено.

Nn

南郭先生 Nanguo xiānshēng Господин **Наньго (Наньго сяньшэн)** – человек, который, не имея действительных способностей и знаний, выдаёт себя за знатока и профессионала **南郭先生是没有真正的才能，但是混在行家里冒充行家的人**

- Референт ПИ – персонаж книги «Хань Фэй-цзы» (раздел «О частной жизни наследника престола») (《韩非子 · 内储说》) (книгу написал философ Хань Фэй-цзы (280?–233 до н. э.)).

牛郎、织女 Niulang, Zhinü **Пастух и Ткачиха (Нюлан, Чжинюй)**, **также 牛女 Niu Nü** – Пастухом и Ткачихой китайцы называют супругов, которые проживают далеко друг от друга, вынуждены жить раздельно **牛郎织女喻指分居两地的夫妻**

- Референты ПИ – персонажи мифа китайского народа.

Pp

潘安 Pan An **Пань Ань** – красивый мужчина, красавец, красавчик **潘安容貌英俊，后来常用潘安的名字作为美男子的代称**

- Референт ПИ – историческая личность, талантливый литератор Пань Ань (247–300 гг.). Основной письменный памятник, посвящённый референту ПИ – «Жизнеописание Пань Юэ» из книги «Летописи Цзинь» (《晋书 · 潘岳传》) (книга написана в период с 559 по 649 гг.).

Qq

秦香莲 Qin Xianglian **Цинь Сянлянь** – женщина, брошенная мужем **秦香莲是被丈夫抛弃的受害妇女的典型**

- Референт ПИ – персонаж народной комедии «Дело об убийстве Мэя» (《铡美案》) (написана в период с 1638 по 1661 гг.).

Ss

孙山 Sun Shan **Сунь Шань** – человек, который сдал экзамен, но качество его знаний на грани, на самом последнем месте среди всех сдавших экзамен; фразеологизм **名落孙山 ming luo Sun Shan** означает «не выдержать экзамена», «провалиться на экзаменах» (дословно: «в

списке сдавших экзамен оказаться после Сунь Шаня») 孙山是指考中者的最后一名, 名落孙山是指没有考上

- Референт ПИ – персонаж рассказа «Заметки, сделанные во время прогулки по дворцу» (《过庭录》) (рассказ написан в период династии Сун (960–1279 гг.)).

孙悟空 Sun Wukong Сунь Укун (также 孙行者 Sun xingzhe «путник Сунь», 孙大圣 Sun dasheng «великий мудрец Сунь» или «совершенномудрый Сунь», 孙猴子 Sun houzi «обезьяна Сунь», 齐天大圣 Qi tian da sheng «Великий как Небо Мудрец») – человек, обладающий сверхъестественными способностями, и находчивый бесстрашный человек 孙悟空的名字喻指神通广大、无所畏惧的人

- Референт ПИ – персонаж романа «Путешествие на Запад» (《西游记》) (роман написан в 16 веке).

Tt

唐僧 Tangseng Тансэн (также 唐三藏 Tang Sanzang Танский Трипитака) – олицетворение хорошего, но слабого, робкого, нерешительного, слабовольного человека, который не способен отличить правду от лжи 唐僧代表懦弱胆小、是非不分的好人

- Референт₁ ПИ – историческая личность, знаменитый буддийский наставник (бонза) высшего ранга и переводчик буддийских сутр 玄奘 Xuanzang Сюаньцзан (602–664 гг.). Референт₂ ПИ – персонаж романа «Путешествие на Запад» (《西游记》) (роман написан в 16 веке).

Ww

王伦 Wang Lun Ван Лунь – олицетворение посредственных, ограниченных и недалёких людей, которые больше всего боятся, что кто-то их превзойдёт, смеstit с их поста 王伦是指那种自己没有什么本事, 又心胸狭窄、生怕别人超过自己的人

- Референт ПИ – персонаж романа «Речные заводи» (《水浒传》) (роман написан в середине 14 века).

王熙凤 Wang Xifeng Ван Сифэн (также 凤姐 Feng jie «старшая сестра Фэн» и 凤辣子 Feng lazi «дерзкая Фэн» дословно: «Фэн-перец») – молодая красивая барышня из богатой семьи. Она чрезвычайно умна,

находчива, способна, деятельна, но в то же время она жестокосердная, злая и безжалостная. Современные китайцы используют её имя для обозначения недобрых, суровых, деятельных, сильных женщин 王熙凤是年轻漂亮的富家少妇, 非常精明, 十分能干, 但是又心狠手辣。后来人们常用“王熙凤”来指这一类并非善良的厉害女人

- Референт ПИ – персонаж романа «Сон в красном тереме» (《红楼梦》) (роман написан в 18 веке).

武大郎 Wu Dalang У Далан (также 武大 Wu Da У Да) – коротышка, низкорослый человек 武大郎是指长得特别矮小的人

- Референт ПИ – персонаж романа «Речные заводи» (《水浒传》) (роман написан в середине 14 века).

武松 Wu Song У Сун (также 武二郎 Wu Erlang У Эрлан или 武二 Wu Er У Эр) – смельчак, хорошо владеющий боевыми приёмами. Символ мужества и непобедимости 武松的名字代表胆量过人、武艺高强的人

- Референт ПИ – персонаж романа «Речные заводи» (《水浒传》) (роман написан в середине 14 века).

Xx

西施 Xi Shi Си Ши (также 西子 Xizi Сицзы) – красивая женщина, красавица 西施是中国古代的美女, 后人常用西施泛指美女

- Референт ПИ – историческая личность, знаменитая красавица Си Ши, жившая в период Чуньцю (722–481 гг. до н. э.), по другим данным период Чуньцю (770–476 гг. до н. э., охватываемый летописью «Чуньцю»). Основной письменный памятник, упоминающий референт ПИ – «Летописи княжеств У и Юэ» (раздел «Заговор Гоу Цзяня») (《吴越春秋 · 勾践阴谋外传》) (книга написана в период Восточная Хань (25–220 гг.)).

萧何 Xiao He Сяо Хэ – имя Сяо Хэ часто используют в связи с такими ситуациями, когда кто-либо рекомендует и выдвигает кого-либо на повышение 萧何的名字常常跟荐举人材的事儿联系在一起

- Референт ПИ – историческая личность, министр императора Лю Бана [Лю Бан основал династию Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) и стал первым её императором] Сяо Хэ (?–193 г. до н. э.). Основной письменный памятник, посвящённый или упоминающий референт ПИ – книга «Исторические записки» (разделы «Жизнеописание владетельного рода канцлера Сяо» и

«Биография хоу из Хуайня») (《史记·萧相国世家》及《史记·淮阴侯列传》) (книга была завершена в 91 г. до н. э.).

薛宝钗 Xue Baochai Сюэ Баочай – девушка, которая легко ладит со старшим поколением, послушна, с младшими она также всегда находит общий язык, хорошо умеет решать разные житейские вопросы 薛宝钗通常是指那种对上顺从、对下随和，善于处世的姑娘

- Референт ПИ – персонаж романа «Сон в красном тереме» (《红楼梦》) (роман написан в 18 веке).

Yy

严嵩 Yan Song Янь Сун – продажный чиновник-вредитель, коварный чиновник-мздоимец 严嵩是历史上有名的奸臣，后以严嵩喻指奸臣

- Референт ПИ – историческая личность, всесильный сановник во времена династии Мин Янь Сун (1480–1567 гг.). Основной письменный памятник, упоминающий референт ПИ – книга «История династии Мин» (《明史》) (книга написана в 1735 г.).

尧、舜 Yao, Shun Яо и Шунь – обозначение мудрых правителей или как символ совершенной мудрости 尧和舜都是传说中中国远古时代圣明的领袖。后来人们用尧舜来代指贤明的君主，或者泛指圣人

- Референты ПИ – легендарные первые императоры Китая Яо и Шунь (жили до 21 века до н. э.). Основные письменные памятники, упоминающие референты ПИ – 1) книга «Перемены» (вторая часть раздела «Си ци») (《易·系辞下》) (книга написана в период с 551 по 479 гг. до н. э.) 2) канон «Ли цзи» (раздел «Да сюэ») (《礼记·大学》) (написан в период с 202 г. до н. э. по 9 г. н. э.).

叶公 Ye Gong Е-гун – человек, который любит показушною любовью, с виду любит что-либо (событие, дело), но когда это любимое им событие происходит в реальности, то он пугается его и не принимает 叶公代表在表面上爱好某一事物，而一旦某事真的发生时又很害怕的人

- Референт ПИ – персонаж книги «Новые порядки» (раздел «Разные проишествия») (《新序·杂事》) (книга написана в период с 77 по 6 гг. до н. э.)

愚公 Yu Gong Юй-гун – олицетворение волевого, энергичного, решительного человека, который не боится трудностей. 愚公用来比喻做事有顽强毅力、不怕困难的人

- Референт ПИ – персонаж трактата Ле-цзы (раздел «Танвэнь») (《列子·汤问》) (трактат написан в период с 450 по 375 гг. до н. э.).

月下老人 Yuexia laoren Подлунный старец (Юэсяя лаожэнь), также 月下老 (月下佬) Yuexia Lao или 月老 Yue Lao – легендарный дух, который отвечает за брак между мужчиной и женщиной. Китайцы употребляют его имя для обозначения сватов и свах. 月下老人是传说中主管男女婚姻的神, 后来人们把好心的媒人称作月下老人

- Референт ПИ – персонаж рассказа «Обручальная лавка» из книги «Продолжение смешных и удивительных историй» (《续幽怪录·定婚店》) (рассказ написан в период династии Тан (618–907 гг.)).

Zz

张飞 Zhang Fei Чжан Фэй (также 猛张飞 Meng Zhang Fei ‘храбрый Чжан Фэй’) – смельчак, храбрец. 张飞打仗时极其勇猛, 又非常鲁莽, 后来人们把这一类人称为猛张飞

- Референт₁ ПИ – историческая личность, бравый полководец и воин времён Троецарствия (166 – 221 гг.). Референт₂ ПИ – персонаж романа «Троецарствие» (《三国演义》) (роман создан в 14 веке).

钟馗 Zhong Kui Чжун Куй – человек, который способен усмирить (подавить, уничтожить) любые пороки и зло. 钟馗能捉鬼。现在把钟馗比作能够镇压邪恶的人

- Референт ПИ – персонаж мифа китайского народа. Основной письменный памятник, упоминающий референт ПИ – книга «Дополнительные записи с Ручья снов» (《梦溪补笔谈》) (написана в период династии Сун (960–1279 гг.)).

钟子期 Zhong Ziqi Чжун Цзыци – близкий (задушевный, интимный) друг. 钟子期的名字代表知音人

- Референт ПИ – персонаж трактата Ле-цзы (пятая часть раздела «Танвэнь») (《列子·汤问第五》) (трактат написан в период с 450 по 375 гг. до н. э.).

猪八戒 Zhu Bailei Чжю Бацзе – человек, который имеет уродливую внешность, любит много поесть, боится трудностей, стремится к лёгкой и праздной жизни 猪八戒是长得丑陋、食量大、害怕困难、贪图安逸的典型

- Референт ПИ – персонаж романа «Путешествие на Запад» (《西游记》) (роман написан в 16 веке).

诸葛亮 Zhuge Liang Чжугэ Лян – человек, который обладает мудростью и незаурядным умом; мудрец 诸葛亮的名字代表智慧超常的人

- Референт₁ ПИ – историческая личность, военный и государственный деятель периода Троецарствия (220–280 гг. нашей эры) Чжугэ Лян (181–234 гг.). Референт₂ ПИ – персонаж романа «Троецарствие» (《三国演义》) (роман создан в 14 веке). Основной письменный памятник, упоминающий референт ПИ – книга «История трёх царств» (《三国志》) (написана в период с 280 по 297 гг.).

Литература:

1. Chen 1999 – Chen Xianchun 中国文化中的典型人物与事件 // 陈贤纯编著. – 北京: 北京语言文化大学出版社, 1999 年. (Прецедентные персонажи и события в культуре Китая // Сост. Чэн Сяньчунь. – Пекин: Издательство Пекинского университета языка и культуры, 1999).
2. Воропаев 2013 – Воропаев Н. Н. Китайскоязычный прецедентикон. – LAP LAMBERT Academic Publishing, AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG Saarbrücken, Deutschland /Германия, 2013. – 448 с. ISBN: 978-3659-34638-5

РУССКО-АНГЛИЙСКО-ЛАТИНСКИЙ СЛОВАРЬ РАСТЕНИЙ¹

Составитель Нина Маркова

Pp

равноплодник	isopyrum	Isopyrum L. (Ranunculaceae)
радиола	allseed, flax seed	Radiola Hill. (Linaceae)
разнолепестник (раз- нолистник)	candytuft	Iberis Dill. (Cruciferae)
райграс английский (плевел многолетний)	rye-grass, English rye- grass, perennial rye-grass	Lolium perenne L. (Gramineae)
райграс высокий	tall oatgrass	Arrhenatherum elatius (L.) M. et K. (Gramineae)
райграс итальянский (плевел многоцветный)	Italian rye-grass	Lolium multiflorum Lam. (Gramineae)
райграс французский	oat-grass	Arrhenatherum P.B. (Gramineae)
райская яблоня (па- радизка)	paradise apple	Pyrus malus var. paradisiaca
ракита (ива ломкая)	brittle willow	Salix fragilis L. (Salicaceae)
ракитник	broom, green broom	Cytisus L. (Leguminosae)
ракитник альпийский	Scotch laburnum, Alpine broom	Cytisus alpinus
ракитник – золотой	laburnum	Cytisus laburnum
дождь		
раковые шейки (гор- лец, змеевик, горец змеиный)	snakeweed	Polygonum bistorta L. (Polygonaceae).
рами (китайская кра- пива)	ramie, China-grass	Boehmeria Jacq. (Urticaceae)
рамишия	one-sided shin-leaf	Ramischia L. (Pyrola secunda L.) (Pyrolaceae)
рапонтикум (маралий	carthamoid rhapontic	Rhaponticum

¹См. начало в журнале «Переводчик» № 9, 2009., СС. 185–206. (Прим. ред.).

корень)		carthamoides
рапс (кольза)	colza, rape	<i>Brassica napus</i> L. var. oleifera D.C. (Cruciferae)
рапунцель (маш-салат валериана овощная)	corn-salad	<i>Valerianella olitoria</i>
растигор (дубровник пурпуровый)	wild germander	<i>Teucrium hamaedrys</i> L. (Labiatae)
расторопша пятнистая (остро-пёстро, марын чертополох)	milk thistle, Saint-Mary thistle, holy thistle	<i>Silybum Marianum</i> Gaertn. (Compositae)
ратания	rhatany	<i>Kramera</i> gen.
раувольфия змеиная	Java devil pepper, serpentlike rauwolfia	<i>Rauvolfia serpentina</i>
раувольфия рвотная	emetic snakewood	<i>Rauvolfia vomitoria</i>
раувольфия седоватая	greyish-white snakewood	<i>Rauvolfia tetraphylla</i> (<i>Rauvolfia canescens</i>)
рвотный корень	strychnine, poison-nut	<i>Strychnos</i> nux- vomica L. (Loganiaceae)
рвотный корень (ипекакуана)	ipecacuanha	<i>Cephaelis</i> ipecacuanha (<i>Psychotria ipecacuanha</i> , <i>Uragoga ipecacuanha</i>)
рвотный орех (чили- буха)	nux-vomica poison-nut, glume grass	<i>Strychnos</i> nux-vomica
рвотный чай	yaupon	<i>Ilex vomitoria</i>
рдест	pondweed	<i>Potamogeton</i> L. (Potamogetonaceae)
ревень	rhubarb	<i>Rheum</i> L. (Polygonaceae)
ревень аптечный (ре- вень обыкновенный)	medicinal rhubarb	<i>Rheum officinale</i>
ревень дланевидный (ревень пальчатый)	palmate rhubarb, sorrel rhubarb	<i>Rheum palmatum</i>
ревень корейский	Korean rhubarb	<i>Rheum koreanum</i>
ревень тангутский	Tangutic rhubarb	<i>Rheum tanguticum</i>
редис (редька ого- родная)	garden-radish	<i>Raphanus sativus</i> L. (Cruciferae)
редька	radish	<i>Raphanus</i> L. (Cruciferae)
редька дикая	wild radish	<i>Raphanus raphanistrum</i> L. (Cruciferae)

резак	falcaria	Falcaria	Host.
резеда (церва)	mignonette	(Umbelliferae)	
резеда красильная	dye-weed	Reseda	L.
резуха	rock-cress, wall-cress	(Resedaceae)	
ремания клейкая	sticky rehmania	Reseda luteola	L.
ремнелепестник	lizard orchis	(Resedaceae)	
ремнецветник	loranth	Arabis L.	(Cruciferae)
ренклод	reine-claude	Rhemannia glutinosa	
репа (турнепс)	turnip	Himanthoglossum	
репа масличная	turnip rape	Koch	(Orchidaceae)
репей	beggar's lice	Loranthus	L.
репейничек (репешок, приворот)	agrimony	(Loranthaceae)	
репейничек аптечный (репейничек лекарственний, репешок обыкновенный)	common agrimony	Prunus domestica	var. cereola
репник	rapistrum	Brassica rapa	L.
рестио	rope-grass	(Cruciferae)	
ризома (корневище)	rhizome	Agrimonia	L.
римская ромашка (немецкая ромашка, анациклус аптечный, зубной корень)	German pellitory, pellitory-of-Spain	(Rosaceae).	
рипалис	mistletoe cactus	Agrimonia eupatoria	
рис	rice	Rapistrum	Crantz.
рис-падди (рис-сырец)	paddy	(Cruciferae)	
ричардия	trumpet lily	Restio	L.
риччия	floating liverwort	(Restionaceae)	
рогачка	rocket-salad	Anacyclus	
		officinarium	
		Rhipsalis	Gaertn.
		(Cactaceae).	
		Oryza L.	(Gramineae)
		Richardia	Knuth.
		(Araceae)	
		Riccia	Mich.
		(Ricciaceae)	
		Erucastrum	Presl.
		(Cruciferae)	

роговик	rescue-grass	Ceratochloa P.B. (<i>Bromus unioloides</i> H.B. et K.) (Gramineae)
рогоз	cat's tail, reed mace	<i>Typha</i> L. (Typhaceae)
рогоз восточный	oriental cat's-tail	<i>Typha orientalis</i>
роголистник	hornwort	<i>Ceratophyllum</i> L. (Ceratophyllaceae)
рогульник плавающий (чилим, орех водяной)	water chestnut, Jesuit's nut, caltrop	<i>Trapa natans</i> L. (Hydrocaryaceae)
рододендрон	rose bay, rhododendron	<i>Rhododendron</i> L. (Ericaceae)
рододендрон золотистый	golden rhododendron	<i>Rhododendron aureum</i> <i>um Georgi</i> (<i>Rhododendron chrysanthum</i>)
рододендрон ржаволистный (рододендрон ржавый)	rock rhododendron	<i>Rhododendron ferrugineum</i>
рододендрон даурский	Daurian rhododendron	<i>Rhododendron dauricum</i> L.
рододендрон Шлиппенбаха	Schlippenbach's rosebay	<i>Rhododendron schlippenbachii</i>
рожковое дерево (сладкий рожок, цареградский стручок)	carob, carob tree, St.-John's-bread	<i>Ceratonia siliqua</i>
ржъ	rye	<i>Secale</i> L. (Gramineae)
роза (шиповник)	rose	<i>Rosa</i> L. (Rosaceae)
роза альпийская	Alpine rose, drop-hip rose	<i>Rosa alpina</i>
роза Беггера (шиповник Беггера)	Begger's rose	<i>Rosa beggeriana</i>
роза гладкая	Cherokee rose	<i>Rosa Iaevigata</i>
роза даурская (шиповник даурский)	Daurian rose	<i>Rosa dahurica</i>
роза дикая (роза собачья, шиповник собачий)	dog rose, wild rose, canker rose, bird brier	<i>Rosa canina</i>
роза китайская	China rose	<i>Hibiscus rosa-sinensis</i> L. (Malvaceae)
роза коричная (шиповник майский, шиповник коричный)	cinnamon rose	<i>Rosa cinnamomea</i>

роза французская	French rose	Rosa gallica
роза Чероки	Cherokee rose	Rosa laevigata
розелла (гибискус сабдарифа)	roselle, Jamaica sorrel	<i>Hibiscus sabdariffa</i> L. (Malvaceae)
розель	rosella, roselle	<i>Hibiscus sabdariffa</i>
розмарин	rosemary	<i>Rosmarinus</i> L. (Labiatae)
розмарин лекарствен- ный	dwarf rosemary	<i>Rosmarinus</i> officinalis
розмариновый вереск (лавандовый вереск, подбелмноголистный)	bog rosemary, bog-rose- (mary andromeda)	<i>Andromeda polifolia</i>
ромашка	matricary, camomile	<i>Matricaria</i> L. (Compositae)
ромашка аптечная (ромашка лекарствен- ная, ромашка обод- ранная, девичий цве- ток)	German camomile, wild camomile, matricary	<i>Chamomilla</i> recutita (<i>Matricaria</i> chamomilla, <i>Matricaria</i> recutita)
ромашка немецкая	German pellitory	<i>Anacyclus</i> L. (Compositae)
ромашка непахучая	mayweed	<i>Matricaria</i> inodora
ромашка собачья (пупавка вонючая)	dog's fennel	<i>Anthemis</i> cotula L. (Compositae).
росянка	sundew	<i>Drosera</i> L. (Droseraceae)
росянка круглолиств- ная	round-leaved sundew	<i>Drosera</i> rotundifolia
рудбекия (эхинацея)	lustwort	
рудбекия красная (эхинацея пурпурная)	coneflower, rudbeckia	<i>Rudbeckia</i> L. (<i>Echinacea</i> Moench.) (Compositae)
рудбекия узколиств- ная (подсолнечник узколистный)	purple echinacea, purple coneflower	<i>Echinacea</i> purpurea (<i>Rudbeckia</i> purpurea)
рудбекия узколистная	narrow-leaved cone- flower	<i>Helianthus</i> angustifolius (Rud- beckia angustifolia)
руеллия	manyroot	<i>Ruellia</i> Plum. (Acanthaceae)
1. румянка (синяк)	1. viper's-bugloss	1. <i>Echium</i> L.
2. румянка	2. anchusa	(Boraginaceae)
руппия	tassel-grass	2. <i>Anchusa</i>
		<i>Ruppia</i> L. (Naiadaceae)

рутка	rue	Ruta L. (Rutaceae)
рутка душистая	common rue, herb of grace	Ruta graveolens
рыжик	1. false flax, gold-of pleasure 2. orange-agaric	1. <i>Camelina</i> Crantz (Cruciferae) 2. <i>Lactarius deliciosus</i> Fr. (Agaricaceae)
рыжик посевной	gold-of-pleasure, madwort	<i>Camelina sativa</i>
рябина	service-tree, quicken	<i>Sorbus L.</i> (Rosaceae)
рябина обыкновенная	wiggen-tree	<i>Sorbus aucuparia</i>
рябина американская	American mountain-ash	<i>Sorbus americana</i>
чёрная		
рябина-ария	white-beam tree	<i>Sorbus aria</i> Crantz. (Rosaceae)
рябина глоговина	checker tree, checker-tree mountain ash, wild service tree	<i>Sorbus torminalis</i>
рябина домашняя	service, service tree, mountain ash	<i>Sorbus domestica</i> <i>Pyrus domestica</i>
рябина ликёрная (рябина обыкновенная)	mountain ash, European mountain-ash, rowan tree, witchen, quickbeam	<i>Sorbus aucuparia</i> L. (Rosaceae) <i>Pyrus aucuparia</i>
рябина черноплодная (арония черноплодная)	black chokeberry	<i>Aronia melanocarpa</i>
рябчик	fritillary	<i>Fritillaria</i> L. (Liliaceae)
рябчик шахматный	checkered lily	<i>Fritillaria meleagris</i> L. (Liliaceae)
ряска	duckweed	<i>Lemna</i> L. (Lemnaceae)
ряска маленькая	little duckweed	<i>Lemna minor</i>

Земля Даурская

ВИКТОР БАЛАБАНОВ

ЧИТИНСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. ГОД 1911

DEMOGRAPHIE TSCHITAS. DAS JAHR 1911

Im Sommer 1911 wurde in der städtischen Duma die Frage des Straßenbahnbau besprochen. Die Unternehmen, die diesen Bau planten, benötigten diesbezüglich Angaben über die Bevölkerung der Stadt und ihrer Vororte, die nicht nur die gesamte Einwohnerzahl von Tschita, Antipicha und Pestschanka erfassten, sondern auch die einzelnen Stadtbezirke und Viertel. Zusätzlich brauchte man auch die Information über die möglichen Ab- und Zuzüge der Einwohner. Die Duma geriet dabei in die Enge: diese Informationen fehlten. Aus diesem Anlass merkte die Zeitung „Zabaikalskaja Nowj“ an: „Bis heute ist die städtische Duma mit den Arbeiten an den sogenannten demografischen Stadtforschungen nicht fertig, für die beträchtliche Geldmittel ausgezahlt und worin große Hoffnungen gesetzt wurden“.

Zum 1. Januar 1911, wie man es dem „Obsor Zabaikalskoj Oblasti“ entnehmen kann, betrug die Einwohnerzahl 63.602. Unter Einbezug von Leuten des unteren militärischen Ranges sowie Kosaken und ihren Familien, betrug die gesamte Bevölkerungszahl 97.545 Einwohner. In Tschita war zu dieser Zeit ein Bevölkerungswachstum 23.220 Menschen gegenüber dem Vorjahr zu beobachten. Das Wachstum resultierte aus dem Zuzug von Menschen. Im Laufe des Jahres 1910 ließ man 236 Ehen registrieren, zudem wurden 997 Jungen und 953 Mädchen geboren.

Die Statistik der damaligen Zeit teilte die Einwohner dem sozialen Stand nach ein. In Bezug zur gesamten Bevölkerungszahl waren darunter 3,5 % der Adligen, 10,3% – Kleinbürger, 3,2% – Bauern, 4,7% – Fremdstämmige und 9,3% – Andere.

In der Stadt zählte man 46 Bildungsinstitutionen, an denen 4124 Menschen lernten, oder 4,2 % in Bezug zur Gesamtzahl der Einwohner. Unter diesen Lehranstalten gab es acht private Fachschulen, an denen

136 Mädchen und 191 Jungen studierten; sieben Gemeindeschulen mit 346 Schülern beiden Geschlechts und eine Sonntagsschule. Es gab zwei besondere Fachschulen: eine private Kommerzfachschule (78 Schüler) und eine staatseigene Handwerksfachschule (97 Schüler). Von allgemeinbildenden Schulen, an denen die Hälfte aller Schüler lernten, gab es sieben: ein klassisches Männer- und Frauengymnasium (oder das 2. Frauengymnasium), eine Realfachschule, ein Lehrerseminar, sowie einen Stift und eine parochiale Fachschule.

Andere Lehranstalten galten als Volksfachschulen. Dabei drei davon waren einklassig und wurden 1910 eröffnet. Die städtische Statistik berücksichtigte 33 verschiedene Betriebe. Den größten Teil davon nannte man Fabrik oder Werk. Das waren zwei Sägewerke, neun Ziegelwerke, zwei Filzwerke, zwei Filzwerke für Filzschuhe und drei Lederwerke. In diesen Werken, die einen Gewinn in Höhe von 313,5 Rubeln einbrachten, arbeiteten 237 Arbeiter. Die größte Arbeiterzahl war mit 87 Menschen bei den Ziegelwerken tätig. In der Stadt zählte man 17 offizielle wohltätige Gesellschaften und Institutionen. Darunter die „Ältesten der Stadt“, die Frauenfürsorgeanstalt, das „Haus des Fleißes“ sowie das Obdachlosenheim.

Anfang 1911 berücksichtigte die Statistik 37 Ärzte (2 davon Frauen), 38 Arzthelfer (9 davon Frauen), 32 Geburtshelferinnen und Muhmen, 10 Zahnärzte, 12 Pharmazeuten.

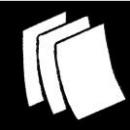
Sechs Krankenhäuser bedienten die Einwohner: ein städtisches Krankenhaus mit 100 Betten, ein bürgerliches Irrenhaus, eröffnet 1910, mit 30 Betten, das Rote Kreuz mit 35 Betten, Gefängniskrankenhaus mit 30 Betten, sowie zwei vom Eisenbahnwesen jeweils mit 80 und 20 Betten.

Es waren 11 Gasthäuser, die der Stadt 5300 Rubel für ihren Erhalt zahlten. Die größte Gaststätte war das Restaurant „Daurija“.

Die transbaikalische Statistik war insgesamt bis zur Gründung des statistischen Amtes schwach organisiert. Das stellte sich während der Besprechung der Frage zum Straßenbahnbau in der Stadt heraus.

/Из книги Балабанов В. Ф. «Строка и памятью отмечено». – Чита: Экспресс-издательство 2007, СС. 115–116/.

Перевод с русского на немецкий язык Ирины Бобровой

Памятные даты

К 105-ЛЕТИЮ БАДМЫ-БАЗАР НАМСАРАЙНА

БОРИС МАКАРОВ

БАГША

Бадма-Базар Намсарайн – известный забайкальский писатель, педагог, краевед, журналист.

Не помню точную дату, но в памяти навсегда остался золотой, солнечный день, широкие, чистые, ухоженные улицы Агинского, добрые, улыбчивые лица моих старых друзей – народного поэта Бурятии, участника Великой Отечественной войны, автора более тридцати книг стихов и прозы Арсалана Жамбалона и его жены Уржин, многодетной матери – хранительницы многовековой мудрости своего народа, его обычаев и культуры.

...Мы сидим в уютной комнатке гостеприимной квартиры Арсалана и Уржин. Вокруг нас – на журнальном столике, на креслах – книги, буклеты, альбомы... Арсалан Жамбалович рассказывает мне об агинских литераторах, показывает их фотографии, читает по-бурятски стихи своих земляков, поэтов Аги и Бурятии, и тут же разъясняет мне их смысл и содержание на русском языке.

– У нас в Аге много талантливых поэтов и прозаиков. Некоторые из них издали уже по несколько книг. Хороших, добротных, нужных книг, а вот широкому читателю, к сожалению, их имена не известны. Почему? Да потому, что эти литераторы пишут и издают книги на своём родном бурятском языке. А девяносто, а то и больше процентов забайкальцев говорят, общаются между собой, знакомятся с произведениями своих земляков-писателей, в том числе и бурятских, на русском языке. Так уж сложилось исторически. Хорошо это или плохо – судить не берусь. На этот вопрос лучше ответят учёные-языковеды. По-моему же, – и плохо, – народ не должен забывать свой язык, а у нас, прямо скажем, появились молодые люди, не только не знающие родной язык, но даже стыдящиеся разговаривать на языке предков. Ну а знание русского языка, естественно, приобщает челове-

ка не только к русской, советской – многонациональной, но и мировой культуре.

Меня, старого писателя, не может не огорчать тот факт, что те авторы, о которых я говорю, остаются, к сожалению, только писателями Аги и их творчество недоступно многим россиянам.

Вот живой пример. В нашем округе, наверное, нет человека не знающего талантливого поэта и прозаика, педагога, краеведа, журналиста, как его называют, «учителя учителей», мудрого наставника-воспитателя многих писателей, знатока бурятского языка Бадму-Базар Намсарайна. Намсарайн – его псевдоним. Подлинная фамилия – Намсараев. Как и моя фамилия Жамбалон – псевдоним. Псевдонимы, как мы знаем, писатели берут себе по разным причинам. Мой брат, Цыдыл Жамбалов, тоже писатель. Ну а двух писателей Жамбаловых, – смеётся Арсалан, – для небольшого округа было бы многовато...

Почему Бадма-Базар большинство своих произведений публикует под псевдонимом, не знаю. Но осмелюсь предположить, – из-за своей непреодолимой, непобедимой скромности.

Удивительный человек. Он на двенадцать лет старше меня, родился в 1912 году. Его биография – история жизни нашего народа в нынешнем двадцатом веке. Ещё бы – он ровесник первой мировой войны, революции, пережил гражданскую войну, годы коллективизации, сталинских репрессий, Великую Отечественную войну...

Можно только представить сколько трудностей, сколько препятствий пришлось преодолеть мальчионке-степняку из местечка Хуни Челунтайского сомона, чтобы получить приличное по тем временам образование – окончить начальную, а затем двухступенчатую школы.

О том, как учился Бадма-Базар, говорит тот факт, что в 1930 году он сам был направлен на ликвидацию неграмотности в сёлах округа.

Работал в школах Чиндалея, Табтаная, Цогто-Хангила, Цудунтуя – преподавал детям и взрослым родной язык, литературу, изучал историю бурятского народа, собирая фольклор – песни, сказания, былины, сказки, пословицы, поговорки...

Уже тогда в тридцатые годы, начал писать стихи, сотрудничать с газетами округа и Бурятии. Он основал первый школьный литературный кружок «Булаг» («Родник»), а в 60-ых годах – литературное объединение учителей, колхозников, служащих «Хухэ – Сээл» («Голубое бездонье»). Среди его учеников, воспитанников – поэты и прозаики Цырендашиев, Бальжинимаев, Рабжуев, Цыденов и другие.

Арсалан Жамбалович аккуратно снял с книжной полки стопку книг:

– Вот только несколько сборников Бадмы-Базар Намсарайна: «Булаг», «Алтаргана», «Хулэгхээр», «Сагаалган»... Я сейчас даже затрудняюсь перечислить все книги Багши. Да-да – багши – учителя, наставника. В нашем языке слово «багша» означает не только учителя-предметника, но и учителя жизни. Всей своей жизнью он учит своих учеников честности, порядочности, благородству, скромности, доброте, любви к родной земле, к своему народу.

Агинские писатели – и прозаики, и поэты разных поколений – от нас, старииков, до самых юных испытали влияние творчества Намсарайна. Стихи его просты, но настолько они душевые и глубокие, что никого не оставляют равнодушными – ни читателей, ни слушателей. Вот послушай, прочитаю тебе стихотворение об Ононе. Ты ведь тоже вырос и живёшь на берегах красавицы-реки...

– Музыка!

Забегая вперёд, скажу, – возвратившись домой, в Акшу, я перевёл стихотворение Б. Б. Намсарайна «Кремни» на русский язык:

День наполнен птичьим перезвоном.
У коряг – тугие всплески щук.
Я иду по берегу Онона,
Кремни золотистые ищу.
Я люблю их.
В них мерцает вечность.
Сохраняя первозданный цвет,
Каждый камень пережил, конечно,
Сотни зим и сотни жарких лет.
Их швыряли исступлённо волны,
Шлифовал тяжёлый жесткий лёд.
Каждый камень – непокорный воин,
Победивший тысячи невзгод.
...Кремни собираю – вспоминаю
Всё, что испытать мне довелось.
Я у жизни не топтался с краю,
Знал людскую доброту и злость.
Видел неудачи и удачи
И пощады не умел просить.
Я привык без стона и без плача
Беды по-мужски переносить.
Камни-кремни, всё же я хотел бы,
Новых дней штурмую высоту,
Чтоб впитало человечье тело

Вашу силу, вашу красоту.
Одного бы я желал при этом
(Крепость камня очень хороша),
Чтобы в нас сверкала вечным светом
Человечья нежная душа.

Каждая строка, на первый взгляд, простого незамысловатого, лишённого лжефилософской фигуральности, за которой часто скрывается пустота, стихотворения – мудрый, немногословный рассказ о большой, долгой человеческой жизни, о его богатом внутреннем мире, позволяющем видеть многоцветье окружающего мира, его красоту, величие и беззащитность.

Так писать, так говорить со своими читателями может только настоящий мастер, настоящий мудрый, проживший огромную жизнь Учитель – Багша.

Работая над переводом этого стихотворения, я удивлялся единству наших взглядов, ощущений с его автором. Мне казалось, что я иду рядом с Бадмой-Базаром по мерцающим самоцветам ононского берега, слышу всплески щук, вижу круги, расходящиеся по хрустальной, пронизанной солнцем воде. Делюсь с поэтом своими заветными мечтами...

Такое единение мыслей и чувств поэта с его читателем – главный показатель мастерства, таланта поэта. Большого Поэта.

45 лет отдал Бадма-Базар Намсараевич труду сельского учителя. 45 лет прожил в сёлах округа, разбросанных в бескрайних агинских степях, в сёлах, которые и сегодня не сразу найдёшь на мелкомасштабных картах. Скольким бедным ребятишкам он купил ученические тетради и карандаши за свои деньги, заработанные нелёгким трудом, деньги из более чем скромного заработка учителя.

Можно только удивляться неиссякаемой силе и энергии этого замечательного человека, находившего время для работы над своими книгами, для преподавания старомонгольского языка всем его ценителям, для исследования истории родного края. Б.-Б. Намсарайн был одним из организаторов краеведческого музея в округе; организатором и руководителем походов школьников по уникальным местам Аги, участником ботанических и археологических экспедиций учёных крупнейших вузов страны. Он действительный член Географического общества России, награждён медалью Н. И. Пржевальского.

За трудовые успехи Б.-Б. Намсарайну было присвоено звание почётного гражданина Агинского бурятского национального округа. Он кавалер многих правительственные наград, среди которых и орден

«Знак Почёта». Жизнь, судьба замечательного человека легли в основу документального фильма «Багша», снятого на Свердловской киностудии.

Б.-Б. Намсарайн с супругой Санжижаб воспитали семерых детей, среди них известный российский поэт, главный редактор Бурятского книжного издательства, заслуженный работник культуры Владимир Намсараев и доктор биологических наук Баир Намсараев. Не уронят чести и достоинства и остальные дети.

В последние годы жизни, будучи в преклонном возрасте, Намсарайн не переставал писать стихи, многие из которых сегодня воспринимаются как его наказ нам, нашим внукам и правнукам, будущим читателям его книг, хозяевам красивой и щедрой земли Агинской, будущим гражданам нашей родины:

Степь – исток наших песен
И сказочных дел,
Степь – любимая, добрая, строгая мать,
Степь – земля моя отчая,
Как бы хотел
Я и внукам цветущей её передать.

Надо ли говорить о том, что «Кунгурская степь» и сегодня, может быть, даже острее, злободневнее, важнее, чем раньше. Перед нами стоит задача – сохранить красоту и богатство родной земли, природы и передать её нашим детям, внукам, правнукам – живой и цветущей.

Сын мой, да будет счастливым твой путь,
Только людской доброты не забудь.

С такими словами в стихотворении «Наказ сыну» Б.-Б. Намсарайн обращается к сыну и в его лице – ко всем нам.

В своих стихах и новеллах, рассказах и повестях поистине народный писатель и учитель Б.-Б. Намсарайн воспевал дружбу народов, наказывал своим будущим читателям ценить мир и дружбу, как самое большое, самое неразменное богатство.

Б.-Б. Намсарайн может служить примером для писателей нашего и будущего времён. Он много и напряжённо работал до последнего часа своей жизни. Уже будучи пожилым человеком, он одну за другой издаёт книги: «Аргамак» (1988), «Перекрёстки судеб» (1996), «Уроки родного языка» (2001).

Последняя книга вышла в свет в год кончины Б.-Б. Намсарайна. Он скончался 20 декабря 2001 года.

Вспоминая рассказы учеников Б.-Б. Намсарайна о своём учите-ле, читая статьи о нём в разных библиографических изданиях, завиду-ешь тем, кто может читать книги мудрого, много повидавшего, много пережившего, много знавшего человека – писателя, географа, знатока старомонгольского языка, этнографа, педагога и завидуешь тому, кто сможет сделать труды Багши достоянием всех русскоязычных читате-лей.

Найдётся ли среди забайкальских и, прежде всего, агинских ли-тераторов такой патриот своего края, своего народа, писатель-подвижник, как известный забайкальский поэт и прозаик, кавалер зо-лотой Пушкинской медали, Виктор Борисович Балдоржиев, благодаря которому всем книголюбам стало известно и доступно творчество та-лантливого поэта и прозаика Аги Дугаржапа Жапхандаева. Виктор Балдоржиев перевёл на русский язык рассказы и повести Жапхандае-ва, вошедшие в книги «Алханай – Шамбола моей души» и «Между Алханаем и Ямато». С рождением этих книг в Забайкалье заново ро-дился глубокий, самобытный, интересный писатель, вставший в один ряд с классиками бурятской и русской литературы.

Пользуясь случаем, хочется ещё раз поблагодарить Виктора Балдоржиева за его благородный, бескорыстный труд и пожелать ус-пеха, творческой удачи будущим переводчикам книг Бадмы-Базар Намсарайна. Верится – они будут!

Декабрь 2016 года

ПРИЛОЖЕНИЕ

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

МЦЫРИ (отрывок из поэмы)¹

4

Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас –
Зачем?.. Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов «отец» и «мать».
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имён, –
Напрасно: звук их был рождён
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ – могил!
Тогда, пустых не тряся слёз,
В душе я клятву произнёс:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

5

Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться мне.
Я молод, молод... Знал ли ты

¹ См. перевод на английский язык отрывка из поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри» Екатерины Коржовой (СС. 41–44).

Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билося живей
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой,
Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл: ты slab и сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил, – я также мог бы жить!

6

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? – Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежею толпой,
Как братья в пляске круговой.
Я видел груды тёмных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!
Простёрты в воздухе давно
Объятья каменные их,
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года –
Им не сойтись никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,
Когда в час утренней зары
Курились, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег –
Как будто белый караван
Залётных птиц из дальних стран!
Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих, как алмаз,
Седой незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему

Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней...

7

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножон
Кинжалов длинных... и как сон
Всё это смутной чередой
Вдруг пробегало предо мной.
А мой отец? он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор,
И молодых моих сестёр...
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...
В ущелье там бежал поток.
Он шумен был, но неглубок;
К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они перед дождём
Волны касалися крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир ещё пышней.

Переводчики НЕ шутят¹

And the skies that once were blue are falling.

Лыжи, бывшие когда-то синими, упали.

Honey, don't!

Мёда нет!

Silver is the best conductor of electricity.

Сильвер – лучший проводник электрички.

Spirit is strong, but the flesh is weak.

Водка ничего, а мясо протухло.

Undressed custom model.

Голая таможенная модель.

Do you feel alright?

Ты справа всех знаешь?

Just in case.

Только в портфеле.

Phone seller

Позвони продавцу.

I know his story well.

Я знаю твой исторический колодец.

He was a minor employee.

Он нанимал на работу шахтеров.

By the way

Купи дорогу.

Wicked design.

Злобный дизайн.

Grandfather clock.

Часы, которые достались им в наследство от дедушки.

The more the merrier!

Ещё женихи!

Obviously

Обвисли

Fly fishing.

Ловля рыбы на лету.

I am not like you.

Вы мне не нравитесь.

Western Hemisphere.

Западный Гемпшир

All Hands On Deck!

Все руки на палубу!

Underwater missile cruiser.

Подводный ракетный крейсер.

¹ <http://www.freewebs.com/sined/pearls.htm>; <http://lingvo-tech.livejournal.com/15183.html>

Figures remain unchanged during window lifetime.	Рисунки остаются неизменными всё время существования окна (на экране дисплея).
The salad indicator lights up.	При этом загорается салатовый индикатор.
Advancements in Diver Communications.	Достижения в связях с водолазами.
If you found this notebook, it means I badly need it back.	Если вы нашли эту тетрадь, значит мне без неё очень плохо.
Dom Youth <i>табличка-указатель в Санкт-Петербурге, поставленная перед саммитом G20 в 2013 г.</i>	Дом молодежи
Take your time.	Бери свое время.
In the days before cable television, viewers at home received a TV signal through an antenna, either strapped to the chimney or sitting on top of the set.	Люди обеспечивали приём телевизионного сигнала с помощью антенны, прикрепленной к дымоходу или сидя сверху телевизора.
Most accidents have a significant human contribution.	Большинство несчастных случаев имеют значительный человеческий вклад.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ (Харьков, Украина)

Окончил факультет иностранных языков Харьковского госуниверситета. С 1982-го по 1989-й год работал на том же факультете внештатным преподавателем испанского и английского языков. Поэт-переводчик. Переводы с английского: Джон Мильтон. «Возвращённый Рай» (2001) (в 2006 г. перевод опубликован Российской Академией Наук в серии «Литературные памятники»); Джейфри Чосер. «Книга о королеве», «Птичий парламент» (2004); Александр Монтгомери «Вишня и Тёрн». Сонеты (2007); Джон Китс. «Малые поэмы» (2012); Из шотландской поэзии XVI–XIX вв. (2012). Перевод с португальского – Фернандо Пессоа (1989); перевод с испанского – Хулиан дель Касаль. Хосе Марти. «Средь сумерек и теней». Избранные стихотворения. (2011). Переводные стихи также опубликованы в антологиях: «Шедевры любовной лирики. Зарубежная поэзия. Серия: Мировая классика» (2005), «Строфы века», «Строфы века-2», «Век перевода» (тт. 1–3), «Семь веков английской поэзии» (тт. 1–3. (2007). В 2007 году вышла в свет книга «Факсимиле. Стихотворения и переводы». Победитель (II место) открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

БРИЛЕВА ВАЛЕНТИНА РОДИОНОВНА (Чита)

Автор поэтического сборника «Любовь» (2000). Переводит английскую классическую поэзию. Автор четырёх персональных выставок: «Жизнь – диво в искристых красках...» (2007), «...Радость, прежде всего, пробуждать» (2008), «Жизни земное отраженье» (2009), «Чувствам предаться несуетным...» (2013). Регулярно публикуется в журнале «Переводчик».

БОБРОВА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА (Чита)

Окончила университет им. Гумбольдта в Берлине (Германия) и аспирантуру по германской филологии при ЛГПИ им. А. И. Герцена. Кандидат философских наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета. Работает заместителем директора университетского предприятия ООО «Забайкальский лингвистический центр «Прогресс». Действительный член Союза переводчиков России. Имеет публикации в разделах «Земля Даурская» и «Лексикография» журнала «Переводчик», является членом редколлегии журнала.

БУЛДЫГЕРОВА АННА НИКОЛАЕВНА (Чита)

Окончила китайское отделение факультета иностранных языков Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Работает старшим преподавателем кафедры китайского языка факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета. Принимала участие в работе VIII Летней школе перевода СПР (Крым, 2015 г.). Является членом редколлегии журнала «Переводчик».

ВОРОПАЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (Москва)

Окончил китайско-английское отделение Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Научный сотрудник Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкоznания РАН. Кандидат филологических наук. Переводчик, член Союза переводчиков России, член Национальной лиги переводчиков. Научные интересы – методика преподавания китайского языка, переводоведение, лингвокультурология, психолингвистика. Автор учебных пособий и словарей (в т. ч. в соавторстве с Ма Тяньюй): Современный русско-китайский словарь (2012); Китайский язык. Три книги в одной. Грамматика, разговорник, словарь (2013); Самый простой самоучитель китайского языка «500 китайских слов» (2013); монография «Китайскоязычный прецедентикон» (2013), Учебник практической фонетики китайского языка (2014); Покитайски обо всём. 88 научно-популярных текстов-миниатюр на занятиях по китайскому языку (2014); Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи. Лингвокультурологический словарь-справочник для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая (2015); Китайский язык: четыре книги в одной. Разговорник, китайско-русский словарь, русско-китайский словарь, грамматика (2016). Персональный сайт: www.vokitai.ru

ДЕМИДОВА (КОВАШКИНА) НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА (Исландия, Рейкьявик). Окончила бакалавриат и магистратуру Государственного университета Исландии, переводовед. Переводы с исландского и статьи публиковались в журналах «Milli mála» (Исландия), «LiteraruS» (Финляндия), «Новая Юность», «Переводчик» (Россия).

ЕПИШКИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (Чита)

Окончил факультет романских языков Иркутского государственного института иностранных языков им. Хо Ши Мина, Высшие курсы преподавателей иностранных языков для языковых факультетов при МГПИ им. Ленина. Специалист в области лексикографии, переводчик с французского. Составитель Краткого исторического словаря галлицизмов русского языка (Чита, 1999), Исторического словаря галлицизмов русского языка (Москва, 2010). Подготовлен к печати 3-х томный Исторический словарь французской моды в России. Опубликованы: хронологический словарник «Французские ткани и их цвет» (2014), «Московитские письма» Ф. Локателли (перевод с французского, 2014). Вышел в свет Хронологический словарь Исторического словаря французской моды в России: одежда, обувь, головные уборы, прически (Чита, 2015). Опубликован перевод с французского книги Александра Стурдзы «Размышления об учении и духе православной церкви» (СПб., 2015). В настоящее время осуществляется работа над переводом с французского Исторического словаря Любви 18 века, автором которого является Дрё дю Радье.

ЗАМИРСКАЯ ИДА (ЕГОРОВА ЗИНАИДА АЛЕКСЕЕВНА) (Украина, г. Северодонецк)

Окончила факультет иностранных языков Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. Отделение – немецкий язык и литература. Получила квалификацию филолога, преподавателя немецкого языка. Работала переводчиком научно-технической литературы в НИИХиммаш и учителем английского

языка. Художественным переводом с немецкого и английского языков занимается с 2012 года. Дипломант открытого международного конкурса «Поэтическое определение перевода» (2016).

КВЯТКОВСКАЯ МАЙЯ ЗАЛМАНОВНА (Санкт-Петербург)

Окончила 2-й Ленинградский Государственный педагогический институт иностранных языков (ЛГПИИЯ), по специальности «французский язык». Переводчик стихов и прозы, в основном, с романских языков. Работала над такими поэтами, как Теофиль де Вио, Расин, Лафонтен, Готье, Бодлер, Верлен, Лафорг, Арто (Франция); Камоэнс и Пессоа (Португалия); Лопе де Вега, Сервантес, Гонгора, Кеведо, Валье-Инклан, Мачадо (Испания), Эдгар По (США), Свифт, Россетти (Англия), Сенеа (Куба), Гонсалес Мартинес (Мексика), Дарио (Никарагуа) и др. Член Союза Российских писателей и СП Санкт-Петербурга. Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

КОМКОВ ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ (г. Павловский Посад, Московской области).

Окончил факультет иностранных языков МГУ имени М. В. Ломоносова. Культуролог, герменевт, переводчик. Доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова. Поэтическим переводом занимается с 2008 года. Подборки переводов и оригинальных стихотворений публиковались в «Литературной газете», сербских литературных журналах «Траг» и «Српски југ», в разделе «Антология мировой поэзии» чикагского еженедельника «Реклама», в литературных альманахах «Белый ворон» (Екатеринбург – Нью-Йорк) и «Слова, слова, слова...» (Чикаго – Москва), в журнале поэзии «Плавучий мост». В 2016 году вышла в свет книга стихотворений «Тихое вече».

КОРЖОВА ЕКАТЕРИНА МАКСИМОВНА (Чита)

Окончила с отличием бакалавриат и магистратуру на факультете филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Поэт-переводчик с английского, немецкого и русского языков. Многократный победитель региональных конкурсов молодых поэтов-переводчиков Забайкалья. Автор поэтического сборника «Трепет застенчивой души». Основные переводы на английский язык: М. Ю. Лермонтов (лирика, поэма «Мцыри»), лирика Дениса Давыдова, Марины Цветаевой, стихи забайкальских поэтов (Михаил Вишняков, Борис Макаров, Ольга Коваленко, Виктор Балдоржиев, Геннадий Головатый, Георгий Граубин и др.). Перевод английской и американской классической поэзии на русский язык. Среди самых известных стихотворение «Ворон» Эдгара По. Постоянный автор журнала «Переводчик».

КРОТКОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (Москва)

Окончил Московский государственный институт культуры. Долгое время был государственным служащим в системе Госкомиздата СССР. Печататься начал в 1984 году. С середины 1990-х – профессиональный литератор и журналист, автор более 2000 публикаций. Поэтическим переводом интересовался с юности, однако

публиковать ранние опыты не считал возможным. Зрелые переводческие работы печатал в 2000-х годах в журналах «Юность» и «Литературная учёба», в антологии «Век перевода». Книга переводов с французского «Уснувший в ложбине» вышла в Санкт-Петербурге в ноябре 2014 года. Собрание избранных стихотворений Роберта Уильяма Сервиса опубликовано в 2017 году в сборнике «Художественный перевод и сравнительное литературоведение» (издательство Пензенского университета).

МАКАРОВ БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ (с. Акша, Заб. край)

Известный забайкальский писатель, поэт-переводчик, журналист, заслуженный работник культуры РФ. Окончил историко-филологический факультет Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского. В 1972 году стал членом Союза журналистов СССР, в 1978 г. – членом Союза писателей. Опубликованы книги стихов поэта: «Начало начал» (1975), «Возвращаются птицы» (1978), «ЦВЕТНЫЕ коромысла» (1983), «Узы» (1987), «На изломе времён» (2001). Более тридцати лет занимается переводом бурятской поэзии. В 2001 году вышли в свет три стихотворных сборника переводов с бурятского: «С родников начинаются реки большие...», «Вечный свет» и «Волшебные зеркала». В 2008 году появились ещё два сборника переводов с бурятского – «Степные берёзы» и «Когда поёт кукушка». В 2009 году к 70-летию со дня рождения поэта было опубликовано юбилейное 2-х томное издание «Стихи и поэмы» (Москва). Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). В последние годы вышли в свет книги переводов с бурятского языка «Дороже всех богатств» (2014), «О чём молчит степная тишина» (2015).

МАРКЕЛОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА (Москва)

Окончила филологический факультет МГУ им. Ломоносова и гуманитарный факультет Университета Исландии; кандидат филологических наук, специальность: скандинавская литература. Литературовед, с юных лет пишет собственные стихи и прозу. Основные публикации: монография «Становление литературы Фарерских островов и формирование фарерского национального самосознания» (Пушкино, 2006). Опубликованы переводы: Шарлотта Вайтсе «Письмоносец» (пер. с датского), Хатльгрим Хельгасон «101 Рейкьявик» (пер. с исландского), «Корабль призраков» (антология традиционного исландского фольклора). Перевела роман Хатльгрима Хельгасона «Женщина при 1000 С», роман Ауртни Бергманна «Торвальд Странник», антологию современных исландских пьес, много стихов и новелл исландских и фарерских авторов XX–XXI вв. Автор стихов и малой прозы в московских журналах «Юность», «Литературные незнакомцы», «Наша улица», альманахах «Складчина», «Остров», «Вышгород» (Таллинн), «Tímarit Máls og menningu» (Исландия), OUTSIDER (Фарерские острова). Дипломант открытого международного конкурса «Поэтическое определение перевода» (2016).

МАРКОВА НИНА АЛЕКСЕЕВНА (Чита)

Окончила факультет иностранных языков Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в РГПУ им. А. И. Герцена. Кандидат филологических наук, доцент, действительный член Союза переводчиков России. Является постоянным автором

Раздела «Лексикография», составитель Русско-английско-латинского словаря флоры и фауны в помощь переводчику.

ПАНКРАТОВА ЭЛЕОНORA ЛЕОНИДОВНА (Москва)

Окончила МГУ, литературовед и переводчик, кандидат филологических наук. Член Союза писателей Москвы. Член Союза переводчиков России. Представитель России в международной комиссии FIT по литературному переводу. Почётный член Гамсуновского общества. Член международной ассоциации скандинавистов IASS. Автор статей, посвящённых норвежским писателям в энциклопедиях, предисловий в книжных изданиях, статей в периодической печати. Переводчик произведений Кнута Гамсуна, романов Сигрид Унсет, сказок Петера Асбъёрнсена и Йоргена Му, произведений Нильса Юхана Рюда, Кнута Фалдбаккена, Юстейна Гордера, а также Одда Соломсмуена, Эвы Себерг, Тура Обрестада, Сигмунда Доксума, Дага Сулстада, Марион Коксвик. Переводчик фундаментального труда профессора Пера Саугстада «История Психологии» (2008). Печаталась в журналах «Юность», «Иностранный литература», «Литературное обозрение», Таллинн. Соседи – Inkerin Uutiset», альманахах «Меценат и мир», «Лесной орех» в норвежской печати (Афтенпостен Проза Forfatteren) и др. Участник международных конгрессов, конференций и семинаров в России, Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии, Германии, Англии, Болгарии.

ПРЕСНЯКОВ ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ (Москва)

Окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета. Работает преподавателем русского языка и русской литературы в Центре довузовской подготовки при Московском государственном лингвистическом университете. Член Союза переводчиков России. Автор поэтических книг «День» (1997), «Ленинград» (2008), «Сирень» (2011), «Облачка» (2012), «Напарник» (2012), «Невский» (2014), автор книги «Строфа» (2012) – сборника статей о поэзии и о проблемах поэтического перевода. Имеет многочисленные публикации в журналах «Мир перевода», «Столпотворение», в альманахе «Девин» Словацкого института в Москве. Один из организаторов работы московского литературного клуба «Филозавры» Союза переводчиков России.

САГРАТЯН АШОТ АРИСТАКЕСОВИЧ [Москва, 1936 – 2015].

Окончил русское отделение филологического факультета университета им. Молотова, затем Литинститут им. А. М. Горького. Учился в аспирантуре Института мировой литературы. Писатель, поэт, художник. Воспитатель переводческих кадров: с 1969 по 1995 гг. руководил творческим семинаром в Литературном институте им. А. М. Горького, читал лекции по теории перевода и психологии творчества, в т. ч. и на Высших литературных курсах. С 1968 года журналист-международник. Перевёл около 30 книг. За уникальные разработки в области этнопедагогики в 1998 г. был избран членкором академии педагогических и социальных наук, а в 1999 г. – действ. членом АПСН. В 1999 г. был удостоен Золотой пушкинской медали. Автор книги «Введение в опыт перевода. Искусство, осязаемое пульсом» (2001), посвящённой 1700-летию принятия христианства государственной религией Армении. В 2009 году награждён медалью В. Я. Брюсова за более чем полувековой вклад в науку о переводе и пропаганду шедевров армянской литературы на русском языке. В 2010 году выпустил поэтический сборник, по-

свящённый 65-летию Великой Победы. Автор поэтических переложений 9 шекспировских трагедий.

СЛАВОРОССОВА ЕВГЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА (Москва)

Окончила философский факультет Московского государственного университета им. Ломоносова. Поэт, переводчик, журналист, детский писатель. Стихи и переводы с английского, польского и языков народов СССР печатались во многих центральных изданиях. Автор книги стихов «Утренний поезд», детской книги «Детективное бюро мистера Спича», пяти сказочных повестей и многих познавательных статей и эссе для детских и взрослых журналов. Долгое время работала шеф-редактором журнала «Детская школьная академия», была членом редколлегии журнала «Первоклашка», работала литературным редактором журнала «ЧИП – детям». В настоящее время литературный консультант журнала «ЧИП – детям» и выпускающий редактор альманаха «Истоки». «Лучший автор года» журнала «ЧИП – детям» (2009). Дипломант Открытого международного поэтического конкурса «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). Дипломант Открытого международного поэтического конкурса «Поэтическое определение перевода» (2016). Книга Е. Славороссовой «Детективное бюро мистера Спича» вошла в десятку лучших детских детективов за последние 5 лет по версии он-лайн журнала «Школьный звонок» (№ 3 2016), а также вошла в топ интернет сервиса "Prostokniga" в категории «Лучшие детские книги и детская литература» (№ 86).

СТЕЛЬМАК ОЛЬГА ВИКТОРОВНА (Чита)

Окончила факультет иностранных языков Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии при МГПИ им. Ленина в Москве. Канд. филол. наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики факультета филологии и массовых коммуникаций ЗабГУ. Поэт-переводчик, действ. член СПР, председатель Забайкальского регионального отделения СПР, гл. редактор научно-художественного журнала «Переводчик», директор университетского предприятия ООО «Забайкальский лингвистический центр «Прогресс». Опубликованы краткие англо-русские словари в помощь переводчику (поэтизмов, цветонаименований, стихотворных терминов); книги переводов английской и американской поэзии на русский язык: «Прекрасное пленияет навсегда...» (1998, 2-е изд. 2004), «The Songs of Joy and Sorrow» (2009). Стихи и переводы также опубликованы в журналах «Переводчик», «Гуманитарный вектор», «Встречи», «Рождая звезду...». Автор поэтических сборников: «Я дарю тебе осень...» (2000), «Волшебный мир любимых грёз...» (2003), «Мой зачарованный мираж...» (2006); «Сладкой грусти наслаждение...» (интернет-издание на сайте «Стихи.ру», 2012). Опубликованы стихи в коллективных поэтических сборниках: «Поэт 2012 года», «Союзники» (2012), «Российские поэты» (2012), Сборник стихов (2012), Любовная лирика (2013). Дипломант поэтического конкурса «Поэт 2012 года».

СТРУЧАЛИНА ГАЛИНА ВАЛЕРЬЕВНА (Белгород)

Окончила Воронежскую государственную академию искусств (2003), Белгородский государственный национальный исследовательский институт (2014). Филолог, поэт, переводчик (основные языки – английский, китайский), музыкант. С 2014 преподаёт в Институте межкультурной коммуникации и международных от-

ношений НИУ «БелГУ», ведёт научную и просветительскую работу. Автор сборника стихов и переводов с китайского языка «Творчество» (2009); лауреат Международного молодёжного конкурса перевода «*Littera Scripta*» (г. Екатеринбург), Всероссийского конкурса исторической поэзии «Словенское поле» (г. Псков), неоднократно публиковалась в художественных журналах и сборниках (Санкт-Петербург, Москва, Нью-Йорк, Чита, Псков). Сетевой автор, колумнист коллективного блога о Китае «Sad Panda», участник проектов международной исследовательской группы «Василий Ерошенко и его время», посвящённой жизни и творчеству писателя и путешественника В. Я. Ерошенко.

ФЕЛЬДМАН ЕВГЕНИЙ ДАВЫДОВИЧ (Омск)

Окончил Омский государственный педагогический университет (факультет иностранных языков и исторический) и аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории Томского государственного университета. Член Союза российских писателей и Союза переводчиков России. Стаж творческой деятельности более 40 лет. Перевёл свыше 60.000 стихотворных строк из англо-шотландской классической поэзии. Впервые перевёл и подготовил для печати сборник стихов А. К. Дойля «Песни действия». Основные публикации: переводы в 3-хтомной антологии «Семь веков английской поэзии» (2007), Д. Китс «Эндицион» (2008), Р. Бёрнс «Былые времена» (2009, 2012), Р. Киплинг «Кабульский брод» (2010). В 2012 году в издательствах Москвы и Санкт-Петербурга опубликованы книги: Р. Бернс «Джон Ячменное зерно» (стихотворения, поэмы, песни, баллады); Р. Киплинг. «Бремя белых» (часть 2 в пер. автора); Блэкмор Р. Д. «Лорна Дун» (роман); Брэддон М. Э. «Тайна леди Одли» (роман); О. Уайльд. «Сфинкс» (стихотворения и поэмы). «Лауреат Бунинской премии 2010 года в номинации «Поэтический перевод». Награждён Всероссийской общественной организацией Героев, Кавалеров Государственных наград и Лауреатов Государственных премий «Трудовая доблесть России» Почётным знаком отличия «Трудовая доблесть. Россия» (2013). В ноябре 2013 г. стал лауреатом Национальной литературной премии «Золотое перо Руши» в номинации «Литературные переводы».

ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА (Португалия, г. Бенавенте)

Окончила Волгоградский государственный педагогический университет (биология-химия). Кандидат педагогических наук, доцент, более 60 научных публикаций. Занималась проблемами творчества, языка и культуры. Поэт, эссеист, автор пяти поэтических сборников, литературоведческих статей, эссе об искусстве. Член Союза российских писателей, международного союза писателей. Автор многих альманахов поэзии России и Украины, антологий («Поэзия третьего тысячелетия», по итогам литературного конкурса «Согласование времён 2009»), зарубежных альманахов («Встречи» № 30 Филадельфия; «Стороны света» № 9). Лауреат конкурса «Вся королевская рать» (литературно-критическая статья). В Португалии живёт с 2003 года. В 2008 году подтвердила учёную степень в португальском университете, участвовала в трёх научных конференциях. По материалам своего выступления на международном коллоквиуме «Триумфальный день Фернандо Пессоа» (2014 г., Лиссабон) опубликовала статью в журнале «Иностранная литература» (№ 7, 2015 г.). Опубликовала ряд статей о творчестве португальских поэтов – классиков и современных авторов («Новый мир», № 8, 2016; «Иностран-

ная литература» № 4 2017 и др.). В её переводе вышли: поэзия Антонио Нобре «Мельник ностальгии» («Водолей», 2013 г), Фернандо Пессоа «Книга непокоя» (Ад Маргинем Пресс, 2016 г.), антология португальской поэзии XV–XX веков «Лузитанская душа» («Водолей», 2017).

ЧУЧИНА АЛЛА АЛЕКСАНДРОВНА (Москва)

Окончила Московский государственный педагогический институт, исторический факультет. Второе образование – Высшие курсы иностранных языков (польский) при Интуристе, гид-переводчик. Работала выпускающим редактором польской редакции на Международном московском радио (Иновещание), «Голос России». Член Союза переводчиков России. Участник международных конкурсов на лучший перевод стихов Нобелевских лауреатов Ч. Милоша (2011) и В. Шимборской (2014), «Поэтическое определение перевода» (2016). Дипломант мастер-класса Н. Горбаневской (Вроцлав 2012 г.). Публикации в журналах «Мир перевода» № 35, 2016 г., «Переводчик» № 17, 2017 г., в сборнике «Антология современной польской и российской поэзии» (2017 г. Польша).

ШАШИНА АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА (Чита)

Студентка 4 курса китайского отделения (направление подготовки «лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение») факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета. Статья подготовлена в рамках работы над выпускной квалификационной работой на тему «Перевод личной документации с китайского языка на русский язык».

ШУВАЛОВА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА (Москва)

С 2013-го года организатор проекта «Tørrfisk» о Скандинавии, автор статей и кратких переводов о культуре Исландии и Норвегии, работала над переводом детской книги «Хельги исследует мир» с исландского языка совместно с автором портала «Северная слава» Тимофеем Ермоловым. Соавтор подстрочного перевода поэмы «Хаугтюсса» Арне Гарборга с норвежского совместно с Екатериной Поляковой, Алексеем Сельнициным и Юрием Гениным. Студентка Скандинавской школы в Москве, группа норвежского языка.

Научно-популярное издание

ПЕРЕВОДЧИК

Выпуск 17

Печатается с оригинал-макета авторов

Подписано в печать 18.05.2017. Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Способ печати цифровой.

Усл.печ.л. 15,1. Уч.-изд.л. 10,3. Заказ № 17107.

Тираж 300 экз. (1-й з-д 1-100).

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александровская, 30.

Забайкальское региональное отделение Союза переводчиков России

Контактный телефон 8-(302)2-32-02-44
e-mail ovstelmak@mail.ru